АЗБУКА ВЕРЫ

Михайлов С.П.

Всадник над облаками

Художественная литература · azbyka.ru

Всадник над облаками – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/vsadnik-nad-oblakami

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Всадник над облаками

Михайлов С.П.

Оригинал

Обращение к вере способно перерождать души людей.

Ясное осознание того, что Бог, действительно, существует и что отвечать на Страшном Суде придется за любое зло, причиненное ближним, в считанные дни круто меняет мироощущение главного героя повести.

В книге правдиво рассказано о судьбе юноши, выросшего в преступной среде. В ней показаны противоречивые и глубокие переживания молодого человека, побывавшего за порогом земной жизни.

Глава 1. Всадник над облаками

Жил монах на земле одинокий,
В неприступных горах, далеких.
Там, вдали от людской суеты,
Пролегали его следы.
Я искал его много лет.
«Как мне жить?» — я искал ответ,
Но когда я его отыскал.
Он смотрел на меня... ...и молчал...

Не знаю отчего, но тот день оказался одним из самых ранних и ярких воспоминаний моего детства...

Вижу себя совсем маленьким ребенком, лет около четырех. Недалеко от нашего дома был родник. Глубокий, чистый и настолько полноводный, что иногда в него заходила рыба из протекавшей неподалеку от дома небольшой горной речки. Вода в реке была всегда немного с белесо-голубоватым густым оттенком, и от этого в речке, к моему сожалению, почти нигде не было видно ни рыбок, ни дна. Другое дело родник!

В прозрачной, прозрачнее самого прозрачного стекла, хрустальной и чистой как слеза воде непрестанно поднимались со дна родника подземными струями разноцветные песчинки, которые блестели и переливались всеми цветами радуги в яркий солнечный день на прекрасном объемном пейзаже родникового дна. Между разноцветными, слегка красноватыми, камнями узорчатого гранита извивались длинные темно-зеленые водоросли. Родник был почти идеально круглой формы. Его поверхность то была совершенно ровной и неподвижной, как зеркало, то вдруг, колеблемая струями сильных подземных источников, начинала принимать самые причудливые — то гладко-кругообразные, то живые и скоро изменчивые — формы.

Наблюдения за жизнью родника доставляли мне в детстве самое чистое и долговременное эстетическое наслаждение. Через выходное русло родника была перекинута толстая и широкая, выгоревшая на солнце, сосновая доска, на которой с легкостью могли уместиться еще три или четыре таких же маленьких мальчика, как я. Надо ли говорить, что наш домашний родник был моим любимым местом обитания, где я мог целыми часами играть, размышлять и мечтать в одиночестве.

Ни братьев, ни сестер у меня не было. Рос я один, с отцом. Маму я свою не помнил совсем, и даже не знал, что есть на свете такое понятие и слово — «мама». Я знал, что моя мама живая. Что она где-то есть, но с нами по какой-то причине не живет. Когда взрослые начинали говорить о моей маме, то меня обычно гладили по голове и говорили привычное:

— Без мамы-то трудно жить?..

Но я своим слабым детским умом совсем не понимал, почему это «без мамы трудно жить». Не понимал я и того, отчего это у взрослых при разговорах о моей маме делались такими грустными глаза. Чуткой своей душой я догадывался, что взрослые от меня что-то скрывают о маме. Но что?! Ответы на эти вопросы я получил только в десятилетнем возрасте. В раннем же моем детстве мир взрослых иногда вдруг становился для меня миром многих неясностей, неожиданностей и загадок.

А все оттого, что кто-то к кому-то был недоброжелателен, кто-то на кого-то был обижен и сильно зол. Может быть, поэтому, движимый неведомым мне инстинктом, я обычно искал утешения или разрешения своих детских вопросов или только в себе самом, или на лоне чистой и девственной горной природы. К взрослым за советом и помощью я обращаться почему-то не умел и не любил. Детей в нашем маленьком горном поселке, состоявшем всего лишь из полутора десятков домов, беспорядочно вытянувшихся вдоль узкой речной долины, почти не было. Может быть, оттого, что детей в поселке было мало, все взрослые относились ко мне всегда неизменно по-доброму. Все жалели меня и при всяком удобном случае старались усадить за стол и накормить чем-нибудь вкусным, хотя мы с отцом и не голодали.

Как-то раз, придя в любимое место моих детских игр, я с удивлением обнаружил в роднике небольшую стайку маленьких рыбок. Рыбки были такими прекрасными, какими они могут быть только в глазах маленького ребенка. Становясь взрослыми, мы почему-то, по большей части, утрачиваем эту способность — радоваться, удивляться и даже видеть наше повседневное прекрасным. Рыбки были с красненькими, перламутрового оттенка глазками, со светловатым серебристым брюшком и с зелененькими полосатыми спинками. Они выглядели очень подвижными и невыразимо изящными. Свободно и ничуть не пугаясь моей очень близко склоненной над ними головы, рыбки беззаботно играли в струях прозрачного родника, то медленно, то быстро переплывая с места на место.

Я запустил свою руку в ледяную воду родника, но скоро сообразил, что рукава у рубахи намокнут. Пришлось закатывать их повыше. И началась продолжительная и неуклюжая охота за пятью или шестью мальками, мелькавшими почти под самой доской, на которой я находился. Мальки подпускали мою руку к себе абсолютно безбоязненно, но, как только я пытался схватить рыбешку своими маленькими детскими пальчиками, едва заметные глазу очень быстрые и точные движения маленьких пестрых хвостиков мгновенно делали мальков абсолютно недосягаемыми для моих быстро околевающих в ледяной воде рук. Иногда я даже успевал почувствовать тельце маленькой рыбки пальцами. Но результат был всегда один и тот же. Рыбки продолжали все так же беззаботно пребывать в родной им стихии прозрачного родника. А я побелевшими от ледяной воды пальчиками вновь и вновь пытался поймать так близко находившуюся возле моих глаз красоту. Мне просто хотелось рассмотреть рыбок поближе, а о чем-либо другом я тогда и думать-то не умел.

Долго ли продолжалась эта «охота», сейчас вспомнить сложно, но продрог я весьма основательно. Очевидно, отец мой, видя, что меня долго не видать-не слыхать, пошел меня искать. Вдоволь насмотревшись на мою неуклюжую «рыбалку», он, в конце концов, не выдержал и засмеялся.

Услышав его добродушный смех, я поднял голову.

— Ну что, сынок, рыбу ловишь?

— Ловлю.

— И как, поймал что-нибудь?

— Нет.

Отец с горки спустился ко мне и зашел на доску, на которой я стоял на коленях. Потом он наклонился, внимательно посмотрел на рыбок, плавающих в роднике, и на мои побелевшие от ледяной воды руки.

— Ну, здесь ты так ничего не сумеешь поймать…

Я вопросительно смотрел на него.

Отец выпрямился и взял меня за руку.

— У, какие холодные! Пойдем со мной, я тебе такое место покажу… — сказал мне с теплой и загадочной улыбкой отец, — там столько рыбы! Полную банку наловишь.

И мы пошли с ним за баню, потом вдоль огорода, и дальше, дальше за огородом, по прямой тракторной грунтовой дороге. А других, не грунтовых, дорог вокруг нашего дома в те времена никогда и не было. Отошли мы от дома достаточно далеко, и шли до тех пор, пока не оказались у огромной лужи, через которую пролегали две глубокие тракторные колеи.

— Вот, смотри. Сколько тут рыбы! — сказал отец полушутливым, полусерьезным тоном.

Я взглянул вниз. Надо же! И на дне глубокой тракторной колеи, и на самых ее мелких местах копошились целые тысячи маленьких, пузатеньких, абсолютно черненьких «рыбок». Я тогда, по младенчеству своему, еще не мог знать, что это были вовсе не рыбки, а будущие лягушки, головастики. Они, конечно, не поражали красотой, как рыбки в роднике, но зато их было очень много! И поймать их было, судя по всему, намного легче, чем небольшую стайку рыбок в роднике.

Мы вернулись с отцом домой. Он занялся делами по домашнему хозяйству, а я, вооружившись банкой, пошел на первую в своей жизни серьезную «рыбалку». Вскоре, для большей эффективности пришлось захватить еще одну стеклянную поллитровку. Дела мои, хотя и с переменным успехом, но шли все же достаточно успешно. Уже почти затемно я заявился домой со знатным «уловом»: две банки с невероятно грязной водой буквально кишели «рыбой».

Отец очень удивился принесенной добыче:

— Надо же! Как много!!! Молодец, сынок!

Вот завтра мы с тобой полную сковородку рыбы нажарим! Давай сюда.

Отец взял банки, внимательно рассмотрел их. Еще раз похвалил меня за проявленное усердие и поставил обе банки на входной порог у двери.

— Ну, давай умывайся. Ешь и ложись спать. А рыбу твою мы завтра съедим.

Наутро я спросил отца:

— А где рыба?

— А, там… — неопределенно ответил отец и перевел мое внимание на какую-то другую тему.

Жили мы с отцом очень уединенно. Он был профессиональным пчеловодом, поэтому всю весну и лето, вплоть до самых холодов, проводил в лесу, в непрестанных заботах о большом пчелином хозяйстве. Часто мы жили с отцом не в деревне, а в лесу, на пасеке, находившейся в двух километрах от деревни. Именно там, мало-помалу, я начал постигать первые азы ориентировки на местности, так пригодившиеся мне впоследствии в жизни. Когда я стал самостоятельным и взрослым, путешествовать по всей России пришлось очень много.

По утрам на нашей пасеке, еще задолго до восхода солнца, бесчисленное птичье царство устраивало невероятно громкоголосые и многозвучные концерты. Едва-едва только начинала появляться на востоке первая светлая полоска рассвета, как птицы начинали выводить самые бесчисленные и замысловатые мелодии. Делали они это так дружно и громко, что нам с отцом, точно так же как и пигмеям в далеких африканских джунглях, иногда приходилось сильно повышать голос, чтобы мы могли хоть как-то расслышать друг друга.

Очень жаль, что душа с возрастом почему-то утрачивает эту детскую способность — видеть мир во всей его неизъяснимой и первозданной красоте. Каждый цветок, каждый листочек, каждая почка, каждый куст лесной смородины и каждый большой, обросший темно-зеленым мхом громадный камень на берегу речки, и сама речка, что протекала прямо возле нашей пасеки, доставляли моей детской душе постоянную чистую и неописуемую радость ежедневного таинственного общения с созданной Богом первозданной красотой видимого мною мира.

Мир вокруг меня был настолько изумителен, прекрасен и интересен, что скучать мне не приходилось никогда. За каждой горой чудились захватывающие тайны большого, пока еще не раскрытого мною мира. Казалось, жизнь впереди будет долгой, полной открытий. Да и все люди вокруг представлялись мне тогда неизменно добрыми.

Пожалуй, единственным огорчением для меня в период жизни с отцом на пасеке было изобилие ядовитых змей — гадюк, которые очень часто попадались нам с отцом на южных склонах гор. Отец даже строго-настрого запрещал мне играть на особо заселенных змеями горах. Да и сам порою предпочитал проходить более длинной тропой к пасеке и обратно, чем подвергать себя почти обязательной встрече со змеей, на южном склоне горы. Перед ползучими гадами я всегда испытывал не объяснимый уму сильный страх.

В возрасте пяти-шести лет смерть в лице змеи приступила ко мне впервые. Исходя из законов обычной человеческой логики, еще в раннем детстве я не должен был остаться в живых. Но неизвестная, невидимая разумная сила отвела от меня в тот памятный день неминуемую гибель. Впоследствии эта же могущественная сила сопровождала меня в течение всей моей жизни и неоднократно спасала от смерти, сверх всяких человеческих надежд и упования.

Не помню, по какой причине, но в тот памятный для меня день мы с отцом возвращались с пасеки домой не как обычно — поздно вечером, а почти сразу после обеда, днем. Отец что-то хотел успеть сделать дома пораньше.

Для того чтобы спрямить путь, мы пошли не по той дороге, по которой ходили всегда, а через гору и потом по свежескошенному на крутом горном склоне лугу, вниз к поселку.

Солнце пригревало днем очень сильно, как это обычно бывает в середине лета в Сибири. Мне было очень весело. Я снял свои резиновые кеды, связал их за шнурки вместе, перекинул через плечо и начал бодро приминать разогретую на жарком летнем солнце горячую зеленую траву. Отец сначала сказал мне:

— Надень кеды, ноги наколешь, — но потом, видя, что мне ходьба босиком не доставляет никаких видимых неудобств, махнул рукой, — ну если ноги не больно, то иди так.

Когда мы вышли на свежескошенный луг, я начал весело прихлопывать босыми ногами торчавшие из земли колючие обрезки травы слегка наискось — трава так намного удобнее приминалась, и мне было уже не так колко идти. Как обычно я вертел головой туда и сюда, смотря куда угодно по сторонам, но только не себе под ноги, и вдруг, со всего маху, пришлепнул голой ногой что-то холодное, мягкое и противное. Остановившись, я с недоумением уставился на то, в чем «увязла» моя нога.

Склон на этом месте горы был очень крутой, от этого я не мог быстро поменять положение ног — это грозило бы мне неминуемым падением. Моим изумленным глазам представилась следующая картина. Под моей ногой лежала свившаяся клубком черная с шахматными узорами средних размеров гадюка. Я столь быстро, крепко и надежно припечатал ее своей детской босой ногой к свежескошенным травяным колючкам, что она не успела даже развернуться. Голова змеи вертелась во все стороны. Гадюка делала всевозможные изгибы и усилия, чтобы вырваться из-под моей ноги, но не могла этого сделать, потому что я от растерянности просто стоял и смотрел на нее.

Наконец-то до меня дошел смысл того, что происходит, и я с ужасом соскочил с извивавшейся под моей ногой холодной и узорчатой спирали. Гадюка мгновенно метнулась под сенным валком в противоположную от меня сторону. Когда я оглянулся назад, то увидел отца. Лицо его было совершенно белым — как бумага…

Отец кинулся к сенному валку и начал ворошить его своими кирзовыми сапогами, но найти там он уже никого не успел: змея, конечно же, дожидаться своей погибели не стала.

Попало мне в тот летний день, что называется, по первое число! Добрых полтора часа отец внушал мне, что «кеды вообще в лесу и на покосе снимать нельзя», «надо смотреть себе всегда под ноги, а не куда попало», что «ходить босиком по лесу вообще никогда не надо», и, как это и бывает в подобных случаях, бесконечные «т.д. и т.п.». По вполне понятным причинам, горьких переживаний ему в тот день и вечер досталось намного больше, чем мне. Я только лишь испугался, и все. А что пережил в тот день мой бедный отец, остается теперь только догадываться, глядя на собственных маленьких детей.

— Надо же! — говорил неоднократно в тот вечер мой отец. — Ну почему она его не укусила? Гадюки ведь всегда в таких случаях кусают! Даже и через сапог пытается прокусить, а тут голая нога, и не укусила! — Отец не мог успокоиться до самого глубокого вечера.

Потом, когда я вырос, мне много раз неоднократно приходилось слышать то же самое от других людей. «Надо же? Ведь живым в таких случаях не остается никогда и никто. А ты выжил. Это невероятно!»

Хотелось бы только особо отметить, что ни в раннем детстве, ни тем более потом я ничем не мог заслужить столь явной и бережной заботы обо мне со стороны Бога. Жизнь моя впоследствии пошла по самой греховной колее…

Спустя некоторое время к нам приехали из Новосибирска гости на двух легковых машинах. Как

было принято в те времена, встреча почти сразу же приняла характер шумного, веселого застолья. Взрослых для нашего небольшого домика в тот день было непривычно много — около десяти человек. Из детей был только я один. Вдоволь насидевшись в лесном домике, все взрослые вышли наконец-то на улицу. Со двора был прекрасный вид. Горы, река, ясный, совсем не жаркий солнечный день, а для некоторых из гостей — новое место, — все это весьма располагало взрослых к продолжительному пребыванию на улице. Сделала свое дело и традиционно принятая за столом добрая порция спиртного. На нашем небольшом дворе в тот день было непривычно весело и шумно. Гости к нам приезжали очень редко. Так что иногда даже в течение нескольких месяцев не бывало ни одного гостя.

В это время со мной произошел еще один таинственный и необъяснимый случай. При этом я не был мистически настроен, тем более что я до двадцати семи лет не верил в Бога. Все таинственные и необъяснимые случаи в моей жизни всегда происходили именно в то самое время, когда я менее всего задумывался о какой бы то ни было мистике и чудесах. Этот случай врезался в мою память…

Вдруг я увидел, что в синем осеннем небе над облаками скачет белый всадник на белом коне. Причем, когда он скакал по чистым участкам ярко-синего солнечного неба, его было видно очень хорошо. Он весь сиял и переливался ярко-белыми очертаниями своего красивого, развевающегося позади него длинного, молниевидного одеяния! Но когда его путь пролегал по участкам неба, где были облака, я уже не мог видеть его, потому что облака скрывали от меня и коня, и всадника.

Таким образом, всадник то появлялся на открытых участках неба, то скрывался за тучами. Он был великолепен! Белый, сверкающий жемчужными переливами конь, длинная грива и хвост. И яркая, белая, красиво развевающаяся по ветру от плеч всадника длинная накидка. Волосы, черты лица всадника, уздечку и мелкие детали я разглядеть не мог: он был очень высоко. Очарованный этим великолепным зрелищем, я вскинул свою правую руку к небу и, указывая на всадника, что было сил закричал:

— Смотрите! Смотрите! По небу всадник скачет!

Услышав мой громкий и неожиданный для всех крик, взрослые на недолгое время сразу же прекратили шумные разговоры и стали смотреть на меня. Я во второй раз опять закричал:

— Смотрите! Смотрите! Всадник! Он скачет по небу!

Я указывал рукою на небо, искренне опасаясь в то время только одного — что взрослые так и не успеют увидеть этого прекрасного, сказочного всадника. А всадник уже пересекал верхнюю границу небосклона и начинал уже заметно удаляться от нашего дома. Взрослые недоуменно смотрели кто куда. Кто на меня, кто по сторонам, кто на небо, но, к моему величайшему изумлению, никто ничего не видел! Какая-то женщина начала успокаивать меня. Кто-то из взрослых сказал:

— Наверное, ему показалось что-нибудь?

Всадник тем временем, не меняя своего направления, продолжал свой путь над облаками… Он уже приближался к краю горизонта, когда я начал было в третий раз твердить, поднимая руку:

— Смотрите! Смотрите…

Но меня уже никто не слушал. Очевидно, взрослым, у многих из которых было по нескольку высших образований (о чем я узнал позже), не было дано видеть этого всадника. Я едва

удерживался от слез горести и обиды. Всадник же, еще несколько раз прощально показавшись в чистых от облачности местах, наконец-то скрылся за горизонтом…

Потом я еще долго мучился недоумением. Но почему мне тогда никто не поверил? Почему никто не увидел этого всадника? Да и что это был за всадник? Куда он направлялся? Ответов на эти и подобные им вопросы я не знаю и до сего дня. Если меня не подводит память, это событие произошло со мною в 1970 году.

Глава 2. Мы дадим тебе хлеб

Кто познает глубины дел Божьих?
Кто не примет Его чистоты?
Даже в самых испорченных душах
Расцветают Его цветы.
Только мы почему-то слепо
Наполняем суму пороков.
Как обычно…
…в среде своих ближних,
Чести нет для своих пророков.

Потом, спустя несколько лет, когда я пошел уже в пятый класс средней школы, со мной опять произошел таинственный и необъяснимый случай. Произошло это при следующих обстоятельствах. Отцу моему, как старому профессиональному пчеловоду, предложили более выгодные, по его мнению, условия в одном из леспромхозов Горного Алтая. После недолгих раздумий отец, приняв это предложение, сдал наш дом и свою пасеку на попечение другого пчеловода.

Место, в которое мы переехали, очень сильно отличалось от нашего бывшего места жительства. В поселке леспромхоза моя бурная детская жизнь протекала по весьма своеобразным и нескучным законам.

Первые четыре класса начального образования я провел в большом и очень шумном детском доме города Горно-Алтайска. Хотя лето я проводил вместе с отцом, по большей части в лесу на пасеке, но детская психология местных ребятишек этих географических тонкостей, конечно же, не учитывала. Мне с чьей-то легкой руки быстренько прилепили кличку Городской.

Четыре года шумной детдомовской атмосферы, конечно же, отложили свой отпечаток на мою впечатлительную душу. В первые же две недели я передрался со всеми мальчишками в поселке. Но особенно ярко мне почему-то запомнилась одна драка, которая дракой-то собственно и не была. Меня просто обезоружили, а потом пощадили. Этот случай остался в моей памяти особо. Моего противника звали Григорием, или попросту Гришей.

Не помню, по какой причине, но по детским законам моего, не в меру подвижного и скорого на необдуманные и злые поступки неразумного детства, я как-то задал хорошего пинка некоей подвернувшейся мне девочке-алтайке. Она заплакала и ушла. Вокруг меня сразу же образовалась почти ничем не нарушимая тишина. Кто-то из ребятишек сочувственно сказал мне:

— Все, Городской! Сливай воду. У нее есть старший брат Гришка. Она сейчас ему пожалуется, а он на два класса старше тебя и в своем классе самый сильный. Тебе его не одолеть…

Информация была явно не в мою пользу. Но отступать в подобных случаях я не любил, да и

уходить было нельзя. Какой был смысл от кого-то укрываться в поселке? Все равно за нанесенную кому-то обиду пришлось бы потом рассчитываться сполна. Убежавший с поля боя трус лишь усложнял свое положение потерей авторитета. Да к тому же надо было держать ответ перед строгим мальчишеским судом еще и за то, что убежал. Я понял, что хочешь не хочешь, а драться мне все-таки придется.

Когда я увидел своего противника, это придало мне сил. Роста он был со мной почти одинакового. Поначалу он даже показался мне медлительным и неповоротливым, но скоро практика уличной жизни очень быстро рассеяла все мои иллюзии относительно бойцовских качеств Григория.

Вокруг нас тут же собрались все мальчишки и девчонки с улицы. Слух о том, что новенький Городской сейчас будет драться с Гришкой, грозой всех мальчишек ниже седьмого класса, мгновенно облетел все закоулки. Гриша подошел ко мне, встал напротив меня и деловито предложил, даже не поднимая своих рук:

— Давай нападай!

Я стоял и смотрел на него.

— Ну! — повторил он уже более грозно. — Давай нападай!

Нападать мне не хотелось. Уж больно спокойным был взгляд двух узких, смотревших на меня без тени страха, черных глаз. Не очень уверенно я попытался нанести ему три или четыре удара кулаками. Увертывался он мастерски. Все мои удары пришлись по воздуху. Потом он неожиданно обхватил меня руками за пояс и грохнул на землю, сам же оказался сверху. Я как в железные клещи попал — вырваться из его рук я уже никак не мог, как ни старался. Гриша деловито сказал:

— Или ты сдаешься, или я тебе сейчас головой все зубы повыбиваю.

Я бессильно барахтался внизу. Гордость моя не хотела признавать своего столь скорого и столь позорного поражения. Гриша повторил:

— Или ты сдаешься, или я тебе головой все зубы выбью.

Вокруг меня зашумели мальчишки:

— Сдавайся, Городской, тебе его не одолеть!

— Лучше сдавайся!

Недовольный, я вынужден был признать свое поражение:

— Ладно, сдаюсь...

Гриша отпустил меня, я был подавлен. Меня мучил стыд так, что даже не хотелось вставать с земли. Перекинувшись с кем-то из мальчишек несколькими фразами, Григорий удалился. Кто-то из мальчишек подошел ко мне и сказал:

— Тебе повезло. Он мог бы действительно выбить тебе все зубы. Он тебя просто пожалел.

Безошибочным чутьем опытного уличного драчуна я понял, что все сказанное мне было чистой правдой. В глубине души я проникся уважением к великодушному поступку моего противника.

Несколько лет спустя судьба развела нас с Гришей уже навсегда. Закончил свою жизнь Гриша очень рано и очень печально. Будучи одаренным спортсменом и талантливым шахматистом-разрядником, он впоследствии оказался под очень сильным влиянием алкогольной страсти. В нетрезвом виде Гриша самовольно ушел с воинского караула с оружием в руках. Захватил дом, в котором находились дочь с матерью и, связав мать веревками, изнасиловал дочь и убил их обеих. За это жестокое и бессмысленное преступление суд приговорил его к высшей мере наказания. Повторный суд подтвердил приговор, и Григория расстреляли. Но память моя, по каким-то одному Богу ведомым законам, почему-то очень цепко сохранила этот великодушный по отношению ко мне поступок Григория. Придя к вере, я вспомнил о Григории. Мне было очень жалко его. Как мог, я начал молиться за его душу. И мне пришлось его увидеть еще раз, но уже не здесь, не в этой жизни, а в мире загробном, — в аду. Зрелище это было настолько ужасным, что я не мог прийти в себя после этого очень долго.

После нашего с отцом переезда в леспромхоз, жизнь моя начала устойчиво и неуклонно скатываться в греховную колею. Как и большинство моих сверстников, я не особо задумывался о своем будущем, оттого и начал жить по общим законам глухой, необразованной и грубой сибирской деревни.

Я начал драться везде, где только мог, выпивать совершенно не детские дозы спиртного и заглядываться на всех девочек подряд. Ни остановить, ни вразумить меня было некому. Отец мой вскорости женился.

Мачеха у меня, к сожалению, оказалась, в самом прямом смысле этого слова, — мачехой. На ее нелюбовь и шипение я отвечал ничем не прикрываемой ненавистью, а иногда и совсем недетскими жестокими пакостями. Обстановка в доме, где я жил, с каждым месяцем обострялась все сильнее и сильнее. Как-то раз, уже не помню, за какой проступок, мне от мачехи с отцом досталось уж очень обидно и крепко…

Весь в слезах я отправился на любимое место моих рыданий — на реку. Река эта была большая и очень шумная. Ее перемешанные с белой пеной от быстрого течения волны порогов поднимались местами в высоту более полутора метров, а шум от реки разносился далеко по всей округе, на расстояние в несколько километров.

Может, я от великого своего детского горя и вовсе хотел утопиться, сейчас уже точно не помню. Но, по уже ставшей для меня привычной печальной традиции, я пришел на берег реки, где мы обычно брали воду для дома, и, сев на огромный серый гранитный камень, начал всей своей одинокой и несчастной детской душой предаваться великому горю и рыданию.

«И зачем мне на этом свете жить? — плакал я. — Никому я на этом свете не нужен…»

В своем горьком детском плаче на тот момент я был совершенно прав. Я ведь и действительно никому не был нужен. С отцом дело едва-едва не доходило до поножовщины, а других близких мне людей или родственников у меня не было. И вот в этот, ставшем для меня таким памятным на всю оставшуюся жизнь день я впервые получил урок Небесной Любви.

Бог ясно открыл мне, что есть мир другой! Небесный, духовный, светлый. Есть мир сильный и счастливый, в котором нет ни зла, ни нелюбви, ни несчастий, ни горя… Но я тогда, по немощи своего детского разума, так и не смог по достоинству оценить произошедшего со мною чудесного события.

Это таинственное и глубоко мистическое духовное явление, конечно же не могло не отразиться благотворно на всей моей дальнейшей жизни. Мне думается, что только благодаря

именно этой встрече с духовным миром я все же не скатился безвозвратно в то преступное прошлое, которое было для меня тогда еще не скоро наступившим будущим.

Это духовное явление было уже намного более ясным и понятным для меня, чем просто видение белого прекрасного всадника, скачущего над облаками. Оно оставило в моей душе очень яркое, стойкое и сильное впечатление. И как только жизнь ставила меня в какие-нибудь самые затруднительные, тяжелые и безвыходные обстоятельства (а это происходило со мной в те годы очень часто), я без всякого ясного осознания того, зачем я это делаю, только лишь повторял потихоньку вслух или про себя слова слышанного мною невыразимо глубокого и прекрасного духовного небесного песнопения: «Приди к нам… и мы дадим тебе хлеб».

Напевая эти слышанные мною когда-то, казалось бы, самые простые и безыскусные слова, я как-то неожиданно и неведомо для себя преисполнялся ясно ощущаемым моею душою неземным покоем, миром и тишиной…

После того как я увидел это небесное видение, я не стал жить лучше, а, скорее, наоборот — с годами стал опускаться все ниже и ниже, и так до тех пор, пока не дошел до самых грубых и мерзких позорных пороков, о которых в приличном обществе даже и кратко никто не дерзнет упоминать. Но кто ведает все глубины и тайны Божиего Промысла?!

Урок, данный мне на берегу горной сибирской реки, был более чем прост и ясен. Но после этого духовного явления в Бога я так и не поверил! Ведь мне с самого раннего детства все окружающие — взрослые и наученные взрослыми дети — едва ли не ежедневно внушали: «Бога нет! Бога нет… и даже быть Его не может. Это доказано наукой!», «Религия — это удел безграмотных, темных старушек» и т.д. и т.п.

Пойти против господствовавшего в те годы атеизма я по неразумию и малолетству своему не мог. Может быть, именно по той причине, что рядом со мной в те времена не оказалось НИ ОДНОГО глубоко верующего человека, я как был безбожником до этого небесного видения, так после него безбожником и остался.

Долго я плакал на берегу реки, горько и безутешно… Но как бы громко я ни причитал, шум широкой горной реки был все же намного сильнее моих горьких и продолжительных рыданий.

И вдруг из самой глубины этого грозного шума мощных горных порогов я услышал потрясшее меня до глубины души пение…

О! Что это было за пение! Как бы я ни старался усилиями слабого человеческого рассудка описать его с наибольшей точностью, я никогда не смог бы этого сделать. Так как «не слышало то ухо человеческое и не видел того глаз человеческий, что уготовал Бог любящим Его…»[1]

Это пение захватило мою душу — плавными, размеренными и невероятно сильными потоками совершенно неведомых мне ранее переживаний…

«Приди к нам, — услышал я, — приди к нам, приди к нам, и мы дадим тебе хлеб».

Пение было настолько захватывающим, что слезы мои моментально высохли. Я поднял глаза и стал всматриваться в ту сторону, откуда слышалось это невиданной духовной силы и красоты пение. Я смотрел на бушующие белые волны горных порогов, но ничего не видел. Спустя очень короткое время я опять ясно услышал то же самое пение, но только уже в ином сочетании слов: «Приди к нам… и мы дадим тебе хлеб…»

Я тщетно всматривался в белые пенящиеся, вздымающиеся волны шумящей горной сибирской

реки и ничего не мог понять.

«Мы дадим тебе хлеб…» — опять услышал я.

И вдруг я увидел поющих…

Они стояли над самыми верхушками пенящихся грозных валов и пели. Не все, но некоторые из них были старцы крайне преклонного возраста.

Трое из них стояли внизу, а четверо несколько выше, как это обычно бывает, когда поют в хоре, когда первый ряд стоит на полу сцены, а второй становится сзади первого ряда на невысокую скамью.

У одного старца, что стоял внизу слева (если смотреть от меня), борода почти касалась ступней ног. Другие тоже были с бородами, но поменьше. Одеяния их были простыми и безыскусными — черные платья до пят с длинными широкими рукавами…

«Надо же! — подумал я, и первое, что пришло мне в мою темную сибирскую голову: — Наверное, это хор имени Пятницкого?..» На большее мой грубый и необразованный леспромхозовский ум тогда был, наверное, и не способен.

Лишь только семнадцать лет спустя после этого видения, когда я уже пребывал на послушании в одном из восстанавливающихся древних монастырей России, я понял. Одеяния на старцах были вовсе не «платья с широкими черными рукавами», а рясы. А поющие старцы были вовсе никакой не «хор имени Пятницкого», а монахи (скорее всего, первых времен христианства и, судя по всему, пустынножители… Но кто это был из святых?

Точного ответа на этот вопрос я не знаю и до сего дня.

Старцы продолжали петь…

То, как они пели, невозможно изобразить никакими словами. В этом пении удивительно и даже вышеестественно сочетались и старческие голоса, и необыкновенная сила, и вечная молодость. Та самая молодость, которую Бог дает любящим Его святым.

Но что было еще более удивительно, то, как бы я ни старался, я бы не смог изобразить, в каких словосочетаниях они пели, эти, казалось бы, самые простые и бесхитростные строки: «Приди к нам… и мы дадим тебе хлеб…»

То я слышал «приди», то — «к нам», то — «хлеб». Каждое слово их песнопения было исполнено удивительной целебной силы и сокровенного смысла. И сколько бы раз старцы ни повторяли эти простые слова, я слышал их в НИКОГДА не повторявшихся словосочетаниях!..

Наконец видение начало медленно таять, но пение слышалось все так же ясно и отчетливо, как и раньше… Потом все тише, тише, и наконец, я вновь стал слышать только лишь шум грозной сибирской реки, за этим шумом мне все продолжало чудиться далекое, но ставшее САМЫМ родным и БЛИЗКИМ старческое, неведомое мне пение: «Приди к нам… и мы дадим тебе хлеб».

До прихода к этому Небесному Хлебу мне еще оставалось пятнадцать лет совершенно безбожной и невероятно греховной жизни. Но первое зерно в мою душу уже было заложено… И память бережно сохранила его.

Глава 3. Моя жизнь

Кто осудит чужое падение?
Только тот, кто себя не знает!
Как мы любим порой осуждение!
Но упавшего — Бог поднимает.
Кто отдал дань своим порокам,
Тот скорее простит согрешивших.
Наше слово порой жестоко,
Как и всех, о себе… …забывших.

Представление о греховной жизни моего героя любознательный читатель может получить из достоверно изображенного одного из дней его жизни.

С Гришей мы сдружились и как-то с двумя его родными братьями пошли в соседнюю деревню искать приключений. В кармане у меня лежали две «бомбы» собственного изобретения, но, насколько громко они могут «рвануть», мы не знали.

После более чем короткого совещания в качестве полевого испытания было решено «рвануть» их не в соседнем селении, а прямо сейчас в лесу, наделать новых было совсем не трудно. «Рвануло» хорошо. Это придало нам веселья и бодрости. Как только мы пришли в.., то в первом же доме, куда мы зашли, изрядно выпили.

Ни вдоволь напиться, ни вдоволь подраться во времена моего неспокойного юношества в горных алтайских деревнях не составляло совершенно никакого труда. Наливали везде, наливали охотно и много. Ты был «самый лучший друг» только лишь потому, что зашел в гостеприимный дом алтайца.

Ну а уж, зачем и почему в этом же самом доме потом (обычно после полудня) начиналась жестокая и беспощадная драка? Этого толком никто не понимал, настолько уже были все пьяны. Пьянка в алтайском доме, как правило, могла остановиться лишь в одном случае: когда полностью заканчивалось спиртное и достать его физически было невозможно.

Ничего не хочу сказать обидного про весь алтайский народ, но там, где прошла моя бурная юность, все только так и происходило.

Конечно же, после «принятой на грудь» изрядной дозы красного вина мы с Григорием уже не могли мирно гулять по соседнему селению: надо же было и подраться. Слышу, Григорий с кем-то уже возится в дровнике сельского магазина.

Захожу… Гриша, уже нетвердо держащийся на ногах, теребит какого-то не очень крепкого на вид мужичка-алтайца и пытается отобрать у него только-только начатую бутылку с вином… Тот не отдает и держит бутылку крепко…

Меня это разозлило… Надо же, думаю, какой жадюга! Бутылка вина, совершенно полная, а он, скотина такая, с нами даже поделиться не желает!

«Вина» мужика была ясно определена и доказана, оставалось только его наказать «по справедливости».

— Ну что ты с ним возишься? — раздраженно спросил я и ударил.

Холодно, расчетливо — по всем правилам уличного кулачного боя. У мужика лопнули губы «розочкой» (как мы тогда выражались), и, облив Григория струей теплой крови, он рухнул на землю как подкошенный. Мы тут же распили всю бутылку вина досуха на двоих, и пошли дальше. Разумеется, еще поискать вина.

Мужик лежал на земле и не подавал никаких признаков жизни. Перед уходом мы даже не поинтересовались его состоянием, хотя на дворе стоял совсем не теплый морозный январский день.

Дело это продолжилось тем, что мне спустя полчаса пришлось убегать от четверых местных парией, которые зажали меня с двух сторон на поселковой тракторной дороге. Мне ничего не оставалось делать, как только забежать в первый подвернувшийся алтайский дом и закрыть за собой засов. Какого-то находившегося в этом доме подвыпившего старика-алтайца пришлось забросить в соседнюю комнату и привалить за ним дверь комодом. Старик, конечно, при этом стал громко возмущаться.

Скоро я сообразил, что долго мне эту осаду все равно не выдержать и для меня будет намного лучше, не дожидаясь худшего развития событий, самому добровольно открыть дверь и выйти из дома как можно скорее. Что я и сделал.

Четыре пары сильных рук мгновенно схватили меня за одежду и потащили на широкую, расчищенную тракторами снежную дорогу.

Местные парни, алтайцы, абсолютно правильно рассудили: бить вчетвером одного в тесном помещении или на узкой снежной тропинке было действительно весьма несподручно. Когда меня выволокли на широкую площадку перед местным магазином, парней было уже десять.

В подобные ситуации я попадал неоднократно и поэтому хорошо знал, что надо было делать в таких случаях. Надо было стараться живот закрывать ногами, а лицо руками, когда сшибут на землю.

И началась «веселая» потеха! Сбили меня с ног очень скоро. Я старался, как мог, защищать живот и плотно прижимал руки к лицу. Первые два или три десятка ударов я еще слышал и чувствовал хорошо. Но потом удары стали раздаваться как-то все глуше и глуше, все отдаленнее и отдаленнее… И потом наступили абсолютно полная тишина и какое-то удивительно приятное мысленное безмолвие. И лишь где-то там — далеко-далеко — я продолжал еще слышать настойчивое и не перестающее «бум, бум, бум…».

Какой-то стороной души я понимал, что это еще продолжают бить меня, но мне было почему-то очень хорошо и спокойно… Потом я потерял сознание и уже не чувствовал ничего.

Очнулся я не скоро… На крыльце отдыхали от «трудов праведных» избивавшие меня парни. Только лишь один, рослый и сильный, на полголовы выше меня, стоял надо мной и натягивал кожаные перчатки.

Окровавленными пальцами я попытался упереться в снег и вернуть свое грешное тело в нормальное человеческое положение. Мне удалось с большим трудом встать на четвереньки. Но стоявший рядом со мной рослый парень-метис хладнокровным и расчетливым пинком «под дых» уложил меня в прежнее положение. Я снова попытался подняться и получил еще одну порцию «вразумления».

— Оставь его, Юра, ему и так уже хватит, — сказал один из сидевших на крыльце магазина парней, и мне с трудом удалось подняться…

Меня шатало из стороны в сторону, и было очень обидно, что меня били десять человек, а я-то был один!

— Ну, что?! Семеро на одного? Много ума на это надо? — взревел я с горечью и без всякого страха перед своими противниками.

— А ты что с Иваном сделал? — услышал я в ответ. — Иван хоть и пьет, да он никогда и никого в деревне не трогал!

— Да он и мухи-то никогда не обидит, а ты ему все лицо в лепешку расквасил, — добавил еще кто-то. — За что?!.

Вот тут-то я уже хорошо понял, что били меня совсем не ради забавы, а действительно за дело! В глубине души и совесть говорила мне то же самое: «Зачем ты так сильно ударил мужика? Ведь он действительно никому и никогда ничего худого не сделал».

— С ним еще один был, — сказал кто-то из местных парней, — его тоже надо найти.

И все пошли в другой конец деревни. Мне ничего не оставалось делать, как только двигаться потихоньку в сторону дороги, ведущей к родному леспромхозу…

Потом были погони за нами местных парней, вооруженных топорами и кольями. Потом нами был захвачен самый крайний дом алтайского поселения, где мы вместе с двумя Гришиными братьями сделали попытку обустроить для себя последний плацдарм, и было принято решение биться «до последней капли крови».

Дело начинало принимать самый нешуточный оборот… и просто чудо Божье, что никто из активно принимавших участие в драках в этот день не был убит и что я смог с величайшим трудом доплестись до своего дома.

Две недели я отлеживался в постели. Отец давно уже привык к моим безумным выходкам, так что со временем он перестал даже интересоваться причинами моего отсутствия. В ответ я все равно отвечал лишь угрюмым молчанием.

Господи, прости! Сколько горя я принес своему бедному родителю!!!

С четырнадцати лет я начал вести самостоятельную жизнь. «Воспитывала» меня среда, в основном тюремная. В этой среде я учился правилам поддержания бандитского «достоинства» и «чести». Навострился пить водку и не пьянеть. Привык изощренно сквернословить и воровать… Ловко держал в руках гитару и пел блатные песни… Научился драться и не терять присутствия духа при самых острых и сложных криминальных разборках.

После прихода к вере расставаться с этим многолетним грузом мне было невероятно тяжело. Но когда я понял, что Бог есть и что отвечать за все зло, сделанное нами, придется всем и каждому, не взирая ни на пол, ни на возраст, ни на общественное положение, то я уже просто боялся совершать все те злые дела, которые ранее совершал без всякого страха и совершенно не задумываясь ни о каких последствиях.

Глава 4. Немое кино

Немое кино.

Наша жизнь как немое кино.

Кадр за кадром бежит торопливо.
В нем бежим мы с толпой заодно.
Все куда-то бежим суетливо.
Черно-белые скучные дни.
Вместо слов мы используем… жесты.
Средь огромной толпы мы… одни…
Вместо жизни… иллюзия жизни…

Жизнь моя в родном леспромхозе, хотя и перемежалась периодически путешествиями по горным неизведанным тропам да колоритными драками, в которых участвовали одновременно до полусотни пьяных жителей глухого лесного поселка, была в повседневном своем течении все же достаточно однообразной и скучной. Впечатлений явно не хватало.

Кино в клубе было не чаще одного-двух раз в неделю. Книги читать запоем тоже порой надоедало. И чтобы хоть как-то развеять ежедневную гнетущую тоску, я купил себе за пятнадцать рублей берданку (выпуска 1919 года), обрезал приклад, потому что для тринадцатилетнего отрока он был слишком велик, и начал ходить на охоту.

Подпольное оружие в те времена на Алтае хранилось иногда даже по две, а где и по три единицы едва ли не в каждом доме. Это было нормальным явлением в глухих сибирских деревнях того времени. В боеприпасах тоже особой нужды как-то не возникало, выручали друг друга все, кто как мог.

Милиция прекрасно знала обо всем этом — ведь не из-за океана же присылали к нам наших участковых? Но оружие забирали лишь в двух случаях: или при совершении преступления, влекущего за собою уголовную ответственность, или же, когда попадешься с незарегистрированным оружием более чем пяти милиционерам одновременно. Так и моя берданка, в один печальный для меня день, исчезла в недрах нашего районного отделения милиции.

Дал свою берданку одноклассникам сходить на охоту, а те, вместо того чтобы пойти в лес, как и подобает всем нормальным охотникам, пошли втроем прямо по автомобильному шоссе, небрежно перекинув оружие через плечо. Проезжавшая мимо милицейская машина остановилась, и без лишних слов и эмоций берданку бросили в зеленый милицейский «уазик», наподдав хорошенько безусым охотникам умеренных милицейских подзатыльников. После кратковременной общественно-воспитательной «процедуры» каждый сразу же мирно пошел по своим делам: милиция — по своим, одноклассники — по своим.

Но порядок есть порядок — перед последним мгновением, когда дверка милицейского «уазика», казалось, должна была благополучным образом захлопнуться, в самой краткой форме было обещано:

— Потом мы с вами разберемся, откуда взяли оружие…

Меня, конечно же, никто не выдал. Ответ на все подобные случаи был у всех и всегда стандартный:

— Где взяли оружие?

— Нашли в лесу.

И милиция, и сами незатейливые вруны, конечно же, ясно понимали суть дела. Но это устраивало абсолютно всех. А так как незаконно хранившихся единиц огнестрельного оружия в

глухих сибирских селах по численности было гораздо больше, чем самих жителей горных поселков, то местное милицейское начальство весьма благоразумно решило — лучше негласно отменить уголовную ответственность по известной статье УК (за незаконное хранение огнестрельного оружия), чем отдавать под суд едва ли не каждого жителя окрестных деревень.

Надо сказать, что это было крайне мудрое и гуманное, хотя с точки зрения государственного закона, разумеется, совершенно незаконное — решение местного милицейского начальства, разрешившего этот неразрешимый вопрос с чисто сибирской простотой и изяществом.

Очень жаль, что во времена моей не вполне спокойной юности я так и не сумел по достоинству оценить трогательной заботы о моей участи (и не только моей) местного милицейского начальства. Но как бы там ни было, а с утратой личного оружия жизнь для меня, по вполне понятным причинам, наступила немного скучноватая.

Как-то раз я пришел к однокласснику и увидел у него кусок медной трубки от топливного насоса высокого давления для дизельных двигателей. По крайне незатейливой логике моего неразумного детства любая медная или железная трубка подходящего диаметра, оказавшаяся в моих руках, в самый короткий промежуток времени должна была превратиться в одну из трех вещей: или в «поджиг» (самодельное ружье или пистолет), или в «бомбочку», или в «пугач» — из которого я однажды сделал угрожающий выстрел в сторону учителя физики прямо посреди урока в классе. За что учитель, молодой и не слабого телосложения человек, догнал меня в школьной раздевалке, не потерпев столь вопиющего нарушения тишины и покоя в классе, хорошенько наподдавал мне кулаками под дыхало, самым, что называется, непедагогичным образом. И мало он мне тогда еще наподдавал, я бы на его месте наказал провинившегося бы еще строже, и поделом!

После непродолжительных размышлений я решил сделать из кривой и мало пригодной для изготовления самодельного пистолета медной трубки «бомбочку». Как сейчас принято говорить, «одноразовое удовольствие», состоящее из завернутой и заклепанной с обеих сторон металлической трубки со всыпанной внутрь доброй порцией пороха.

Потом вокруг этой предельно незатейливо устроенной «бомбочки» укладывалась аккуратной стопочкой береста и щепочки, все это поджигалось, и спустя непродолжительное время, данное на то, чтобы успеть отойти на безопасное расстояние, раздавалось громкое «ба-бах!!!» — так приятно радующее наши скучавшие от безделья мальчишеские души.

Заклепав почти профессионально один конец медной трубки, я всыпал туда необходимое количество пороха (много тоже нельзя было — стреляло слабее), подчистил противоположный конец трубки — чтобы не «рвануло» прямо в руках, и начал заклепывать второй конец трубки так же основательно и надежно, как и первый. Заклепал почти полностью. Осмотрел.

Техническое состояние «одноразового удовольствия» меня вполне удовлетворило. Но я, для большей верности, решил еще три раза хорошенько пройтись молотком по и без того уже достаточно добросовестно заклепанной трубке. Да, видно, плохо я все-таки второй конец «бомбочки» подчистил…

Последующие события вдруг мгновенно обрели трагикомический характер и запомнились мне ОЧЕНЬ хорошо.

Левой рукой я крепко и надежно держал «одноразовое удовольствие», а правой «со всего маху» доклепывал… «Бац» — один раз, «бац» — второй раз, и потом, подняв молоток и опустив его в третий раз, я — к величайшему своему изумлению — никакого «бац» уже не услышал…

Отчего-то наступила сразу же полная и мгновенная темнота и такая тишина, о которой я до этого момента в своей жизни даже не подозревал!

Скорость взрывной волны на самые короткие доли секунды опередила скорость звука и отбросила меня в бессознательном состоянии на добрых пару метров от места моих технических экспериментов. А оттого что взрывная волна, частично контузив меня, достигла моих ушей на несколько мгновений раньше, чем достиг их звук расплющиваемого металла, я это последнее «бац» (и, разумеется, радостное «ба-бах!!!» тоже) так и не успел услышать.

На раздавшийся посреди деревни неожиданный для всех взрыв тут же сбежались соседи и даже совершенно незнакомые мне люди.

Я лежал в луже крови и не подавал никаких видимых признаков жизни. Бедный народ не знал, что со мной делать… Бабы громко орали, мужики не менее громко матерились. А перепугавшийся одноклассник мгновенно и надолго куда-то исчез, так как дело происходило на его дворе и в его присутствии. Долго ли длилась вокруг меня людская суматоха, я этого, конечно же, помнить не мог, но когда я наконец-то очнулся, то долго не мог понять: отчего это так странно себя ведут вокруг меня все окружающие?

Это было самое настоящее «немое кино».

Представьте себе, что вы однажды утром проснулись после долгого и продолжительного сна и, открыв глаза, вдруг видите над собой такую картину…

Синее, прекрасное, без единого облачка небо (была осень), и на фоне этого неба вы видите над собой около десятка людей, лица которых то появляются, то исчезают, и руки которых при этом чем-то отчаянно жестикулирующих! Рты этих лиц при этом широко открываются, руки отчаянно машут во все стороны, но при этом вы не слышите вокруг себя ни единого звука. Стоит абсолютно полная, никем и ничем не нарушимая тишина… Если прибавить к этому еще и то, что вы не можете глазами своими смотреть куда-либо вообще, кроме как только на это синее-синее небо, в котором вновь и вновь то появлялись, то снова исчезали чьи-то немые лица и отчаянно жестикулирующие руки, то вы бы смогли тогда, хотя отчасти, понять то состояние, в котором я тогда находился!

Но силы молодого и безалаберного организма наконец-то взяли верх над так неожиданно свалившейся на мою несчастную голову контузией. Я сел. Слышать я ничего не мог потом еще около получаса. Но, увидев недалеко от себя большой сосновый пень с наковальней, валяющийся в стороне молоток и бегающий вокруг меня и размахивающий руками народ, я начал, наконец, кое-что припоминать. Кто-то принес бинты и перебинтовал мне левую руку. На лице рваных ран почти не было, а вот левую руку разорвало, словно тонкий целлофановый пакет, в нескольких местах, и притом очень глубоко.

Делать нечего — пришлось топать домой в том виде, в каком был. Придя домой, на вопрос отца: «Почему рука в крови?» — я не моргнув глазом соврал: «Бутылку пустую в руках разбил и порезался».

Отцу на следующий день, конечно же, доложили все подробности происшедшего. Но он мне даже слова не сказал. К тому времени я был уже совершенно неуправляемой личностью. Школьные, семейные, бытовые, а подчас и гражданские законы для меня в то время уже не существовали. Мой бедный родитель это со временем очень хорошо понял, окончательно опустил руки и перестал меня воспитывать. Последние полгода нашей совместной жизни мы с ним уже почти и не разговаривали. Попущением Божьим, кроме взаимной вражды и даже

ненависти друг к другу, в наших душах уже ничего не оставалось…

Когда же я пришел в возраст, то по неизвестной для меня причине я иногда вдруг почему-то превращался в некий «магнит для экстремальных ситуаций», и мне приходилось становиться участником уже более взрослого «немого кино».

…Разбитая легковая машина, за рулем которой я, на скорости 110 км в час, три с половиной раза перевернулся и оставил на больших горных булыжниках и кабину, и двери, и сиденья, и даже часть руля… Заряженное ружье 32-го калибра, упертое мне вплотную в грудь старым вором-рецидивистом, и до рокового выстрела оставались считанные мгновения… Воткнутые в стены дома ножи, которые должны были торчать в моем животе… Многократные висы на кончиках пальцев над горной пропастью, когда до конца жизни оставались считанные секунды… КамАЗ, уступивший мне дорогу на крутом горном повороте ценой того, что сам КамАЗ почти вертикально боком был вынужден, едва не опрокинувшись, пролететь по крутому склону, потому что я шел по встречной полосе…

Дай Бог здоровья водителю этого КамАЗа и детям его!.. Заклинившее на полном ходу переднее колесо мотоцикла и считанные сантиметры, уберегшие меня от лобового столкновения со встречным транспортом… Частая езда на машине по опасным горным дорогам в абсолютно пьяном и невменяемом состоянии, вскрытые вены и еще то, о чем рассказывать вообще никому нельзя…

Теперь нередко задумываюсь — для чего Бог хранил меня? Не для покаяния ли?..

Глава 5. Как гордецов смиряет Бог

Моя мачеха была учительницей русского языка и литературы, и вместе с ней в нашем доме появился книжный шкаф с классиками зарубежной литературы.

Джек Лондон — американский классик. Его произведения захватили и потрясли мою впечатлительную сибирскую натуру до глубины души. В результате вдохновенного чтения о золотоискательских приключениях, на моей собаке, сибирской лайке со странным для Сибири именем Тилли, в течение самого короткого времени появилась крепко сшитая из брезентовых конских подпруг собачья упряжь.

Обучение смышленого пса произошло быстро и успешно, и я стал по целым дням носиться на санках, в которые был запряжен мой верный пес, по заснеженным тракторным дорогам нашего поселка.

Но герои-золотоискатели, о которых я читал у Джека Лондона, путешествовали не по поселкам, а по дикой безмолвной снежной пустыне Клондайка…

Наступила очередная зима. Я стал с самого раннего утра до позднего вечера пропадать в зимнем лесу. Очевидно, сказывались и ранние детские годы, проведенные в полном одиночестве в лесу на пасеке. Один и в лесу — я всегда чувствовал себя хорошо.

На ветках иней серебрится,
Затронешь — падающий снег.
Росой жемчужной закружится
Узор, упавший в конский след.
И к тайнам ангельского пения
Вновь прикасается душа.

Любых искусных слов сплетения
Всегда прекрасней… тишина.

Чтобы мне, сойдя с дороги в лес, было удобнее ходить по скалистым горам и по глубокому снегу, я отвязывал постромки саней от собачьей упряжки на краю очищенных от снега дорог, привязывал их к широкому брезентовому ремню на поясе и пускал впереди себя верного пса на поводке. Так мы и уходили с ним, куда глаза глядят на весь день…

Одним из любимых мест моих прогулок были почти отвесные скалы и крутые откосы, идущие от вершины излюбленной мною горы далеко вниз к спрятавшейся под толстым слоем льда и от этого почти бесшумной в зимнее время года горной реке. Лишь кое-где даже в самые лютые и затяжные морозы вечно незамерзающие высокие белые барашки горных порогов все так же продолжали давать знать о себе мерным и несуетливым гомоном, широко разливавшимся по прекрасному, нетронутому человеческим присутствием зимнему пейзажу.

Излюбленной моей детской забавой было следующее небезопасное развлечение.

Я неторопливо оценивал находившуюся внизу поверхность горы. Потом хватал визжащего от страха пса и прыгал с ним в обрыв, на то место, где горными ветрами в ущелье было наметено достаточно много снега. Спустя метров пять или шесть быстрого скольжения вниз, подо мной и собакой начинала образовываться и нарастать снежная лавина размером с небольшой дом. И я несся наверху этой искусственно вызванной лавины в вихрях снежной пыли и ветра до самого низа с огромной скоростью, лишь только иногда стараясь притормаживать ногами, углубляя их в снег при чрезмерно повышающейся скорости.

Пес мой к подобным скоростным спускам на лавинах привык на удивление быстро. И уже при следующих прыжках в крутой обрыв не визжал, а, так же как и я, деловито пытался удержаться на самом верху снежной лавины, прекрасно понимая, что если с вершины лавины свалишься, то лететь вниз придется уже не на мягкой снежной подстилке, а по голым и острым гранитным выступам — занятие, понятное дело, малоприятное.

Голову себе свернуть на этом моем детском излюбленном развлечении, конечно же, можно было — более чем запросто. Но зато, какое это было всегда захватывающее дух удовольствие! Слетишь вниз снежным вихрем, присмотришь себе со льда реки обрыв поинтереснее, и опять — петляющий серпантином подъем наверх по почти вертикальному склону, новый прыжок и — вихрем вниз. Молодых, нерастраченных сил было много, и от этих прогулок я никогда не уставал. Нравился этот экстрим и моему псу Тилли.

Когда мне кто-то из взрослых мягко намекнул на опасность такой забавы, я только весело засмеялся в ответ. Мысль о том, что мне и моей собаке подобная прогулка может стоить жизни, даже и в голову как-то не приходила. Да и опыта я в этом деле набрался, как мне думалось, уже вполне приличного. Я хорошо знал: надо только успеть взгромоздиться на самый верх мчавшейся вниз со страшной скоростью снежной лавины, и «дело в шляпе» — все острые углы и выступы зажатого с двух сторон каменными стенами обрыва пройдут под моей снежной подушкой совершенно безопасно, не причинив ни мне, ни моей собаке, ни малейшего вреда.

Вот эта-то гордая мальчишеская самоуверенность и привела к тому, что моя жизнь и жизнь моего пса оказалась несколько дней спустя в самой что ни на есть серьезной опасности. Собака спасла мне жизнь. А моего городского друга спас только страх неминуемой смерти и то, что кусты горной акации, за которую он держался мертвой хваткой, оказались прочнее горной связки между мною и им.

Как гордецов смиряет Бог!
Гордость приводит нас
к падениям.
Не сразу понятый урок
Приводит к горьким повторениям.
Но повторение — мать ученья.
А до смирения — далеко...
Даже сквозь бури и смятения
Прийти к смирению...
нелегко.

На зимние каникулы в наш поселок приехал из города мой закадычный друг, которого я тут же, после самых недолгих переговоров, пригласил на мои любимые обрывы «покататься» на снежных лавинах. Пообещав ему много интересных впечатлений и соорудив на скорую руку для друга еще один широкий ремень и горную связку, мы договорились с ним, что рано утром уйдем в горы.

Вечер мы с ним провели, как обычно, шумно и весело. А рано утром мы вышли из дома в таком порядке: впереди, как и положено, — пес Тилли в упряжи, привязанной ко мне, а позади себя, как только мы подошли близко к первому горному подъему, я привязал на двухметровую веревку своего друга. Я предвкушал более чем нескучный день. Но я заметил, что у моего друга побледнело лицо и задрожали от страха губы при первом же взгляде в обрыв, в который я уже прыгал неоднократно.

— Да не бойся ты! — успокаивал его я. — Вот сам увидишь. Главное — это только снега чтобы под тобою побольше было, а там… дело весело пойдет!

Но никакие уговоры не могли убедить моего друга прыгнуть на снежный островок, находившийся прямо под нами (надо было, пролетев пару метров по воздуху, точно угодить на снежный «пятачок» среди острых камней).

Тогда я решил прибегнуть к хитрости.

— Ладно, — сказал я, — здесь действительно страшновато, пойдем в другое место.

Испытанных мною на этой горе скоростных спусков было около шести или семи. Мы по самому гребню горы пришли на другое, самое, по моему мнению, безопасное место моих развлечений. Место там широкое, острых камней на пути почти не было ни одного, да и сам спуск мало чем напоминал обрыв, а скорее (как мне тогда думалось) весьма пологий спуск.

Когда я был в горах один, то не очень-то любил кататься по этому месту. Меня не устраивал слишком пологий уклон горы. Скорость — такую, чтобы дух захватывало и душа из пяток вон, набрать там было почти невозможно. Но для слегка перетрусившего друга, думал я, и это сойдет.

— Вот здесь, — говорю, — положе. Прыгаем?

Друг ни в какую.

— Нет, — говорит. — Убьемся!

Меня это сильно разозлило:

— Ах, ты трус этакий! Прыгаем!

У друга опять отобразился сильный страх на лице. Но это только разозлило меня еще больше.

Мы стояли на самом верху горы, внизу был крутой обрыв, а до интересного развлечения оставалось сделать только два или три шага вперед. Я дал команду собаке:

— Тилли! Вперед!!!

Моя собака, всегда безупречно исполнявшая эту команду, отказалась мне повиноваться, чего с ней никогда не бывало. Пес, несмотря на то, что он бывал на этом месте не раз и не два и проходил здесь раньше всегда без всякого страха — стоял как вкопанный…

— Тилли! Вперед!!! — опять скомандовал я и слегка подтолкнул пса к краю обрыва.

К моему крайнему изумлению, пес жалобно завыл и полез в абсолютно противоположную сторону от обрыва. Мой друг схватился руками за кусты горной акации и смотрел на меня побелевшими и выпученными от страха глазами. И вот тут я озверел. Я схватил в охапку пса и прыгнул в зияющее белое чрево обрыва. Ну, думаю, и друг мой никуда не денется, веревка-то одна, вот и прокатимся весело вместе.

Бог спас моего друга тем, что бельевая веревка, которая нас с ним связывала, оказалась недостаточно прочной, и я, оторвавшись от него, с рывка улетел в обрыв один, вместе с собакой.

Вместо мягкого пушистого снега меня в конце моего непродолжительного полета встретил… лед!

Поэтому-то собака моя, оказавшаяся в то утро гораздо сообразительнее и разумнее своего глупого хозяина, и не хотела идти в то место, куда она раньше шла вообще без малейших признаков боязни.

Склон был южный, а в день приезда моего друга потеплело, так что и снег с крыш немного подтаивал, а ночью при сильном морозе рыхлая масса снега превратилась в крепкий наст, или, как говорят на Алтае, «чарым».

Когда я понял это — было уже слишком поздно. Господи! Что тут началось! Когда летишь вниз по обрыву, перевертываясь в воздухе, как пустая спичечная коробка, можно ли подумать, что это именно ты перевертываешься в воздухе?! Ничего подобного! Первое, что я понял во время этого, так неожиданно начавшегося для меня, очередного моего рискованного эксперимента, так это то, что это НЕ Я верчусь, а это НЕБО и ЗЕМЛЯ вдруг начали вертеться вокруг меня с огромной скоростью, и в конце концов в моей голове все перепуталось.

Невероятной и страшной силы удары обрушились на мое неразумное тело. Темп и сила этих ударов начали нарастать с потрясающей скоростью. Один особо сильный удар в голову на несколько секунд выключил меня. Очнулся я при следующих обстоятельствах. Я летел головой вниз, а привязанный ко мне мой верный пес с громкими визгами уперся всеми четырьмя лапами в быстро пролетавшее под нами оледеневшее снежное полотно. В отличие от меня, безбожника, пес своим громким визгом, как мог, призывал к себе на помощь своего Бога и Творца. И Всемогущий Бог услышал призыв Своего четвероногого творения. Пес спас жизнь и себе, и мне…

Из-под лап моего верного пса летели фонтаны отслоившегося от его чрезвычайных усилий

ледяного крошева. Кусты, пролетающие мимо меня с почти неуловимой для моего глаза скоростью (так быстро мы летели), вдруг начали наконец-то проявляться в поле моего зрения. После нескольких неудачных попыток мне все-таки удалось вырвать с корнем несколько кустов. Хотя кусты и не смогли остановить меня полностью, но все-таки скорость скольжения заметно снизилась.

Предпоследний куст, хотя и был достаточно крепким, но и он остался в моих руках толстым обломком. Еще несколько усилий, и мне удалось, наконец, остановиться.

Когда я взглянул вниз, внутри меня все похолодело…

До крутого вертикального обрыва, состоящего из толстых ледяных сосулек, мне оставалось чуть меньше двадцати метров. После этих последних метров скольжения меня уже ожидал вертикальный полет вниз, равный по высоте пяти- или семиэтажному дому, а внизу — гора острых ледяных обломков, состоявшая из сосулек, падавших вниз с высокого скалистого обрыва.

Шапка моя, слетевшая прежде меня, красноречиво темнела на снегу метрах в двадцати в стороне от этой ледяной площадки.

Когда я взглянул на Тилли, мое сердце содрогнулось от сильной жалости к верному псу. Пес лежал на снегу и жалобно скулил, — встать он не мог. Из его лап обильно стекала на снег кровь, и когда я осмотрел его лапы, то увидел разорванные в красное месиво подушки лап, из которых торчали белые собачьи косточки…

Я заплакал. Господи! Что же я наделал, дурак! Откуда-то издалека, сверху, раздался голос моего товарища:

— Ну что… Ты как?!

Я махнул ему рукой и прокричал что было сил:

— Иди домой, я потом приду.

Кажется, он меня сразу понял и ушел. Больше мы с ним в этот день не виделись. А меня еще ждал, пусть и незначительный по высоте, но все же достаточно опасный зигзагообразный спуск к реке с собакой на плечах.

Так и пришлось мне нести его, родимого, вдоль реки по глубокому снегу и потом по расчищенной тракторами дороге до самого дома. Пес около двух недель не мог твердо ходить на лапах. Они у него, очевидно, очень сильно болели, но когда я подходил к нему, он всегда ласково лизал мне руки.

В отличие от людей, он не стал меня ни в чем упрекать, хотя именно я был причиною его страданий. Мой пес продолжал любить меня все так же преданно и верно, как и прежде.

Крепко пожалел я о своем опрометчивом поступке, да поздно уже было. Ведь так уж устроена жизнь — если уж что-то произошло, то произошло… и как бы потом ни хотелось повернуть время назад, ничего уже не исправишь. Времени дано Богом только одно направление — только вперед. И последствия своих поступков изменить можно только покаянием.

Глава 6. Голые путешественники

Нас приключения манили!
Звала нас шумная река!
Мы беззаботно проводили
Детские свои года.
Увы, мы поздно повзрослели,
Но Бог хранил нас на пути.
Предполагать мы не умели,
Все то, что ждет нас впереди…

Как-то незаметно приблизилось, казалось бы, для вчерашней детворы нашего лесного поселка неотвратимое время послешкольного расставания. Школа в нашем леспромхозе была восьмилетняя, и каждый должен был, по истечении срока обучения в ней, волей или неволей как-то определять место своего дальнейшего образования. Мой близкий друг Саша решил поступать в речное училище, а я еще не определился.

Последнее наше совместное лето начинало неумолимо подходить к своему концу. Стояли жаркие августовские дни, а горечь предстоящей разлуки уже начинала витать над нашими не привыкшими к грусти головами. Однажды Саша пришел ко мне и сказал:

— Слушай. Разъедемся скоро. Давай хоть в последний раз на салике (плот по-алтайски) сплавимся до… — и он назвал населенный пункт, лежащий за сто пятьдесят километров ниже по течению реки, — наберем продуктов, по пути костер будем разводить, ночевать — будет хоть потом о чем вспомнить!

Предложение было подхвачено мгновенно и без раздумий. Сказано — сделано. На следующий день мы прибыли с набитым продуктами рюкзаком и всем необходимым для путешествия по воде на берег реки. Отыскали место, где то там, то здесь лежали уже нарезанные по необходимому нам размеру сосновые и пихтовые бревна. Это были остатки весеннего мулевого сплава, которые во времена «государственной экономики СССР» были никому не нужны. Через два часа усердной и слаженной работы наш плот был готов к отплытию. Без особых церемоний и напутственных речей мы спешно отчалили.

Если уж плыть, так плыть! Ни одного крупного вала на порогах горной реки не осталось не оглашенным нашими озорными криками! Плот шел прямо, как торпеда, и подрезал полутораметровые валы горных порогов, мерно покачиваясь среди белых барашков бушующих широких волн.

Все это нам было хорошо известно наперед, поэтому-то мы, заранее завернув в целлофан свою одежду и продукты, привязали все это кусками старой ржавой проволоки к задней части узкого длинного плота. Там меньше мочило. Саша был сзади, а я со своим шестом устроился, сидя на прибитой к плоту чурке, спереди.

Все шло как обычно, мы были мокрые с головы до ног и веселились от души без каких-либо опасений за себя и за плот. Эта часть фарватера реки была нам хорошо знакома. На чем только мы не проплывали этот участок горной реки! На плотах, на резиновых баллонах, а потом — с приобретением достаточных сил и опыта — просто так, с одними голыми руками и ногами в наличии.

Основой «техники безопасности» при плавании по горной реке было то, что надо было найти глубокое место с удобным камнем на берегу и, нырнув с него в воду, изо всех сил грести

подальше от берега. Любое приближение к берегу в незнакомом для пловца месте ближе пяти, а иногда и десяти метров могло закончиться тем, что рука или нога пловца могла попасть в узкое место или расщелину между огромными гранитными валунами, во впечатляющем изобилии устилавшими дно и берега могучей сибирской реки. Если подобное случалось, то это был самый что ни на есть верный конец!

Скорость течения реки была настолько высокой, что мгновенно утягивала неопытного экстремала под воду. И дальше происходило всем известное — «пока мясо от костей не отскочит, ты уже оттуда никогда не вынырнешь».

Все эти не очень приятные для слуха изнеженных горожан тонкости «техники плавания» по горным рекам отнюдь не мешали абсолютно всей детворе лесного поселка с радостным шумом и криками заплывать в самые невероятные места горной реки.

Если ты, ученик пятого класса, не мог переплыть реку от берега до берега, туда и обратно, то тебя почитали за труса, и авторитет твой среди поселковых ребят мог заметно понизиться. Ну, а заплывать на самые верхние гребни горных порогов, просто так, без всего, действительно отваживались немногие.

Поначалу я и сам изрядно струсил, когда мне неожиданно старшие ребята предложили проплыть именно по самым высоким гребням горных порогов. Но меня успокоили и предварительно объяснили секрет, как надо правильно вести себя при прохождении этого не вполне безопасного для прогулочного плавания места. Мои дела почти сразу же пошли очень успешно.

Мне тогда удалось преодолеть страх и освоить секрет, требующий от пловца не столько силы, сколько знания и умения. Секрет был очень прост. При приближении к очередному высокому валу порога надо было не дожидаться, пока он тебя с головой «проглотит», а изо всех сил стараться самому выгребать на самую вершину водяного вала, — то же самое плавание, что и по горизонтали, но только как бы наверх, в гору. А когда тебя сбрасывало с этого вала вниз, надо было тоже делать всевозможные усилия, чтобы не уйти под очередной вал с головой…

Отважных плавателей по горной реке в нашем поселке было предостаточно, но на расстоянии чуть более двух километров ниже поселка было действительно страшное и опасное место, приближаться к которому даже и на моторных лодках не решался никогда и никто — ни взрослые, ни тем более дети.

Это место называлось «Винты». Грозная, могучая сибирская река ударялась со всей силой своего течения в огромную, высотой около двух сотен метров, гранитную скалу и почти под прямым углом была вынуждена менять свое первоначальное направление.

Скалы в этом месте, где находились «Винты», возвышались совершенно отвесными, и сквозной проход по берегу в этом месте реки был невозможен. Вода там непрерывно «кипела», а под самым порогом высоких серых скал и находились эти самые «Винты», о которых в поселке с удивительным постоянством ходили самые невероятные легенды. Говорили, что в этом месте значительная часть реки уходила глубоко под землю, и если уж в эти «Винты» попадешь, то вынырнешь только километров за двести вниз по течению. Поговаривали также, что место это было «нечистое» — там водятся злые духи, и лучше близко не подходить даже по берегу, а то нечистая сила может на дно утащить… Этого места боялись в нашем поселке все. Да и что там было делать?! Ни рыбалки, ни тропинки.

Как только я услышал о этих «Винтах», прошло совсем немного времени, как я оказался на

этих скалах вместе с моим верным псом Тилли.

Для начала, чтобы убедиться в том, что поблизости этого места никакой нечистой силы нет, я заночевал на ручье, впадавшем в реку поблизости от «Винтов». Ни собака, ни я в течение ночи не встретили совершенно ничего устрашающего. Потом, на следующий день, я излазил там все скалы вдоль и поперек и, неоднократно рискуя своей молодой бесшабашной жизнью, добрался-таки до того места, где находились эти самые «Винты», дав хороший крюк вверх метров на пятьдесят по вертикали и столько же вверху по горизонтали.

Вспомнить о нечистой силе, несмотря на то что в злых духов я тогда не верил (так нас учили в школе), мне все-таки пришлось, когда я уже выбрался на узкий горизонтальный карниз, шириною не более полутора метров, где надо мною возвышались вертикальные громады серых скал, а подо мною «кипели» воды невидимых с этого места «Винтов».

Узкий, горизонтально направленный карниз был с очень круто скошенным в сторону реки земляным, осыпавшимся под ногами уклоном. Пройти по нему можно было, лишь вплотную прижавшись к нависшей надо мной скале, цепляясь за не всегда надежные выступы серого скальника. Некоторые камни приходилось предварительно расшатывать и сбрасывать вниз и, лишь только убедившись в том, что выступ, за который мне приходилось держаться, (может быть?) не обвалится, я мог сделать еще один шаг вперед для достижения поставленной перед собой цели — рассмотреть поближе так сильно заинтересовавшие меня «Винты».

Вот тут-то, в самый неподходящий момент, и появилась «нечистая сила». Это была огромная черная ворона, которая неустанно делала большие круги над моей головой и громко каркала: «Кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Душу мою начал охватывать необъяснимый и совершенно неуместный в моем положении страх. Поддавшись ему, я бы мог запросто свалиться в эти самые, пока еще не исследованные мною вблизи «Винты».

Внутри меня началась усиленная борьба атеиста с каким-то не вполне обычной силы страхом, начинавшим охватывать мою душу… Я услышал чей-то ехидный и злой голос:

— Говорили тебе, не ходи сюда! А ты не послушался! Вот сейчас в пропасть-то и свалишься!..

— Но мне же объясняли в школе, что никакой нечистой силы нет, — упорствовал я.

— Сейчас посмотришь, что с тобой будет! — продолжали свой необычно усилившийся натиск помыслы, и очередной камень, вывороченный моей уже начинавшей заметно дрожать рукой, с шумом улетел, и ворон кричал все назойливее, все противнее, ближе и ближе подлетая к моей голове и продолжая свое громкое «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р».

Может, у этого ворона там гнездо было? Не знаю, но атеист одержал тогда внутри меня очередную мысленную победу. Очень несладко пришлось мне на этом, показавшемся тогда почти бесконечным, пятидесятиметровом карнизе.

Когда я спустился наконец-то к «Винтам», руки мои и ноги очень сильно тряслись от пережитого напряжения и страха. Ворона прокаркала надо мной еще около трех или пяти минут и наконец-то, к моему заметному облегчению, куда-то удалилась.

Немного передохнув, я оценил окружающую обстановку. Каменный полуостровок, на котором я тогда находился в самой неттосредственной близости от «Винтов», был совсем маленький, не более нескольких метров и по длине, и по ширине. О том, чтобы идти дальше вниз по течению реки, не могло быть и речи, впереди высились береговые неприступные, гладкие и совершенно отвесные скалы. Выбраться на верх горы тоже было невозможно. Оставался только один

обратный путь, опять по узкому опасному земляному карнизу… И опять этот ворон…

«Может, не прилетит?» — подумал я. «Нет, если у него там поблизости гнездо, то обязательно прилетит», — ответил я мысленно сам себе. Но потом я вспомнил о цели, ради которой сюда, собственно, и попал.

«Винты», которые мне так не терпелось увидеть поблизости, это грозное «место действия» деревенских легенд…

Вблизи «Винты» не представляли собой ничего особенного. Никаких уходящих в бездонные недра земли громадных воронок там не оказалось. Просто мощная река, резко изменяя свое направление под почти прямым углом на поверхности, этот же самый поворот в глубинных своих течениях сделать не могла — мешали подводные скалы.

Воронок у «Винтов» было попеременно то две, то три или даже четыре, то одна, но зато очень большая. Средняя часть самой большой воронки то уходила метра на полтора-два вглубь реки, то потом вдруг начинала становиться все меньше, меньше, а иногда даже и совсем исчезала с поверхности воды. Вода, хотя и продолжала непрерывно крутиться против часовой стрелки, но казалась на поверхности почти ровной.

Но вот опять появлялись в разных местах одна, две, четыре воронки, и потом опять одна — большая и продолжительная времени, и опять новый цикл возрастания и угасания воронок по числу и глубине.

Вокруг воронки, да и в ней самой, вода «кипела» точно так же, как кипит суп в кастрюле на сильном огне… Место весьма мрачное и неприятное для продолжительного времяпровождения. Тем более что и солнечного света там после полудня уже не было. Высокая отвесная скала закрывала собою почти половину небосвода. Возвращаться мне поневоле пришлось тем же опасным путем, по которому я в это место добирался. Ворон, конечно же, не замедлил явиться и опять изрядно попортить мне нервы на самых опасных участках моего перехода по крутому земляному карнизу.

«Только бы не напал!» — думал я, и мой внутренний атеист одержал надо мной еще одну мысленную победу. На этом узком и скользком земляном карнизе одного неосторожного или неверного движения хватило бы, чтобы исчезнуть навсегда в мрачно темнеющей внизу «кипящей» воде «Винтов».

Вот эта-то моя гордая самоуверенность, что я о «Винтах» знаю все достаточно хорошо и что бояться их, в общем-то, не нужно, подвела меня и моего друга Сашу под очередное, крайне небезопасное для нас приключение.

Мы приближались к «Винтам». Чтобы их обойти, все сплавщики леса, плоты и даже моторные лодки были вынуждены держать курс как можно ближе к правому берегу реки. Нам надо было, как и обычно, усиленно начинать грести шестами по воде метров за пятьсот до «Винтов», чтобы обогнуть это опасное место. Но я, перестав грести, предложил:

— Саш!.. Давай на «Винтах» покрутимся!

— Ты что? С ума сошел?!

— Да нет, я там был. Давай. Вот увидишь — ничего не случится! Никакая река там под землю не уходит. Там просто вода крутится, и все! Покрутимся немного и дальше поплывем.

— Нет! Ты что?! Опасно!

Ситуация, один к одному, повторялась точно так же, как и перед моими «кувырканиями» с горы с собакой. Я уговаривал друга на опасный эксперимент, а он не соглашался. Тем временем наш плот продолжал быстро приближаться к скалам, и нам просто ничего потом уже и не оставалось делать, как только бросить шесты на плот, покрепче уцепиться за поперечные перекладины и ждать развязки теперь уже ничем неотвратимого рискованного путешествия…

Скалы быстро увеличивались в размерах, и казалось, что плот сейчас разнесет в щепки от неизбежного удара о камни. Но столкновения со скалой так и не произошло. Дело приняло совершенно неожиданный для нас с Сашей худший оборот.

На нашу беду, мы подплыли к «Винту» как раз во время той самой фазы, когда одна большая засасывающая воронка проявляла себя наиболее активно. И плот, вместо того чтобы удариться о скалу, неожиданно резко сменил свое направление и понесся с нарастающей скоростью в самый центр страшного жерла. Точь-в-точь как тогда по ледяной горке, мы понеслись навстречу своей судьбе, только под нами был не лед, а вода. Плот врезался в центр воронки, и я оказался под водой.

С этого момента я могу рассказать только о себе. Потому что, после того как мы врезались в центр воронки, я уже ничего не мог видеть из того, что происходило на поверхности воды. А мой друг в течение нескольких минут не мог знать, где нахожусь я. Когда я вынырнул на поверхность воды, он был весь в слезах… Наверное, Саша очень любил меня.

Он стоял на плоту в скорбной полусогнутой позе и очень громко рыдал, очевидно, уже не чая видеть меня в живых…

Когда вода накрыла меня с головой, то, как я ни старался крепче и сильнее держаться за поперечную перекладину плота, меня смахнуло с плота вместе с пнем, на котором я сидел, как пылинку ветром… Воздуха в легкие я успел набрать много, и продержаться под водой несколько минут для меня никогда не представляло особых затруднений. Хотя многие из мальчишек в нашем поселке, к моей зависти, плавали и ныряли намного дальше, чем я.

Первое, что поставило меня в совершенный тупик, когда я оказался в воде, — так это то, что я совершенно не знал, куда мне надо двигаться. Где верх? А где низ?

Я вращал открытыми глазами туда и сюда до тех пор, пока не увидел среди бесчисленных водных пузырьков далекое и светлое пятно. «Там свет, — подумал я совершенно спокойно, — значит, там жизнь».

Может, я просто не успел как следует перепугаться?! Ведь мое погружение на такую значительную глубину произошло почти мгновенно, а может, и по другой, не зависящей от меня причине, не знаю, но на душе у меня в то время было на удивление хорошо и спокойно. Будто я находился не на дне горной сибирской реки, а дома, в светлой и уютной комнате. Может быть, именно в тот момент я и был действительно счастлив?! Не знаю…

Я стал грести руками и ногами на свет. Греб долго, упорно и усердно, стараясь не упустить из виду видневшегося надо мною и переливавшегося среди бесчисленных мелких водяных пузырьков светлого пятна. Наконец свет стал мало-помалу усиливаться, потом стал ярче, и я оказался на поверхности воды.

Что пережил за эти несколько минут Саша, мне остается только догадываться. Когда я вынырнул, друг был весь в слезах. Руками он держался за голову и громко плакал. Когда я

увидел его, мне показалось, что он даже не сразу поверил, что это я.

— Плыви сюда!.. — заорал Саша.

Слова были, конечно, излишни. Мы описывали плавные круги вокруг центральной воронки. Я находился ближе к центру воронки, а Саша на плоту был в метрах трех или четырех от меня.

«Винт» постепенно утихал. Еще немного, и на поверхности воды должна была установиться относительная тишина и спокойствие, может быть, секунд на тридцать. Если я хорошо знал это свойство «Винта», то Саша не знал.

Я увидел свою новую куртку и рюкзак, плавающие вокруг центральной воронки, готовой вот-вот сравняться с общей поверхностью воды. Куртку было жалко. Человек я небогатый, а куртка у меня была самая лучшая в поселке и почти новая, да и деньги на нее я заработал сам. Я кинулся выручать куртку.

— Куда?! — заорал страшным, почти нечеловеческим голосом Саша.

— Куртку вытащить надо. Утянет ведь!

— Стой! Назад! Назад! — у Саши выкатились глаза от чрезмерного душевного напряжения, и на его лице я прочел нечто такое, что не послушаться его в тот момент я просто не смог. Он поспешно кинул мне длинный деревянный шест и чуть было с перепугу не усугубил моего положения, едва не ударив меня большим толстым шестом по голове.

Я ухватился за шест и вылез на плот. Сделав еще пару прощальных кругов вокруг «Винтов», мы, увлекаемые течением реки, стали вновь набирать скорость и устремились вниз по реке прежними темпами.

Ни одежды, ни обуви, ни рюкзака, ни топора, ни котелка на плоту не осталось. Дань водной стихии мы с Сашей уплатили по максимуму. Плавки на мне и трусы на Саше — это все, что осталось от нашего и без того небогатого имущества. Шест был один, отчего и управление плотом стало совершенно невозможным.

— Что будем делать, Саша? — спросил я.

— Что? Что? — раздраженно ответил он. — Разве не видишь? Куда мы теперь такие?! Ныряем, и домой.

Рассуждать было действительно некогда. Никем не управляемый плот начинал приближаться к левому берегу реки, пройти по которому назад домой было практически невозможно из-за множества высоких и отвесных скал, возвышавшихся над водой. А правый берег реки, по которому мы только и могли относительно благополучно вернуться домой, начинал быстро удаляться от нас.

Нырнув с плота, мы, что было мальчишеских сил, погребли к нужному нам берегу, заранее присматривая себе «причал» поудобнее. О крупных подводных камнях, которые могли погубить каждого из нас буквально в двух или трех метрах от берега, каждый из нас помнил очень хорошо.

Идти в голом виде и без обуви три или четыре километра сквозь кусты и чащу по берегу горной реки — очень нелегкое занятие, но другого пути у нас все равно не было. Ближе к поселку мы наконец-то нашли старую заросшую лесную дорогу. Но радовались мы недолго: навалившиеся

на наши голые телеса тучи злых сибирских комаров заставили нас бежать по лесу бегом.

Уже дома, в спокойной обстановке, Саша рассказал мне, что происходило с ним в те несколько минут, пока я находился под водой, в плену у водной стихии…

Плот с разгона вошел в центр «Винта», больше чем наполовину, и встал вертикально. Саша повис на верхней поперечной перекладине плота, и вниз полетели некоторые из наших вещей. Вертикально стоящий плот провернуло мощным течением реки вокруг оси несколько раз, после чего с силой выбросило из воронки «Винта», как пробку из бутылки.

Удар плота о воду при этом оказался настолько сильным, что все наши последние вещи, что были привязаны кусками старой проволоки к задней части плота, также оказались в воде. Но самое ужасное было для Саши то, что меня нигде не было видно!

Плот носился кругами вокруг воронки, минута проходила за минутой, а я на поверхности так и не появлялся… Он громко звал меня, орал, кричал и наконец, горько и громко заплакал… В этом-то самом виде я и застал его, когда глаза мои увидели наконец-таки солнечный свет. Сколько же горечи, отчаяния и боли пришлось пережить ему в эти минуты?

После того как судьбы наши разошлись, Саша прожил совсем недолго. Губительное пристрастие к спиртному пресекло его жизнь очень рано: друг не дожил даже до своего тридцатилетия.

Глава 7. Прощание с Тилли

Четвероногие друзья,
Как вы когда-то нас любили…
И в вас есть тайна бытия,
Что б в школах нам ни говорили.
Взгляни в собачие глаза,
В душе живой всегда есть чудо.
Порою Бог дает им то,
О чем я долго не забуду.

Последнее лето в родном горном поселке подходило к концу. В школе вполне справедливо встал вопрос о том, чтобы оставить меня на второй год в восьмом классе. За мое превышавшее всякие разумные человеческие меры, дерзкое поведение мне грозил «неуд.». А за «неуд.» по поведению — хочешь не хочешь, а надо было отсиживать пройденный класс повторно.

Моя мачеха была председателем учительской комиссии, и, когда она сообщила отцу о том, что меня за неудовлетворительное поведение и за хроническую неуспеваемость по всем предметам оставляют на второй год — мой бедный родитель пришел в неописуемую ярость! Он схватил мачеху за горло, придавил ее к дверке шкафа и, совершенно не стесняясь при этом моего присутствия, закричал:

— Делай что хочешь! Но если у него, — отец тыкнул в мою сторону, — не будет аттестата, я тебя убью! Сделай ему аттестат! И пусть убирается, куда хочет!

Таким образом, вопреки самым мрачным общественным прогнозам, аттестат о восьмилетием образовании мне принесли прямо на дом, где во всех графах, кроме рисования и физкультуры, стояли явно не заслуженные тройки. Такая вот горькая проза жизни…

Следующий мой аттестат я получил три года спустя, в профессионально-техническом училище: в нем была одна-единственная четверка по физике, а во всех остальных графах стояли — также совершенно не заслуженные — «отлично»! Получив этот аттестат, я очень удивился!

Я мог запросто прийти на утреннее или вечернее построение, еле-еле держась на ногах от нередко принимаемого мною обильного спиртного. Я пропускал занятия, когда мне это казалось разумным, а о частых драках в курсантской среде даже и речь не заходила — настолько это было привычное явление в СПТУ, в котором я обучался.

Реальные мои познания по многим предметам вряд ли вытягивали даже и на три балла. И вдруг одни «отлично», за исключением «хорошо» по физике, которую, кстати сказать, я вообще не знал…

Загадка этого необыкновенного для меня явления прояснилась только через год, когда в армии я получил письмо от товарища по училищу (и бывшего собутыльника). Он писал мне: «Из тебя сделали лучшего ученика училища. О твоих успехах рассказывают всем первокурсникам на уроках и ставят тебя в пример. Твоя фотография висит на почетном месте, а сочинения красуются под стеклом на стене… Если бы только первокурсники знали, как ты вел себя на самом-то деле!»

Кто бы знал, как мне в армии было мучительно стыдно читать письмо друга, вспоминая безобразные выходки, сделанные мною, особенно на последнем курсе училища. Получив это письмо, я наконец-то понял, откуда в моем аттестате взялось такое неожиданное изобилие пятерок…

В глубине души своей я преподавательский состав училища все-таки уважал… И вдруг — такое неприкрытое лукавство и лицемерие! Ведь они же прекрасно помнили мое поведение и говорили обо мне ничего не подозревавшим первокурсникам явную ложь… Мне было очень грустно…

Получение аттестата о восьмилетием образовании обязывало меня «проваливать, куда я хочу». Собрав рюкзак и продукты, я исчез на три недели в лесу, зарабатывая себе на дорогу деньги тем, что собирал на болоте клюкву и сдавал ее заготовителю прямо на месте сбора. Деньги у отца я не хотел брать из принципа. На дорогу, на новую обувь, костюм и на первые личные расходы заработать удалось без особого напряжения.

Своего верного пса Тилли в лес я взять с собою на такой долгий срок не мог: он был нужен отцу на пасеке, где нет-нет да и любил пошалить косолапый.

До моего отъезда из дома оставались считанные дни, но я нарочно тянул время и оставался в лесу до самого последнего дня. Я понимал, что уезжаю навсегда. Мне исполнилось четырнадцать лет, и я считал себя вполне взрослой личностью, способной самостоятельно прокормить себя.

Отца своего я уже совсем не любил, и единственным моим желанием тогда было как можно скорее удалиться из родительского дома и уже больше не возвращаться в него никогда…

Но какое-то смутное чувство тоски от расставания с родным домом и от неизвестности ожидающего меня будущего все равно начинало сильно томить мою одинокую тогда душу. Находясь в таком невеселом состоянии духа, я, придя домой, совершенно не обратил никакого внимания на подбежавшего ко мне Тилли.

На сборы ушло ровно пятнадцать минут. Летом я жил на улице в летней кухне, поэтому для

того, чтобы собраться в дорогу, у меня не было никакой необходимости заходить в родительский дом. О какой-либо прощальной церемонии с отцом и тем более с мачехой не могло быть и речи. Я хотел собраться потихоньку и удалиться тайно от всех, и очень сильно огорчился, когда услышал на веранде голос моего родителя, обращенный к мачехе:

— Кажется, это он пришел.

Что ответила ему на это мачеха, я не мог ясно расслышать — она была где-то далеко в доме.

Только сейчас, уже сам став отцом, я понимаю, что отец мой на самом-то деле очень любил меня, да и не мог не любить. Я был как-никак единственным его сыном. И как бы мы внешне в то время не ненавидели друг друга, с моим уходом отец мой утрачивал для себя, так же как и я, — самого близкого и дорогого человека.

Когда спустя четыре года после моего ухода из дома он умер, я горько плакал навзрыд, почти сутки, обливая густыми слезами свое солдатское обмундирование. С его кончиной где-то в самой глубине души я ЗАПОЗДАЛО понял, что более родного и близкого мне человека на земле, каким был для меня отец, у меня никогда не было и никогда уже не будет… Как же порой поздно наши сердца исцеляются от жестокого отношения друг к другу!

Слезы искреннего раскаяния перед моим родителем начали орошать мое лицо лишь спустя долгие десятилетия, когда у самого уже начала проглядываться седина в бороде.

Но во времена моей обиженной юности я о перемене своего отношения к отцу даже и не помышлял. Я был гордым, и у меня не хватало смирения понять и принять своего отца таким, какой он был, со всеми его немощами и недостатками.

В доме отец с мачехой продолжали о чем-то разговаривать, но я не слышал о чем. Отец зашел ко мне на летнюю кухню, бросил на кровать новые штаны и поставил на пол новые ботинки.

— Возьми, это тебе.

— Не надо, — грубо ответил я, — у меня свои есть.

Отец ушел, а я, наскоро одевшись и разложив по карманам документы и деньги, поспешно вышел из дома.

Был поздний вечер. Сильная обида на отца теснила мою душу. Я подумал: лучше ночую на пароме, чем дома, а там, глядишь, какая попутная машина и подбросит до города. Идти до парома надо было около получаса. Я медленно шел по берегу реки, мысленно прощаясь с теми местами, где мне был хорошо знаком каждый поворот и каждый крупный камень, лежавший на берегу реки или у дороги.

Паром был на другой стороне реки. В столь позднее время он мог простоять на другом берегу и до самого утра. Кричать паромщику, хорошо знавшему меня — по простоте порядков того времени я в некоторые дни подменял его на работе, — не имело почти никакого смысла. Перекричать шум горной реки было практически невозможно, да и паромщик мог к тому времени уже спать. Из-за очень плохого состояния дорог того времени ночной транспорт, который мог подойти с той или этой стороны реки, ходил крайне редко. За ночь могла пройти только одна или две машины, а иногда и этого не было. Я присел на припаромке и провел на нем около трех или четырех часов в полном одиночестве.

На небе высыпали яркие и большие звезды, но ближе к полуночи подул восточный ветер и

темные плотные облака затянули весь небосклон. Тьма наступила почти полная. Темноты и одиночества я совсем не боялся.

Частые ночевки в лесу были для меня вполне привычным занятием, но перспектива просидеть на припаромке без огня и моего верного друга Тилли до самого утра никак не казалась мне привлекательной. Паромщик на той стороне, судя по всему, давно уже спал крепким сном. Транспорта не было.

Я встал и решил вернуться домой, но, отойдя от припаромка на несколько шагов, не смог увидеть под собой даже широкой насыпной дороги, ведущей в сторону моего дома окружным путем. Тьма была в эту ночь какая-то необычно плотная. Становилось даже немного не по себе. Пришлось поневоле вернуться на пустой припаромок, присесть на бревне и, обхватив голову руками, попытаться дождаться рассвета.

Одно дело — в лесу под сосной… Поправишь догорающий костер, положишь в противоположной от костра стороне своего верного пса и как-никак, а худо-бедно к утру высыпаться всегда удавалось вполне сносно. Тут же ничего не оставалось делать, как только терпеть.

Я периодически то опускался в дремоту, то, просыпаясь, плотнее подбирал под себя полы своего нового пиджака и опять ненадолго засыпал. Это полусонное, полубодрственное состояние было для меня вполне привычным. Как вдруг неожиданно для меня, на высоком берегу, где стоял вековой сосновый бор, раздался громкий и душераздирающий вой: «У-у-у-у-у!..»

— Волки! — по спине пробежала быстрая и холодная волна страха.

Ни собаки, ни костра, ни фонаря, ни оружия. До ближайших деревенских домов почти километр. Тьма стояла невероятная. Было от чего испугаться — сон мгновенно испарился.

Спустя полминуты длинный, протяжный, с переливами, заунывный вой повторился. Страх начал со значительной силой охватывать мою душу. Хотя вой и доносился с высокого берега, но он раздавался прямо напротив меня.

Значит, выли прямо на выходе к берегу, в лесу у дороги. «Для волчьего воя место не совсем обычное, — подумал я. — Что же будет?»

Наступила продолжительная и томительная тишина. Неужели ушли?

Время шло, с берега не раздавалось ни звука, и мой страх начал понемногу ослабевать. Я уже почти успокоился, подумав: «Если бы захотели съесть, давно бы уже съели, да и не слышал никто волков так близко от деревни. Место их воя — в далеких глухих местах, где поблизости на несколько километров вокруг не было никакого человеческого жилья».

Я всматривался в темноту, но ничего не происходило.

И вдруг снова, после длительного затишья, невероятно тоскливый вой снова пошел волнообразно гулять по ночной тишине протяжными продолжительными и душераздирающими переливами… Так можно было выть только по покойнику! И вдруг неожиданно по последним ноткам плавно затихающего воя я узнал голос своего пса…

«Неужели Тилли? — подумал я. — Но ведь он же никогда себя так не вел?»

Если я уходил из дома в направлении леса, то отогнать его от себя было очень нелегко. Команду «Домой!» приходилось повторять раз десять. Смысл этой команды мой пес знал очень хорошо, но исполнял ее всегда с крайней неохотой. А чтобы он просидел вдали от меня полночи? Этого просто не могло быть… Но какой-то внутренний голос подсказывал мне: «Это он, позови его…»

Негромко, но отчетливо я позвал в ночную темноту:

— Тилли, Тилли — ко мне!

Он появился из мрака необычно тихой для него и медленной поступью. Он подходил ко мне так, как будто не знал меня. Голова пса была грустно опущена почти до земли. Он подошел ко мне и сел, но не рядом со мной, как обычно, а в двух шагах от меня.

— Фу, как ты меня напугал! — сказал я с заметным облегчением и, подойдя к нему, обхватил его за лохматую серую голову. Потом сгреб его в охапку и запахнул полами своего пиджака. Так мы и сидели с ним в ночи и грели друг друга, как это всегда было, когда мы были вместе в лесу. Тилли молчал, не о чем было говорить и мне, я потрепал его немного за голову и начал было опять засыпать. Но тут неожиданно на той стороне реки показался свет от автомобильных фар. Машина, постояв немного на том берегу реки, въехала на паром, и паром, медленно отчалив от берега, начал приближаться к нам. Раздался знакомый звук удара о припаромок. Я привычным движением руки просунул толстую цепь с припаромка в кольцо, находящееся на пароме, и вставил железный палец в цепь. Поздоровался с паромщиком.

— Здорово, Григорий!

— А… Николай… здорово! Ты что так поздно здесь делаешь?

— Да в город хотел уехать, а пришел поздно, транспорта-то нет.

— До утра вряд ли кто поедет. Давай я тебя на ту сторону переправлю, там лесниковская избушка возле складов[2] стоит. Там переночуешь. А утром я тебя с кем-нибудь отправлю.

— Хорошо, давай.

Машина тем временем съехала с парома и, натужно гудя, начала подниматься по крутому подъему от реки по верхней насыпной дороге. Я отцепил паром. Паромщик перевел весло управления паромом на другую сторону и укрепил его веревкой. Паром начал медленно отходить…

На припаромке сидел мой пес Тилли и смотрел на меня. Я смотрел на него и никак не мог понять, почему он не прыгает. Ведь он же всегда заскакивал на паром раньше меня, да и с отцом каждый день дважды туда и обратно плавал на пароме, сопровождая его на пасеку.

Расстояние между паромом и припаромком мало-помалу становилось все шире. Тилли сидел на самом краю припаромка и почему-то не прыгал. Я удивленно смотрел на него, да так и не смог ничего вовремя сообразить. Я думал, что он все равно хоть в последний момент, но запрыгнет на отходящий паром, как он это иногда делал.

Когда паром отошел на расстояние, недоступное для собачьего прыжка, я уже побоялся дать команду «Ко мне». Мало ли что может случиться ночью в водах широкой бушующей горной реки?

Так и остался он навсегда в моей памяти…

Грустно сидящий, на самом краю припаромка и смотрящий на меня прощальным взглядом.

Долго потом в течение многих лет я думал о странном, не объяснимом привычной логикой поступке моей собаки. Только многие годы спустя, уже став монастырским библиотекарем и прочитав в изданиях древнехристианских писателей об устроении душ животных и всего животного мира, я смог наконец-то ясно познать смысл происходивших в ту памятную для меня ночь событий.

Всемогущий Бог открыл моему Тили, что я уезжаю навсегда, и мой верный четвероногий друг, когда-то спасший мне жизнь на крутом зимнем склоне, пришел именно ПОПРОЩАТЬСЯ со мной, а не для чего-либо другого.

Горестно воя на берегу реки, он прозорливо оплакивал нашу предстоящую разлуку навсегда. Грустно подойдя ко мне после того, как я позвал его, он ясно говорил мне: «Мы видимся с тобой в последний раз». А когда пес остался грустно сидеть на припаромке, он еще раз красноречиво, своим собачьим, странным тогда для меня поведением как бы «говорил» мне: «Я пришел лишь попрощаться с тобой…»

Кто-то, может быть, станет утверждать, что животные не умеют разговаривать. И что у них нет ничего, кроме инстинктов. Это как посмотреть! Для человека, не верящего в то, что Всемогущий и Всеведущий Бог может с легкостью открывать тайны духовного мира даже и животным, это, возможно, и так. Но мне на практике много раз приходилось убеждаться в том, что кошки, собаки и особенно лошади часто ведут себя намного разумнее и даже интеллигентнее, чем люди, имеющие иногда даже и несколько высших образований.

Глава 8. Анатолий

Несть человек, иже поживет и не согрешит…

(Из чинопоследования заупокойной службы в Православной Церкви)

Во всех поминальных записках, которые я подаю в церкви «за упокой», за именами моего деда и отца сразу же значится имя Анатолий. Анатолий не приходился мне даже и самым отдаленным родственником, да и знал я его совсем недолго — два года, и то с большими перерывами. Он был первым человеком на этой грешной земле, который всерьез заставил меня задуматься о том, что Бог есть. И что за все, что мы в этой жизни делаем, отвечать нам (хотим мы этого или нет) все-таки придется.

Те немногие и простые слова, которые сказал мне Анатолий за три или четыре часа до своей кончины, заставили меня в корне изменить образ моей жизни и обратиться к истинам православной веры.

Промотавшись несколько лет после службы в армии по разным местам работы и жительства, я устроился на вакантное место водителя в финансовый отдел одного из райисполкомов Алтайского края. Наши машины, моя и Анатолия, стояли рядом в одном гараже. Вот там-то мы и познакомились.

Всегда неизменно мягкий, вежливый и предупредительный, Анатолий относился ко мне как-то по-отечески сердечно, да и по возрасту он мне годился в деды. Толя был очень старый и опытный водитель, работа была для него, как он выражался, «дополнительным заработком к

пенсии».

Всегда выручавший меня талонами на бензин и запчастями, Анатолий очень скоро завоевал мое полное и, надо сказать, вполне заслуженное к нему уважение и даже любовь. Если он что-то давал мне, то на вопрос: «Сколько я тебе должен?» всегда отвечал неизменное: «А, ничего не надо! У меня этого добра полно».

А давал он много, всегда и охотно. Как говорят в народе, «с доброй душой». И если мне что-то надо было по автомобильному хозяйству или просто по дому, я уже точно знал: у Анатолия это точно есть, и он точно даст. И я никогда не ошибался в своих надеждах.

Когда мне сказали, чтобы я был поосторожнее с Анатолием, ведь у него все-таки двадцать пять лет тюремного стажа и что один срок он вообще отсидел за убийство, я поначалу даже не поверил. Не может быть! Тюремную «братию» я знал очень хорошо.

Да, Анатолий матерился как сапожник. Да, он был изрядный и застарелый юбочник и никак не мог, несмотря на свои преклонные годы, равнодушно пропустить мимо себя ни одной маломальски податливой на известные дела женщины — чем всегда неоднократно удивлял меня, молодого и здорового парня. Да, мы пили с ним вместе вино и водку, но выпивал он всегда только в конце рабочего дня и никогда не более одного стакана. Между тем как я нередко, загоняя в гараж свою машину, мог, выходя из кабины, едва-едва держаться на ногах. За что неоднократно получал от Анатолия мягкие отеческие выговоры. Но за более чем полугодовое наше с ним знакомство я ни разу не слышал от Анатолия хотя бы малого намека на так хорошо известный мне тюремный жаргон или поведение.

Наконец я не выдержал и прямо спросил его:

— Анатолий! А правду говорят, что ты двадцать пять лет в тюряге отсидел? — про убийство я, разумеется, спрашивать не стал.

— Да, правда.

— Ну, и угораздило же тебя! — с искренним сочувствием сказал я.

— Угораздило, — вздохнул Анатолий и как-то сразу, без моих расспросов и без излишних эмоций со своей стороны, коротко рассказал мне свою историю. Сидел он действительно за дело. Знал, за что сидел, и поэтому все тяготы невероятно жестокой лесоповальной северной тюремной жизни терпел как справедливое наказание за то зло, которое он сотворил, и не роптал на свою судьбу. Вот только последний срок, несколько лет, он отсидел, как он выразился, «случайно».

Зажатый обострившейся дорожной ситуацией, Анатолий врезался на хорошей скорости на «Волге» своего начальника в трамвай. Прорвал машиной жестяную кабину трамвая и сломал какой-то пожилой женщине, оказавшейся к тому же и бывшим партийным работником, ногу. Учитывая прошлые судимости и гнев пострадавшей, последний срок тоже оказался не маленьким.

Манера разговаривать у Анатолия была очень своеобразной: независимо от того, рассказывал ли он мне о своих очередных амурных похождениях или сообщал какой-либо интересный случай из его жизни, богатой самыми фантастическими приключениями, или просто отчитывал меня в очередной раз за то, что я слишком быстро водил машину, — в его тоне и лице всегда неизменно присутствовала ясно чувствуемая моею душою глубокая и постоянная грусть.

Мне думается, что Анатолий уже и в то время, когда мы работали с ним в одном гараже, хорошо знал о своей скорой кончине. Возможно, именно это и было причиной его не только всегда неизменной глубокой грусти, но и щедрости, ставшими для меня уже привычными: «А, бери так… у меня этого добра полно».

И ведь недешевые вещи он отдавал мне совершенно «за так». Да вот только о какой денежной выгоде будет думать человек, стоя у самого края могилы? Наверное, ни о какой… Сейчас я могу конечно же только отдаленно догадываться о том, что происходило в душе у моего товарища по работе. О своих болезнях он мне никогда и ничего не говорил.

После того как я, самовольно угнав служебную машину, превратил ее в груду искореженного металла, меня уволили с работы. Машину мне пришлось восстанавливать за свой счет. Анатолий, в очередной раз хорошо и очень своевременно выручивший меня запчастями, как обычно, не взял с меня ни копейки.

Из-за аварии я был вынужден сменить место работы, и наши дороги с Анатолием разошлись: в течение восьми месяцев мы так ни разу и не встретились на территории большого и шумного райцентра.

Встретились случайно на дороге. Сейчас конечно же мне хватило бы одного взгляда, чтобы понять, насколько он уже был к тому времени тяжело и серьезно болен… Анатолий шел с палочкой, не по погоде закутанный в теплое зимнее пальто, с понуро опущенной головой, с заметным трудом переставляя ослабевшие ноги. Но в те времена я был полон молодых сил и здоровья и решительно не замечал болезненного вида моих ближних.

Встретив его после столь долгого перерыва, я сильно обрадовался:

— Здравствуй, Толя!

Анатолий посмотрел на меня своим обычным, неизменно грустным взглядом, и едва-едва заметная улыбка появилась на его изможденном лице.

— Здравствуй, Николай, здравствуй…

Мы остановились. Я вынул из кармана только что начатую пачку сигарет.

— Закуривай, Толь.

Анатолий посмотрел на меня продолжительным, серьезным и, как мне тогда показалось, несколько странным взглядом. Его ответ меня поставил в совершенный тупик:

— А ты знаешь, Николай… я теперь уже не курю.

— Как не куришь? — У меня от удивления чуть было пачка из рук не вывалилась. — Ты же сигарету изо рта никогда не выпускал?

— А так, не курю… бросил…

На моей памяти еще не было такого случая, чтобы столь заядлые курильщики, как Анатолий, в таком возрасте могли надолго бросить курить. Я нерешительно повертел сигареты в руке и закурил сам. Мы поговорили о чем-то пустом и незначительном, и на прощанье я, еще будучи не в силах поверить, что Анатолий действительно бросил курить, еще раз спросил его:

— Так ты что, Анатолий, действительно, что ли, курить бросил?

— Да.

— А почему?

— Заболел.

Ну, мало ли, думаю, чем заболел. Может, простудился? Проболеется, потом опять закурит. Мы попрощались. Вероятнее всего, я так и не увидел бы больше Анатолия в живых, если бы не следущая случайность.

Как-то поздно ночью ко мне приехал мой старый товарищ из города. Он работал водителем на грузовой машине, и у него оборвало один из ремней на двигателе. Запасного ремня не нашлось, поэтому возвратиться в город он уже не мог. Коротко посоветовавшись, я предложил:

— Ночуй у меня. Завтра к Анатолию с утра пораньше сходим, у него должно все найтись.

— Точно найдется? — беспокоился мой товарищ. — А то мне надо бы поскорее домой, а у вас ведь тут ничего не купишь.

Мой товарищ был прав. Снабжение автозапчастями во времена «торжествующего социализма» было централизованное. Все приходилось искать только через друзей или знакомых тем более для грузовых автомобилей.

— Найдется, скорее всего, — у него всегда все есть. Давай ложиться спать.

Утром мы были у Анатолия. Он вышел из дома. Выслушал меня молча и, не сказав ни единого слова, отправился в один из своих многочисленных сараев. Спустя некоторое время вышел и так же молча передал мне ремень. Я посмотрел на маркировку. Ремень был как раз тот, что мы искали, абсолютно новый. Я спросил:

— Толя, что тебе за него? Андрей заплатит.

— А… — неопределенно махнул рукой Анатолий и устало сел на крыльцо своего дома. — Ничего не надо, бери так.

— Да, Толь, неудобно как-то, и так все время выручал бесплатно… — начал было я, но Анатолий остановил меня жестом руки:

— Я же сказал — не надо. Бери так.

Уходить я не решался и, немного постояв, решил предложить последний, как мне тогда подумалось, уже точно беспроигрышный вариант:

— Слушай, может, я вина пузырь возьму? Выпьем, посидим вместе.

— Я теперь не пью.

Короткий и лаконичный ответ Анатолия привел меня в полное недоумение.

— Как не пьешь?! Ты что, серьезно?

Анатолий сидел, устремив взгляд в сторону от нас с товарищем, и вдруг начал говорить:

— Вот так вот, Николай, бывает. Пока был здоров и что-то мог, все ко мне приходили, и я всем был нужен. А сейчас я заболел, и никого нет. Ни одного. А я даже воды-то в дом и то принести не могу, все жена одна после работы делает.

— А что у тебя за болезнь? — спросил я.

— Да рак врачи обнаружили. Лечить отказались, отправили домой — умирать. Сказали, что я умру через два месяца, а я — вот уже пятый месяц, а все еще хожу.

Анатолий устало прислонился головой к стенке крылечка, на котором сидел, и замолчал.

Выйдя на улицу, я выругал себя всеми, какими только знал, крепкими выражениями, которые в литературном языке аналогов не имеют. В Бога я тогда не верил и даже сочетания таких слов, как «грех сквернословия», никогда не слышал и потому выражал свои мысли, как только мог и умел.

— Ах, ты… такая, о чем ты раньше думал? — ругал я себя. — Ведь ты же к нему пришел только тогда, когда самому ремень понадобился. Ты что,… совесть совсем потерял… ?…!!! Короче, … делай что хочешь, а чтобы два раза в неделю, по вторникам и пятницам, был у Анатолия и помогал по дому, пока не умрет …! …!!! …ты такая, куда ты раньше смотрел? …!!!

Выражался я, конечно, более чем нецензурно, но Бог не отринул моего усердия. Я стал приходить дважды в неделю к Анатолию. Помогал ему по дому, носил в баню воду, подключил электричество и делал все необходимое по хозяйству. Продолжалось это недолго, месяца полтора. Потом Анатолий окончательно слег, и мы с ним уже почти и не разговаривали. У Анатолия уже не было на это сил. Все, что было нужно, я спрашивал у его жены. А то и просто молча сидел у его постели. Анатолий нес свой тяжкий крест, предназначенный ему Богом, по-русски просто и молча. Ни протестов, ни жалоб я с его стороны никогда не слышал. Боли у него были, вероятно, очень сильными. По временам он тихо стонал, не открывая глаз, по-видимому, даже не замечая того, что я сижу возле его постели.

Мысли о Вечной Жизни были для меня в то время совершенно недоступны. Я считал, что после смерти человек просто перестает существовать. Как будто уснул, и нет тебя. И все… Меня так учили в школе. Учили насмехаться над истинами веры и осуждать все религиозное. Учили тому, что религию выдумали попы, чтобы им с богатеями было легче держать в повиновении темный и необразованный народ.

Но на постели передо мной лежал Анатолий, который когда-то ходил, улыбался, смеялся и разговаривал, и я не мог без чувства глубокого сострадания смотреть на него. А от него остался один только скелет, обтянутый кожей.

Цвет лица стал бледно-серый, руки и ноги похудели необыкновенно. И сам он, и все окружающие уже ясно понимали, что остались считанные дни или, в лучшем случае, недели его жизни. Я начал ходить к нему ежедневно. Просто приходил и сидел рядом. Анатолий встречал меня взглядом и иногда молча показывал исхудалой рукой на электрическую плитку, где стоял чайник и заварка. Я без слов все понимал.

— Хорошо, хорошо, я сам себе все заварю.

Как-то он сказал мне:

— Спасибо, Николай, что ты приходишь ко мне. Кроме тебя, ко мне больше никто не приходит, а я ведь прожил здесь одиннадцать лет… — в голосе Анатолия мне послышалась скорбь,

очевидно за тех, кому он когда-то сделал много добра, но они остались неблагодарными.

Мне было очень грустно слышать эти слова. Не знаю почему, но я очень опасался, что не смогу побыть с ним хотя бы еще один день его жизни, возможно, самый последний… По ночам, находясь дома, я с замиранием сердца и с тревогой думал: «А вдруг сегодня ночью он уже умер? А вдруг приду к нему завтра, а его уже не будет в живых?»

Но Анатолий держался, и хотя все вокруг говорили, что он непременно умрет, но в моей душе еще продолжала теплиться надежда: «А может, поправится?»

Последний наш разговор с Анатолием запомнился мне на всю жизнь. Когда я зашел в дом, Анатолий уже даже не смог повернуть головы в мою сторону. Мне даже показалось поначалу, что он не заметил меня.

Я заварил себе чай, выпил и молча сидел у его изголовья, глядя на изможденное лицо больного. В доме никого не было, стояла полная тишина. Был уже поздний вечер, почти ночь. Жена его пошла куда-то, сказав мне, что придет через часа два-три.

Мы долго молчали. Анатолий лежал на постели лицом вверх. Руки его покоились крестообразно на груди, глаза были почти закрыты. Мне почему-то вдруг подумалось: «Наверное, он сейчас видит что-то особенное. Почему он так сосредоточенно смотрит куда-то вдаль? О чем он сейчас думает?»

Совершенно неожиданно даже и для себя самого я задал Анатолию этот вопрос:

— Анатолий, а как ты сейчас видишь свою жизнь, далеко или близко?

Задал ему этот вопрос, и тут же горько и сильно пожалел об этом. «Дурак! — выругал я себя. — Да он же почти неделю как не может говорить! Нашел время любопытничать! Дубина!» Но было уже поздно, слово, говорят, не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Знаешь, Николай… — После каждого одного или двух слов Анатолий делал остановку, чтобы набраться сил и сказать следующее слово. — Я сейчас… вижу… всю свою жизнь… и вижу… что… я делал… неправильно… — Он обратил на меня свой взгляд и, продолжительно помолчав, добавил: — Николай… ты еще… молодой… постарайся… жизнь… прожить так… чтобы… тебе… не было… так… как… мне… сейчас… — И из глаз его покатились горькие старческие слезы. Последнее слово — «горько», «худо»? «больно»? — я (из-за чрезвычайно овладевшей им слабости) так и не расслышал, но его слезы были красноречивее любых слов.

Я сидел, глубоко потрясенный. «Господи! — думал я. — Ну ладно кто другой. Но это тот самый Толик, который никогда не говорил мне никаких проповедей ни о Боге, ни о Страшном суде, и вдруг — такие слова!» Ведь в школе меня учили, что религия создана попами только для того, чтобы было легче обманывать необразованный народ. Но зачем было Анатолию обманывать меня, тем более перед смертью? Ведь перед смертью человек никогда не станет говорить ничего лишнего, а если уж что и скажет, то только самое важное, самое нужное и самое выстраданное. Мои школьные представления о религии и о Боге начали рушиться, как карточный домик в ветреную погоду. И это тот самый Толик, который так любил подолгу и со вкусом говорить со мною о женщинах легкого поведения?! И это тот самый Толик, который курил сигареты едва ли не по две или три пачки в день, не гнушался спиртного и матерился точно так же, как и все окружавшие меня шоферы в гараже? Это тот самый Толик, который четверть века провел за решеткой? И т.д. и т.п. Ну, КАКАЯ ему была выгода обманывать меня или что-то такое «нагонять» на себя, стоя на самом краю могилы?! Разумный вывод был только один: ЗНАЧИТ, БОГ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ, И СУД НАД ВСЕМИ НАШИМИ ЗЕМНЫМИ

ПОСТУПКАМИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ! А раз так, следующий вывод напрашивался сам собой: надо круто менять свою жизнь. Надо исправляться.

Мне было уже двадцать семь лет, и надо было начинать жизнь практически с самого начала.

Приблизительный кодекс верующего человека мне был известен, но о том, что для реального стойкого исправления тяжких, застарелых и наиболее грубых греховных привычек мне понадобится почти пятнадцать лет ежедневных усилий покаяния и регулярного посещения богослужений в православном храме, я тогда еще даже и не догадывался.

Через три часа после разговора со мною душа Анатолия полетела к Престолу Того, Чье бытие он исповедовал мне своими слезами. Через час после моего ухода Анатолий пригласил к себе священника.

Помяни Господи, во Царствии Твоем душу усопшего раба Твоего Анатолия[3].

Глава 9. Кто это был?

Помилуй нас, Господи, помилуй нас;
всякого бо ответа недоумеюще,
сию Ти молитву яко Владыце
грешнии приносим: помилуй нас.

Молитвы на сон грядущим

В заглавии этого рассказа не зря стоит вопросительный знак. Я, конечно, мог бы описать, что мне явился светлый Ангел и, взмахнув белыми прохладными крыльями, вынес меня с того места, где меня ожидала неминуемая погибель. Но уж чего не было — того не было. И как бы это кому-то ни показалось соблазнительным или странным, но я опишу это событие именно так, как оно происходило на самом деле.

Я и сам не знаю, кто спас меня в ту морозную январскую ночь. Поведение и вид его были явно не ангельские, но результатом его быстрых и решительных действий явилось то, что я и по сей день хожу по этой грешной земле.

Жил я один. Как-то в январе, сейчас уже не помню, по какой причине, но мне пришлось без сна и отдыха более трех дней подряд провести за рулем. Вернулся я домой уже поздно ночью. На улице термометр показывал –25°С.

«Печальный случай, — подумал я, — дом полностью выстыл за эти дни, а сил на то, чтобы вытопить печь и закрыть задвижку, совсем нет. Что же делать?»

Я занес полную охапку сухих березовых дров и с грохотом вывалил их перед печью. Печь в некоторых местах была покрыта серебристым инеем, красноречиво свидетельствовавшем о том, что в доме уже давно стоит минусовая температура. В чайнике на столе тоже был лед. Спать хотелось ужасно. В глаза, в полном смысле слова, хоть спички вставляй. Я затопил печь и, упершись в нее руками, начал согреваться от жара, идущего от плиты. Постояв немного, понял, что если сейчас не лягу, то упаду прямо там же, где и стою, от усталости и от непреодолимого желания спать. Что же делать?

Я начал двигать заслонку печной тяги туда и сюда, уже явно не очень хорошо соображая, какой цели я этим хотел достичь. Сделаю, думаю, тягу поменьше, дрова будут гореть

помедленнее, глядишь, к утру какое-то тепло в доме все-таки будет.

«Только бы уснуть, — стучала в голове одна-единственная мысль. — Только бы скорее уснуть».

Я придвинул задвижку на половину тяги и еще немного поменьше — из-под плиты и из печной дверцы начал выходить густой березовый дым. Немного приоткрыл — дым исчез.

«Ну, вот так вроде пойдет», — подумал я и, закрыв за собой дверь на крючок, чтобы не надуло холода сквозь неплотно прикрытые двери, лег под ледяное одеяло прямо как был — в свитере и штанах.

«Только бы скорее уснуть, — стучала в голове одна мысль, — только бы выспаться».

Я взглянул на разыгравшиеся по беленым потолкам моего дома огненные блики.

«Значит, печка разгорелась хорошо, можно уснуть», — и, совсем немного отогревшись в постели, я мгновенно провалился в глубокий и так давно желанный сон…

Сколько времени проспал, я, конечно, знать не мог. Не возьмусь также и спорить с психологами о том, что может человек видеть с закрытыми глазами, а что нет, а просто и безыскусно опишу те события, которые со мной происходили в ту памятную для меня ночь.

Я спал очень крепко, как вдруг увидел над собой какую-то темную и широкоплечую фигуру. Кто это был, я не знаю, но действовал он настолько решительно и быстро, что за то время, пока он находился в доме, я даже не успел, как следует проснуться.

Подошедший ко мне мрачный тип стащил с меня одеяло, схватил меня за ворот и сбросил на пол. Я упал лицом вниз и очень больно ударился. Я хотел было встать с пола, но тот, который сбросил меня с постели, не давая мне опомниться, схватил меня снова за шиворот и с невероятной быстротой потащил меня из одной комнаты моего дома в другую. Между комнатами был дверной проем и невысокий порог. Мысль моя лихорадочно заработала: «Если сейчас не успею поднять от пола головы, на такой скорости этот кто-то снесет мне о промежуточный порог пол-лица».

Я постарался как можно скорее поднять голову от пола, но все равно не успел: удар по правой скуле был очень сильный, крепко досталось рукам, груди и ногам. Меня тащили по дому, как половую тряпку, при этом, явно не считаясь с тем, как я себя при этом чувствую.

«Впереди дверь, — подумал я. — Она закрыта на крючок. Если я не успею открыть перед собой крючок своими собственными руками, этот черный расколотит мою голову на части о закрытую изнутри на крючок дверь». Времени задуматься о том, что в запертый дом никто просто не смог бы зайти, у меня не было ни секунды.

Я выставил руки вперед и едва-едва успел сбросить крючок с петли. Черный «кто-то» со всего разгона ударил меня головой в дверь. Удар был настолько сильным и страшным, что дверь с грохотом распахнулась, и я, вылетев из дому, полетел вниз головой «считать ступени», ведущие в гараж.

«Опять пришли меня бить, — подумал я. — Сейчас будут пинать на улице». — И я сделал привычное движение руками, закрывая голову и лицо, ожидая продолжения жестокого избиения, которого при тогдашнем моем образе жизни я совершенно обоснованно мог ожидать хоть днем, хоть ночью.

Я ждал ударов, но их не было. Я осторожно поднял голову и начал осматриваться вокруг. Вокруг меня никого не было, позади меня из широко распахнутой двери дома — при ярком лунном свете это было видно очень хорошо — вываливались клубы густого темного дыма… Рассуждать о чем бы то ни было у меня не было времени. Я включил свет на веранде и на улице, потом взглянул на термометр: –25°С. Зашел в дом и включил свет. Пришлось поневоле лечь на пол.

Весь дом был заполнен густыми клубами бело-серого дыма, и лишь возле самого пола виднелась узкая полоска относительно чистого воздуха. Из печи валил густой дым. Я на полную открыл предварительно прикрытую мной же самим задвижку печной тяги, но от этого ничего не изменилось. Задыхаясь, кашляя и заливаясь слезами от обилия едкого густого дыма в доме, я открыл топочную дверку печи и сразу все понял…

Сухие березовые дрова разгорелись, набрали жару, но из-за недостаточно хорошо открытой задвижки тяги задохнулись собственным дымом, и вместо огня в топке печи начал образовываться один только дым, который очень скоро и заполнил весь мой дом сверху донизу.

Делать мне в доме было совершенно нечего. Я вышел на морозную улицу. От страшного удара головой о дверь на лбу вздулась большая шишка, болели отбитые руки и правая скула. Я чувствовал себя настолько плохо, что даже не мог, как следует сообразить — где же моя теплая одежда? Одежда была в доме. Но из двери продолжали вываливаться клубы густого дыма. При одной только мысли о том, что мне надо будет снова войти в дом и где-то там, задыхаясь от дыма, искать одежду, меня начало мутить и тошнить. Выключив свет и оставив дверь открытой, я вышел на улицу в одной рубашке и свитере.

Весь путь до дома моего друга Георгия, врача-педиатра, был преисполнен неизъяснимых мучений. Идти надо было минут двадцать. Я шел по улице, освещенной ярким лунным светом, и думал только об одном:

«Только бы не упасть, только бы не упасть!» Я понимал, что если я не удержусь на ногах и упаду, то сил встать с заснеженной дороги у меня, скорее всего, может уже не оказаться. Мороз начинал жестоко пробирать меня насквозь.

«Только бы не упасть, только бы не упасть…»

Перед высоким крыльцом дома Георгия я остановился. Надо было на него как-то забраться — пришлось ползком. Уцепившись за ручку, я начал стучать кулаками в дверь. Сил не было совсем никаких.

«Господи, только бы он проснулся», — думал я.

Слышу, открылась входная дверь, и недовольный голос Георгия спросил:

— Кто там?!

— Э…т…то я Н…и…ко…лай… — язык отказывался повиноваться мне, я держался за ручку двери изо всех оставшихся сил и был готов с секунды на секунду упасть на крыльцо.

Георгий открыл дверь и посмотрел на меня.

— А, сволочь, опять нажрался, как змей, — Георгий злился, да и было от чего.

— Г…г…г…е…орг…ий, я не пь…яный… я уг…о…рел.

— Поговори мне еще! Заходи домой, а то замерзнешь.

Я повалился набок. Георгий схватил меня за руку, завел в дом и бросил на широкий диван:

— Напился, как свинья! Полвторого ночи! А мне завтра на работу.

— Я не пь…я…н…ый, — начал было опять я, но Георгий раздраженно кинул на меня сверху скомканное ватное одеяло и ушел в другую комнату.

Беспокоить его не было никакого смысла, да и зачем? Самое ужасное, что я даже в тепле за всю ночь так и не смог уснуть ни на секунду, как бы не старался. Георгий, не сказав мне ни слова, ушел утром на работу, хотя, разумеется, прекрасно видел, что я не сплю.

Когда он к вечеру пришел с работы, я попросил его:

— Георгий, сходи в мой дом, закрой его на замок и закрой входные двери. Я вчера угорел.

Георгий посмотрел на меня каким-то странным взглядом и вскоре ушел. Вернувшись, он сел ко мне на диван. Встать я не мог. Он сказал:

— Там все воняет дымом. Входную дверь я запирать не стал, а только снаружи на замок закрыл. Поживешь пока у меня. Расскажи, как все произошло?

Я коротко рассказал ему все как было, но про черного, который меня вышвырнул из дома, говорить не стал.

Георгий внимательно посмотрел мне в глаза и неожиданно сказал:

— Знаешь, Николай, а ты не должен был выйти оттуда живым. Я врач и знаю, что говорю. Когда из печи в дом начинает поступать угарный газ, человек засыпает все глубже и глубже и не просыпается никогда. Это всегда так бывает, — и, посидев немного рядом со мной, прибавил: — Прости меня за вчерашнее. Я ведь, когда утром на работу уходил, так и продолжал думать, что ты ночью пьяный пришел.

— Да ладно!

Не в наших правилах было вспоминать о подобных мелочах.

— Георгий, голова болит страшно, дай что-нибудь, чтобы не болела.

— Лежи так, тебе сейчас ничем не поможешь. Угарный газ из крови ничем не выводится, терпи.

— И долго терпеть?

— Смотря как угорел. Может, недели две. — Ничего себе!

Но мне ничего не оставалось делать, как только терпеть и ждать, пока дела мои не пойдут на поправку.

Глава 10. Медведица

Так оставьте ненужные споры,
Я себе уже все доказал.

Лучше гор могут быть
Только горы, на которых
еще не бывал.
На которых еще не бывал...

Владимир Высоцкий

Сколько себя помню, меня всегда тянуло в лес, в горы и к одиночеству. Проходил какой-то период времени, и желание побыть в одиночестве неумолимо начинало превозмогать во мне все остальные желания и расчеты. Я бросал в таких случаях все свои дела и уходил в горы, хотя бы на один день. О том, чтобы взять с собою напарника, после нескольких неудачных попыток я даже и думать перестал. Один есть один. Что бы ни случилось — хоть трудность какая, хоть заблудишься или несчастье какое случится, а все твое. Брать же на себя ответственность еще за чью-то судьбу мне не хотелось.

Возвращаясь после изматывающих походов по горам и лесам, на какое-то время я успокаивался, но потом какое-то необъяснимое и никакими моими усилиями не преодолимое желание опять начинало гнать меня в лес, в горы в уединение.

Вот так же однажды, изрядно устав от ежедневной суеты, я наметил себе очередной новый маршрут, который пролегал по одному из наиболее малонаселенных и труднодоступных высокогорных районов Горного Алтая. Решив совместить приятное с полезным, я думал прожить в палатке около двух недель в одной из горных долин, где, по слухам, хорошо рос золотой корень — лекарственное сырье, которое можно было сдать в аптеку по высокой цене. Не откладывая надолго задуманного дела, я за полдня собрал рюкзак — продукты, нехитрые свои пожитки, деньги на дорогу — и отправился в путь.

Через два дня катер метеорологической службы на Телецком озере высадил меня на начальной точке моего маршрута. Было около десяти часов утра. Осмотрев привычным способом крутой склон гребня горы, я довольно скоро нашел необходимую мне тропу, ведущую наверх горы, и начал восхождение. Ближе к вечеру я уже подходил к границе альпийских лугов. Не знаю, по какой причине, но у меня начались в тот день странности и неприятности, которые со мной ни до, ни после этого случая в горах никогда не приключались.

Скорее всего, из-за слишком быстрого и скорого подъема на столь значительную высоту со мной приключилась «горная болезнь», а может, и что иное? Не знаю. Но я начал чувствовать очень сильную и совершенно необычную жажду. По телу начал гулять жар и сильная слабость. Признаки этого, никак не ожидаемого мною, жестокого болезненного состояния буквально через полчаса закончились тем, что меня начало всего трясти, сначала, будто под воздействием электрического тока. Мне пришлось бросить рюкзак прямо на тропе, а самому продолжать подниматься все выше и выше.

Вода во фляжке уже начинала заканчиваться, а какая-то никогда ранее мною не испытываемая неестественная жажда буквально разрывала все мои внутренности на части. Я никак не мог понять, что же это со мною происходит.

Признаков горной болезни, «горняшки», как ее называли знакомые мне альпинисты, я в то время не знал, и сколько я жил в горах, со мною никогда ничего подобного не происходило. Во фляжке уже оставалось только два или три глотка воды. Но я боялся их выпить.

Я шел и падал. Шел и опять падал. Меня уже начинало трясти очень сильно и практически непрерывно. Повернуть назад, и начинать спуск к озеру было невозможно. Дело близилось к

вечеру, и я уже просто физически не смог бы дойти до воды. Оставалось только, надеясь в полном смысле слова на какое-нибудь чудо, продолжать движение вперед.

Сотрясения моего тела и нестерпимая жажда становились все сильнее и сильнее. Казалось, что наступил уже крайний предел, который я мог бы в то время понести. Но последние два-три глотка воды во фляжке я берег, понимая, что если выпью эту воду, то у меня на самый крайний случай уже ничего не останется, чтобы утолить жажду, так необычно и сильно обострившуюся.

Необходимо представить себе то положение и обстоятельства, в которых я тогда оказался. Подо мной находился почти километр гранитного скальника, дорога назад после полноценного дневного перехода была уже невозможна, а вперед, до ближайшего источника, надо было еще идти шесть или семь километров пути по каменной высокогорной пустыне. Так и неизвестно, чем бы мог закончиться этот поход, если бы не «вдруг».

«Вдруг» по НИЧЕМ не объяснимой для себя причине я свернул с идущей по гребню горы узкой, хорошо протоптанной дорожки влево, а потом зашел за невысокий скальник, поросший цветным мхом. Потом прошел шагов тридцать и увидел перед собой неведомо каким чудом образовавшуюся в крепчайшем гранитном скальнике огромную каменную чашу, увитую изощренными узорами высокогорных трав и кустарников, наполненную до самых краев несколькими сотнями литров чистой и прозрачной воды.

Без особых рассуждений я бухнулся головой в воду и, упершись руками за край гранитного углубления, пил, пил, пил не отрываясь, почти как лошадь. Пил до тех пор, пока хватало сил пить. Напившись вдоволь, я в изнеможении упал на мох под находившийся рядом скальник и почти мгновенно отключился.

Сложно сказать, то ли я спал, то ли перенапряжение от какой-то одолевшей меня «лихорадки» свалило меня, то ли я просто потерял сознание от усталости, но, когда я очнулся, вечерние сумерки уже начинали заметно сгущаться. Я опять напился, набрал полную фляжку воды, вылив на землю так и не выпитые мною последние три глотка, и первым делом начал собирать хворост для ночного костра. Потом, в почти уже полной темноте, сходил за оставленным на тропе рюкзаком.

Ночевал как обычно. Взглянув на чистые, только что начинавшие загораться первые звезды, я бросил палатку под голову. Скальник очень хорошо защищал от ветра, а дождя, судя по всему, не предвещалось. Отлично выспался. Утром приготовил еду и собрался в путь.

«Наверное, со мной вчера горная болезнь приключилась?» — думал я, привычными, размеренными шагами поднимаясь по узкой горной тропе, причудливо извивавшейся между редкими и низкими, искореженными ветром и морозами, альпийскими соснами.

«Но знакомые мне инструктора-высокогорники говорили, что эта болезнь недолгая и она должна скоро пройти, — припоминал я, — на акклиматизацию должно было уйти два или три дня». Но каковы точные симптомы болезни? Я так и не потрудился об этом своевременно узнать. Да и времени на акклиматизацию у меня не было.

Впрочем, чувствовал я себя после крепкого ночного сна вполне сносно. Вчерашний кошмар лишь отдаленно давал о себе знать некоторыми незначительными остаточными явлениями.

Тропа, причудливо петляя, шла временами почти по краю отвесного гранитного гребня. Внизу, прямо подо мной, расстилалось пятидесятикилометровое зеркало прекрасного Телецкого озера. Казалось, стоило только сделать два или три шага в сторону озера и раскинуть свои руки, подобно крыльям птицы, и можно было бы летать и парить над озером — сколько душа

пожелает…

Крыльев у меня, конечно же, не было. Но ясное, почти реально переживаемое душой чувство полета на километровой высоте было настолько сильным, что у меня по временам даже начинала кружиться голова.

Я был тогда, конечно же, несказанно счастлив тем, что опять один, опять в горах и вокруг меня на десятки километров нет ни одной человеческой души! Я не знал тогда, да и сейчас не возьму на себя смелость утверждать точно, откуда происходило это невероятной силы наслаждение и устойчивый покой в душе, которые я испытывал только в самых глухих и почти не посещаемых людьми высокогорных районах Алтая.

Из-за не тронутой человеком красоты гор и, казалось, таинственно шептавших мне тайны вековой истории прекраснейших горных пустынь, открывающихся взору уединенного путника, я любил горы до беспамятства.

Темно-синие горы вдалеке, серые гранитные огромные валуны, причудливо украшающие слегка унылый от почти полного отсутствия растительности пейзаж среднего высокогорья… и белые-белые, ярко сияющие на синем небе, никогда не тающие, вечные ледники на острых вершинах гор…

Прекрасная, любимая мною до боли, неизъяснимо величественная и великолепная картина. Было от чего забыть и о горной болезни, и о тоске, и обо всем на свете вообще. Душа моя пребывала в давно уже ставшей для нее родной стихии полного уединения.

Что такое чувство тоски и одиночества в лесу или в горах, я никогда не знал. Но хорошо знал, что такое чувство глубокого одиночества посреди самых густо населенных городов.

Торопиться мне было некуда. До долины, где рос, по рассказам егерей, золотой корень, оставалось часа полтора или два хода. Там должны быть вода, дрова и все, что мне было нужно для того, чтобы разбить лагерь на две недели.

В этом районе гор я ни разу не был, но по общим высотным признакам я мог почти с абсолютной точностью указать места, где начинаются и заканчиваются тропы в горах, где начинаются реки и ручьи, где есть возможность пройти, а куда лучше и вообще близко не подходить, несмотря на кажущиеся спокойствие и безопасность горного места. Я вырос в горах. Там прошло почти все мое детство. И горы всю жизнь были для меня самым любимым местом душевного отдыха и покоя.

Я тогда еще не знал, неотрывно насыщая душу глубоко любимыми мною горными красотами, что меня уже ожидает впереди очередная, Богом попущенная, и отнюдь не маленькая неприятность…

Когда я перевалил через хребет, передо мной открылась привычная для меня картина альпийского высокогорья. Охватывая взглядом с этой выгодной точки наблюдения всю лежавшую подо мной местность, я мог очень удобно примечать для себя ориентиры и пути, пролегающие к полянам, где, по моим расчетам, должен был расти золотой корень, и особенно места соединения горных ручьев в небольшую речку. Это было необходимо мне для правильной ориентировки, когда я спущусь в долину. Ведь все то, что я видел сейчас как на ладони, потом, когда я спущусь в долину, станет для меня уже по большей части невидимым.

Передохнув минут пятнадцать или двадцать и внимательно изучив местность, я спустился к небольшому горному озеру, скинул с себя рюкзак и начал высматривать удобное место для

стоянки. Надо было учесть подход к воде, запасы дров и найти ровную площадку под палатку. В то время, пока я стоял и искал взглядом место для будущей стоянки, вышла мне навстречу эта самая, отнюдь не маленькая, лохматая и бурая «неприятность».

Медведица с тремя медвежатами, каждый из которых был размером с очень крупную собаку, мирно прогуливалась по родным для них, обширным и прохладным горным просторам.

Поначалу события приняли совершенно спокойный и даже лирико-комический характер… Я стоял и молча хлопал своими большими от удивления глазами, совершенно не зная, что делать.

Бежать было решительно некуда. Медведица вышла из-за пригорка, лежавшего буквально в двадцати пяти-тридцати метрах передо мною. Ружья у меня с собой не было. Ветер дул в мою сторону, а медведица, крепко задумавшись о каких-то своих, одной ей ведомых, медвежьих думах, медленно, но верно приближалась ко мне, сосредоточенно разглядывая что-то у себя под передними лапами.

До меня быстро дошло, что пора бы уже и честь знать! И что далее эту временную идиллию затягивать никак нельзя, иначе, если ее не окликнуть, она ведь меня так пешком и перейдет! И даже не заметит, что перед ней уже в течение почти минуты живой человек стоит на совершенно открытом и ничем не защищенном месте.

— Ну, здравствуй, — сказал я, чтобы хоть как-то, но привлечь внимание зверя к себе. Расстояние между нами и так уже было менее десяти метров.

Медведей мне приходилось видеть и на Алтае, и на Дальнем Востоке, но приближаться к ним на расстояние, измеряемое единицами метров, да еще без оружия, мне как-то никогда не мечталось, ни в каких снах, тем более к медведице с медвежатами… Чем всегда заканчивались подобные легкомысленные эксперименты, я знал очень хорошо, и то, что произошло в дальнейшем, лишь подтвердили все мои самые мрачные предположения.

Медведица, услышав звук моего голоса, подняла голову, увидела меня, и события мгновенно начали принимать крайне трагический для меня характер…

Она не задумалась даже и на долю секунды. Первый ее прыжок был по земле, второй по земле, а третий должен был закончиться на моей грешной нераскаянной шее. Автоматически отскочив назад, я с рывка схватил свой рюкзак и со всех сил огрел медведицу рюкзаком по голове.

До сих пор не могу понять, как мне удалось сбить в воздухе эту огромную тушу, весом с доброго быка, рюкзаком — общего веса килограммов двадцать пять?! Медведица, как кошка, махнув в воздухе лапами два или три раза, грузно грохнулась в метре от моих ног на спину. Рюкзак отлетел далеко в сторону. Медведица мгновенно оказалась опять на всех своих четырех лапах и пригнула голову к земле, готовясь к повторному прыжку…

Благодарю Всемогущего Бога и Творца моего, спасшего мне тогда жизнь, не знаю, по чьим молитвам! Крайне для меня трагическая и самая скорая развязка этого сюжета для меня была совершенно неминуемой! В метре от ног моих лежала приготовившаяся к завершающему прыжку медведица, а в руках моих не было даже ножа, не было ничего, чтобы как следует встретить свою бесславную кончину.

Хорошо, сидя дома за стаканом крепкого и душистого чая, вспоминать дела давно минувших дней да время от времени посмеиваться над самим собой, но в тот крайне критический для меня момент мне было, конечно же, совершенно не до смеха.

Глаза мои и черно-коричневые глаза медведицы встретились. Мы находились так близко друг от друга, что я мог бы, наклонившись, притронуться рукой к ее голове. И то, что я сделал в это мгновение, клянусь совестью верующего человека, сделал НЕ Я, а ЧЬЯ-ТО неведомая мне и разумно управлявшая моими действиями сила.

Я кинулся на медведицу с голыми руками и заорал истошным голосом:

— Уходи!!! Уходи!!! Уходи отсюда!!!

Может, это было и очень смешно со стороны, но я, жалкий и немощный человечишко, поднял свои руки «как медведь» и с дикими криками: «Уходи отсюда!!!» начал наступать на медведицу и наклоняться к ее морде, будто желая схватить ее за уши.

В глазах медведицы, с которых я не сводил своего взгляда, я увидел небольшие, но все же ясно видимые мною белесые, туманно бегающие переменчивые пятна. Не знаю, как это возможно, но я очень хорошо видел это явление в ее черно-коричневых глазах. Беловато-туманные пятнышки, пробежавшие в глазах медведицы, яснее ясного показали мне, что она испугалась меня.

В этот момент словно яркая молния мелькнула в моей голове — это была мысль, посланная мне Всемогущим и Милосердным Богом: «Пока она тебя боится — ты живой».

Медведица начала задом пятиться от меня. Я удвоил и без того предельно громкие свои крики и, не давая ей опомниться, продолжал наступать на нее все быстрее и быстрее. Наконец, сообразив, что задом от меня убегать не очень удобно, медведица развернулась и бросилась наутек. Я с истошными криками ринулся за ней.

Непостижимыми судьбами Божиими крайне трагическая для меня ситуация начала снова приобретать ярко выраженную комическую окраску.

Представьте себе прекрасные горы Алтая, летний альпийский пейзаж, и посреди этого пейзажа весело несется такая кавалькада… Впереди — огромная медведица, позади нее, с истошными криками: «Уходи отсюда!!!» — тщедушный человек.

А позади меня катились шустрыми колобочками три медвежонка. Пробежали в полную силу с полкилометра. С меня уже начинал катиться градом пот от этой сумасшедшей погони за медведицей. Да только куда мне было за ней гоняться?! Неповоротливыми эти звери кажутся только для неискушенного взгляда.

Говорят, что на короткой дистанции медведь может и лошадь догнать. Не знаю, правда ли это, но оторвалась от меня медведица очень легко. Увидев, что я уже хорошо от нее отстал, она встала на свои задние лапы и, потешно и быстро переваливаясь с боку на бок, то вставая, то приседая, начала высматривать своих мохнатых детишек.

У меня в этот момент, что называется, сердце в пятки ушло. Даже и особо не привставая на своих полусогнутых задних лапах, она была на целых две головы выше меня. Медвежата тем временем двигались дальше. Аккуратно, друг за дружкой, гуськом обрулив меня на расстоянии двух или трех метров, они подбежали к своей маме, и все четверо счастливой медвежьей семьей исчезли за бугром, на прощанье дружно прошелестев мне ветвями какого-то горного кустарника.

Возвращался я к своему рюкзаку в крайне приподнятом настроении. Ну, думаю, дела, ну, комедия! Чего только не приходилось слышать на таежных стоянках возле ночных костров о

медведях, но чтобы кто-то с голыми руками на медведицу с тремя медвежатами напал, такого я не слышал никогда и нигде. Ну, думаю, если рассказать кому, точно никто не поверит!

Я пришел к своему рюкзаку, вытащил его из-под пригорка, положил на ровное место, уселся на него верхом и посмотрел на электронные часы. Было 11:30 утра. И вот в этот момент я увидел то, что мне было истинным вразумлением от Бога, чтобы я потом не слишком-то легкомысленно относился к случившемуся со мною.

Я увидел СЕБЯ САМОГО, буквально в двух метрах от себя…

Я лежал лицом вверх, только на моем лице лежали окровавленные волосы. Там, где должны были быть волосы, был голый розово-белый окровавленный череп. Сзади, со стороны спины, у меня были выворочены все внутренности и торчали в разные стороны красновато-белые спинные ребра. Ближе ко мне, почти у самых ног, валялись мои кишки и печень. И запах свежих разорванных человеческих внутренностей (мне приходилось однажды обонять этот запах, его ни с чем не спутаешь), этот запах сильно ударил мне по ноздрям, и меня начало сильно рвать и тошнить.

Рвало меня минут пятнадцать непрерывно. Руки мои около двух с половиной часов непрерывно тряслись от пережитого мною страха и ужаса и от той картины, что привиделась мне буквально на несколько секунд. Но этого мне хватило вполне! В голове моей стояла ясная и абсолютно понятная для меня мысль: «Вот что было бы с тобой, если бы Я не защитил тебя!»

Глава 11. Заповедник

Сняв суму ежедневных забот,
Я уйду в ту далекую даль,
Где печати медвежьих следов
Встретишь чаще людей… и не жаль…
И не жаль, что не слышно машин.
И не жаль, что не видно людей.
И не жаль, то, что дуют ветра
Над судьбой нерешенной моей…

Получив благословение священника, я устроился егерем в Алтайский государственный заповедник, на один из наиболее удаленных кордонов, где для меня отыскалось вакантное место. Добраться до кордона было возможно только двумя путями: или по воздуху на вертолете, или кружным путем около семисот километров по горным дорогам, последние семьдесят из которых можно было преодолеть только пешком или на лошадях.

Подвернулась оказия, и я погрузился вместе со своими нехитрыми пожитками в Ми-8. Из иллюминатора вертолета я смотрел на сияющие белоснежными шапками, вечно не тающие ледники водораздельных хребтов. Прекрасная и величественная картина, на которую мне хотелось бы смотреть целыми часами безотрывно… Но через сорок пять минут полета Ми-8 начал описывать на сниженной скорости большие, плавно очерченные круги и спускаться в Челушманскую долину.

В стране свирепствовали социальные бури, вызванные экспериментаторским духом перестройки. Судьбы миллионов людей сотрясались от переустройства законов, разрушения экономических связей и от невероятно высоких цен, даже на самое необходимое, и от перекраивания государственных границ бывшего СССР, а на нашем удаленном от всех этих потрясений на сотни верст лесном кордоне царили законы и быт едва-едва не каменного века.

Висевший на стене карабин, крючки с лесками, стоявшие на полке пара десятков книг духовного содержания да относительно современная посуда, одежда и обувь — вот, пожалуй, и все предметы моего тогдашнего быта, которые могли бы напомнить мне, что на календаре уже подходит к концу XX век.

Все остальное: лошадь, переметные сумы, полное отсутствие даже малейшего напоминания о двухколейных дорогах, непрестанная, никем и ничем не нарушаемая тишина высокогорной тайги и узкие каменистые тропы — единственные нити, связывавшие нас с цивилизованным миром, — были точно такими же, как и тысячи лет назад… неизменными… и влекущими мою душу с необъяснимой, но ясно ощущаемой сердцем таинственной силой.

Мне хотелось жить в этих горах и лесах всегда. Каких-то неудобств от отсутствия электричества, медицинской помощи или от отсутствия рядом находящихся торговых точек почему-то не чувствовалось.

Один раз в два или три месяца я запрягал свою лошадь, привязывал к ней заводного коня и ездил в ближайший к нам поселок — за семьдесят километров за продуктами и всем необходимым. Экономические ветры перестройки сделали так, что и вертолеты на несколько лет перестали тревожить вековую и девственную тишину окружающих гор.

Моя жизнь на кордоне мало чем отличалась от времен моего раннего детства. Вокруг все тоже безлюдье, тишина и прекрасная, не тронутая цивилизацией природа Горного Алтая. Очевидно, есть такой сорт людей, которым одиночество, сколь долго бы оно ни продолжалось, никогда не бывает в тягость. Поэтому, когда мне доставили на кордон письмо благословившего меня на уединенное жительство священника о немедленном трехгодичном выезде на приход, я сильно огорчился, но ослушаться не посмел.

Покинув заповедник ровно на указанный мне срок, я всегда тосковал по нему. И если бы я мог распоряжаться своей судьбой сам, то я вряд ли когда-либо покинул эти редкие и еще совсем не тронутые следами человеческой деятельности места.

Рыбалка на Челушмане! Что это была за рыбалка! Не знаю даже, есть ли еще где в мире столь увлекательный отдых? Орудием для ловли был самодельно изготовленный спиннинг, с так же самодельно изготовленными «мошками» на конце пятидесятиметровой лески. На интересных и знающих людей, которых в Горном Алтае было почему-то всегда традиционно много, мне всегда, что называется, везло. Несколько рыбаков высокого, почти профессионального уровня обучали меня искусству рыбной ловли на горных реках и, пользуясь их наставлениями, я нередко возвращался домой с полной сумкой крупного и мелкого хариуса.

Как только я вылавливал свою первую на этот день или вечер добычу, я тут же вспарывал ей желудок и внимательно рассматривал тех насекомых, которых в желудке у хариуса было больше всего. И цеплял на спиннинг наиболее похожую «мошку» или «ручейника».

Если похожей мошки в запасе не находилось, то я изготовлял ее прямо на месте из заранее взятых с собой запасов цветных ниток и разноцветного люрикса. Общее число «мошек» было семь. Но хариус всегда брал именно ту (одну или две), которая была изготовлена мною именно, по его личному вкусу, на сегодняшний день. На другие «мошки» он просто не обращал никакого внимания.

Проходило иногда всего лишь два или три дня, и «мошки» зачастую приходилось подбирать уже заново. Меня всегда удивляла способность хариуса очень точно различать мошки друг от друга в пенящейся и быстрой воде Челушмана. При этих условиях часто моя рыбалка была

весьма удачной. Но этот мир не без загадок для человека.

Однажды я, сам не знаю почему, намотал на почти голый крючок небольшое «брюшко» из одной только тонкой медной проволоки и прицепил ее к спиннингу лишь для количества. Медная мошка не могла даже толком держаться на поверхности воды, но хариус по какому-то необъяснимому закону предпочитал именно эту «мошку» всегда и в любое время года.

Это была всегда самая уловистая «мошка» на моем спиннинге, и первого хариуса я почти всегда вылавливал именно на нее. Иногда хариус брал только «медяшку» и больше ничего. Те «мошки», на которые я буквально только вчера ловил хариуса десятками, вдруг на следующий день вообще переставали пользоваться хариусиным спросом. Почему? Неизвестно.

Наиболее интересным и увлекательным был метод ловли хариуса со скал, вертикально нависавших над бурно шумящим Челушманом. Залезешь на выступ скалы, и с высоты трех-, пяти-, а иногда и более метров смотришь вниз в воду. Вода в Челушмане почти всегда была настолько чистой, что как бы глубоко от поверхности воды хариус ни находился, его было очень хорошо видно — как на ладони. Забрасываешь спиннинг и смотришь не на «мошек», а на рыбу, как она себя ведет.

До сих пор мне удивительно, как хариус видит плывущую по поверхности воды маленькую «мошку» с глубины до четырех и даже более метров? И не просто видит, но еще и четко различает именно ту «мошку», которая пользуется наибольшим хариусиным спросом именно на сегодняшний день. С любой глубины он всегда безошибочно точно направляется именно к той «мошке», которая ему нужна… Иногда он это делает как бы нехотя, а иногда вылетает молнией из воды и хватает ее не с воды, а с воздуха, но все равно точно.

Ловля со скал продолжалась мною до тех пор, пока вся плавающая внизу стая не перекочевывала в мою рыболовную сумку. Когда рыба заканчивалась, я шел к другой скале. Необходимости теряться в догадках, есть рыба в этом месте или нет, не было никакой. В девственных прозрачно-чистых водах Челушмана на глубине иногда даже и восьми метров были подчас отчетливо видны даже самые мелкие камешки.

Очень хорошо осталась в памяти река, не имеющая конца. С огромной и совершенно отвесной скалы высотой около восьмисот метров течет вниз горная река, начало которой затерялось где-то в вечно не тающих ледниках высокогорья.

Река средней величины дотекает до этого гранитного утеса и, срываясь вниз, устремляется в пропасть. До середины полета еще хорошо видно, что это водопад довольно крупной горной реки, ниже середины полета разбиваемый встречными потоками воздуха водопад уже превращался в облака крупных брызг и дождя, а внизу под водопадом вообще нет места, где струи воды касались бы долины. Там просто стоят клубы почти непрерывного тумана и веками не прекращающегося ни на одно мгновение дождя…

Рассекаемая порывами почти непрестанно дующих горных ветров, эта река очень напоминает собою белую широкую длинную фату, как бы ниспадающую с головы сказочной исполинской невесты, великолепная водяная вуаль которой то вдруг тихо склонялась к ее «ногам», то вдруг, развеваемая горными вольными ветрами, начинала плавными, широкими и грациозными движениями вырисовывать на сером гранитном и необъятно широком ровном полотне скалы свои замысловатые и никогда не повторяющиеся, серебристые, плавно улетающие вниз узоры.

Великолепное зрелище! Особенно в яркий, солнечный день, когда под «ногами» у сказочной невесты-великана у самого подножья горы в мельчайших и никогда не прекращающихся

мелких водяных каплях «реки, не имеющей конца», начинала гореть яркая и многоцветная кругообразная радуга…

Где тот современный нам поэт, который мог бы достойно воспеть все это, пока еще не испорченное цивилизацией, первозданное и необъятно величественное достоинство красот Горного Алтая?

Челушман в некоторых местах своего течения вдруг превращался в ревущего и все сокрушающего исполина, могучий и непрестанный рев которого начинал быть слышным уже на расстоянии нескольких километров до подхода к этим местам.

Уклон горы на пути течения Челушмана и огромные гранитные валуны (каждый величиною с хороший дом) были настолько велики, что вода реки в этом месте превращалась в смесь воздуха и воды, где воздуха, впрочем, было гораздо более, чем воды, отчего вода полностью утрачивала способность удерживать на себе даже самые легкие предметы.

Не было и, скорее всего, никогда и не будет человека, который смог бы пройти этот участок реки на каком бы то ни было хитроумном плавучем средстве, чтобы при этом он остался в живых… Если в этом бушующем и непрестанно ревущем месиве воды и воздуха начинало свой путь целое и крепкое дерево, то через несколько сот метров совершенно немыслимой силы удары о камни превращали это дерево в мочалку с торчащими в разные стороны длинными разорванными волокнами.

Словно устав от добросовестно проделанной работы, грозно шумящий и сверкающий высоко вздымающимися густыми и бесчисленными брызгами Чулышман вдруг как-то совершенно неожиданно и быстро превращался в кроткую и мирно плещущуюся о пологий берег реку.

Если кто-то из спортсменов-водников находил свою преждевременную кончину на Челушмане выше этого места, то его всегда находили именно здесь — на пологом, мирном и устланным цветной гранитной галькой берегу.

Если погибших было несколько, то они всегда лежали здесь рядом, аккуратно уложенные укротившими свой грозный нрав водами на короткое время усмирившего себя Челушмана. Но описывать внешний вид прошедших через водное месиво человеческих тел мне совсем не хочется.

Дивные, сильные, мистические и очень редко посещаемые человеком по причине их труднодоступности места…

Высокогорье Горного Алтая… Сколько славных и таинственно величественных легенд и поэм сложено о нем в древнем алтайском эпосе, воспевающем невиданные подвиги могущественных богатырей и необозримые красоты великого Алтая! Лишь побывав в этих местах, пройдя по его горным тропам и подышав воздухом этих, еще и до сего дня не тронутых цивилизацией мест, можно понять, что вдохновляло древних алтайских поэтов на самые величественные и сокровенно-прекрасные строки…

Но если душа православного аскета-молитвенника вдруг, после долгих и многолетних молитвенных усилий, начинает ощущать в себе благоухание красоты, но и весь мир вообще и даже саму себя.

Душа, ставшая причастницей вышнего Горнего мира и Царства Небесного, уже даже и не может желать чего-либо другого, кроме возлюбленного ею Господа и Бога Иисуса Христа. Но это уже совсем другая тема для размышления…

Глава 12. Спуск в долину

Через поле широкое,
Через море глыбокое,
А там Ангели мосты мостют,
Дорогим сукном выстилают,
Золотым гвоздем прибивают.

Духовный кант

Как-то однажды мне пришлось одолжить свою лошадь знакомому охотнику, чтобы он мог съездить по своим делам в соседний поселок. Он обещал вернуться через три дня, но пробыл в поселке более десяти дней, а мне надо было срочно выйти по приглашению служащего иеромонаха в ближайшую церковь для исповеди и Святого Причастия. Пожалел я о том, что одолжил коня человеку, не умеющему держать слово, но делать было нечего — надо было срочно выходить пешком к храму, потому что пригласивший меня иеромонах должен был надолго уехать спустя два дня в епархию.

Чуть только занялась на востоке светлая полоска рассвета, я, переправившись через Челушман на лодке и пройдя с километр по долине, начал подниматься по серпантину извивающейся с очень крутым уклоном каменистой тропы. Перепад высот между Челушманской долиной и гребнем горы, очерчивающей небосклон почти над самой головой нечасто проходивших здесь путников, в этом месте составлял около девятисот метров.

Если приходилось подниматься на гору на лошадях, то в этом месте всаднику нужно было обязательно спешиваться и перетягивать обе подпруги седла под самую переднюю часть груди лошади. Это было необходимо делать для того, чтобы с вскарабкивающейся подобно кошке лошади седло не свалилось вниз вместе с всадником, ведь на особо крутых поворотах серпантинной тропы лошади приходилось забираться иногда по совершенно вертикальным коротким участкам горной каменистой тропы.

Всадник при этом бросал уздечку на перед седла, а сам крепко обхватывал лошадь за шею и сливался с нею в единое целое. Управлять лошадью на этом участке серпантинного крутого подъема не имело никакого смысла. Местные лошади и без управления со стороны всадника, который мог только помешать умному животному своими неразумными и нервными подергиваниями за уздечку, прекрасно знали все тонкости и хитрости «лошадиной техники безопасности» на особо опасных участках горных троп.

Прилетев в долину на вертолете и впервые оказавшись на этом подъеме верхом вместе с начальником кордона, я поначалу заметно трусил, когда лошадь начинала внимательно и неторопливо выбирать себе уступ на осыпающихся и тут же с шумом скатывающихся далеко вниз под ее передними копытами камнях.

Когда же по одним ей ведомым законам лошадь убеждалась, что можно сделать еще один почти вертикальный безопасный прыжок вверх, она делала резкий рывок. В это время все мои усилия сводились лишь к одному: только бы не отцепиться в этот момент от лошадиной шеи… Да, только бы лошадь не оступилась…

Падение вниз с лошадью могло грозить и лошади, и всаднику очень серьезными увечьями или даже гибелью. Со временем я просто привык полностью доверяться своей лошади на горных тропах и перестал чрезмерно опасаться подъема на эту гору.

Перед спуском с горы по этой тропе, который был конечно же намного опаснее подъема, также всаднику приходилось обязательно спешиваться и перетягивать обе подпруги седла в почти паховую область лошадиного живота, так как лошадям приходилось перемещаться иногда едва ли не вниз головой, по тем же крутым уступам соскакивая вниз.

Уздечка лошади в этом случае свободно привязывалась к передней луке седла, на всякий случай проверялась прочность крепления стремян, и лошади предоставлялась полная свобода перемещаться вниз по тропе на ее «лошадином автопилоте».

При этом по временам всаднику приходилось в полном смысле слова ложиться головой на круп лошади, а ступнями ног, крепко засунутыми в стремена, упираться в лошадиную гриву и даже уши. Всаднику при этом ничего не оставалось делать, как только созерцать кусок неба над головой да высокие вершины сосен и лиственниц, в изобилии покрывавших некоторые участки этой тропы, и молиться Богу, чтобы лошадь не совершила роковой ошибки.

Видеть же то, что происходило в это время под ногами лошади, у всадника не было совершенно никакой возможности. Но на моей памяти еще не было такого случая, чтобы какая-нибудь лошадь уронила своего седока на этой, впрочем, по местным меркам, совсем не опасной тропе…

На этот раз мне приходилось надеяться только на силу своих ног да на помогающего мне Бога. Почти на самой верхней точке выхода из Челушманской долины мне встретился знакомый охотник на моей лошади. Он начал мне что-то виновато объяснять. Взглянув на тяжело навьюченную лошадь, я махнул на него рукой и молча отправился по крутому подъему наверх.

В два часа ночи я был на квартире у знакомого иеромонаха, пройдя в этот день по горным и местами болотистым дорогам что-то около семидесяти километров. Утром я отстоял службу в храме и причастился.

Причастив меня, иеромонах сказал мне:

— Оставайся сегодня отдыхать. Ты сильно устал. А я завтра возьму машину у брата и подвезу тебя на тридцать пять километров ближе к твоему кордону. Все-таки тебе будет легче дойти.

Я согласился. В семь часов утра я простился с отцом настоятелем в том месте, где дальше на «Ниве» проехать было уже невозможно, и пустился в обратный, нелегкий путь. Отойдя уже достаточно далеко, я вдруг подумал: «А почему отец настоятель не заводит двигателя своей машины и не едет обратно домой?» Я остановился и оглянулся. Стоявший возле машины в скуфье и рясе иеромонах благословлял меня широким иерейским благословением. Я поклонился и пошел дальше.

Идти было трудно. Семидесятикилометровый позавчерашний марш-бросок не мог пройти для меня бесследно. Сильно перегруженный организм за всего лишь один неполный день, конечно же, был не в силах полностью восстановить свои силы. Но я хорошо знал — надо будет пересиливать очень острую и режущую боль в ногах и бедрах только три или четыре километра. Потом же боль сама по себе должна была значительно утихнуть или даже исчезнуть совсем. Так и произошло. Почти тридцатикилометровый участок пути до спуска в Челушманскую долину я прошел хотя и не без труда, но более-менее успешно.

На самом верху почти отвесной горы перед началом спуска в речную долину было одно особое для меня место. Я всегда останавливался на нем, хоть пеший, хоть конный. В этом месте далеко внизу и немного в стороне с высоты орлиного полета была хорошо видна крыша моего двухквартирного дома. Крыша была размером со спичечную головку.

«Надо же, — всегда удивлялся я на этом месте, — так близко и так далеко одновременно!..»

Казалось, стоит сделать только один большой прыжок, и можно было бы упасть на крышу собственного дома. Правда, с почти километровой высоты, конечно же. Но это впечатление было обманчивым: помимо почти вертикального спуска в долину, надо было еще около двух километров спускаться вниз по реке. Я сидел на большом, заросшем темно-зеленым мхом камне и грустно смотрел на крышу такого близкого для меня, но все же такого далекого дома и в сто первый раз жалел о том, что у меня нет крыльев, как у птицы. Оттолкнулся бы сейчас от земли, распустил бы крылья и попивал бы себе через пару минут дома крепкий чай с лепешками...

Я подкрепился тем, чем меня снабдили заботливые прихожане храма и, отдохнув около получаса, собрал рюкзак и встал. Резкая, очень острая боль прожгла сухожилия и колени, но останавливаться больше мне было нельзя ни на минуту. По опыту я хорошо знал: стоит мне только сейчас посидеть и отдохнуть на камнях еще хотя бы с полчаса или час, и вместо прилива сил я могу оказаться совсем неспособным к дальнейшему перемещению вперед.

Хотя я испытывал подобные перегрузки уже неоднократно, но все же мне было очень нелегко. Первые полтора или два десятка шагов я был вынужден сопровождать своими же собственными громкими стонами:

— Отлежишься дома! Лежи хоть целую неделю! В первый раз, что ли?! Давай вперед! — скомандовал я себе вслух, а сам грустно подумал: «Господи! Какой бы Ты ни был Всемогущий, а мне сейчас целый час придется спускаться вниз по серпантину на почти отказавшихся мне повиноваться ногах».

Я только подумал, но ничего не сказал и даже ни о чем не помолился... И тут же чей-то таинственный и спокойный голос сказал внутри меня: «Так нельзя о Боге думать, этот помысел близок к кощунству. Бог благ».

То, что произошло дальше, явилось для меня настолько неожиданным и необычным, что я никак не мог поверить в реальность случившегося минут около двадцати... Когда я отошел от места своего отдыха шагов на тридцать, то почему-то поднес руку к глазам и о чем-то глубоко задумался.

Когда я вышел из этой (не вполне обычной для себя) глубокой задумчивости, я уже стоял внизу долины совсем недалеко от берега реки и непрестанно повторял:

— Не может быть! Этого не может быть! Это невозможно! Нет, ну, ладно, во времена древнего христианства, когда было много молитвенников, чудотворцев и святых, это еще могло произойти, но только не в наше время!!!

Потом опять смотрел то по сторонам, то на возвышающийся над моей головой почти километровый гребень горы, на которой я только мгновение назад находился, и, все еще, будучи не в силах поверить в реальность произошедшего со мною чуда, непрестанно повторял:

— Это невозможно! Этого не может быть!!!

Глава 13. Свиток

Душе моя, — что не плачешься?
Ты плачь, душа, рыдай всегда, тем утешишься.

Не поспеешь ты тогда плакаты, когда приидет смерть.
Скинь одежды ты грехов своих в покаянии.
Страдалицы кресты носят
На главах своих...
Они песни поют архангельский...
Аллилуия.

Духовный кант

Получив письмо от благословившего меня на работу в заповеднике священника, я был вынужден срочно выехать на приход при храме. Меня определили на должность сторожа и строителя в восстанавливающийся храм, находившийся в большом военно-промышленном городе.

Днем я строил, а ночью сторожил и молился, имея возможность немного отсыпаться только после прихода первых людей в храм. Работы, как это традиционно принято в России, хоть на производстве, хоть при храмах, велись в обычном авральном режиме, почти без выходных и отпусков. Денег за свой труд я тоже не получал никаких.

К тому времени во мне уже окрепло сильное желание посвятить всего себя без остатка Церкви и Богу. Но о том, в каком конкретном церковном чине это служение Богу будет происходить, меня совершенно не заботило.

«Главное, — думал я, — это искренне, бескорыстно и всем сердцем стремиться служить Богу на том месте, где тебя поставят, а уж в каком церковном чине, это не мое дело, а дело Божие».

На начальнические должности, Бог видел — я никогда не стремился.

Я проработал на строительных работах при храме уже год, и когда были закончены полы в храме, мне пришлось вынести все свои столярные инструменты в притвор. Узкое и очень неудобное было место — всего около двух метров в ширину, но другого рабочего места у меня не было. Один метр по ширине притвора занимала самодельная циркулярка и строгальный станок, сваренный из железных уголков на одной станине. Другой метр был оставлен для прохода рабочих.

По ходу восстановительных работ мне надо было начинать настилать широкими строганными досками лестницу, ведущую на хоры (перекрытие внутри храма, где должен был располагаться большой церковный хор певчих). Я порылся в имевшемся в моем распоряжении пиломатериале и не смог найти ничего более подходящего, кроме березовой доски шириной около тридцати пяти сантиметров и длиной около двух с половиной метров. «Вот эта должна подойти», — подумал я.

Привычным движением, включив циркулярку, я внимательно осмотрел доску. «Витая, — отметил я, — когда начну строгать, будет на завитках сильно бить, но если прижимать доску к станку покрепче, глядишь, потом на пару ступеней к лестнице что-нибудь, да и удастся выкроить».

Я положил доску на станок и начал простругивать ее с одной стороны.

Дошел до середины, и доску вполне естественно начало бить на завивающихся слоях пересохшей березы, но другого поведения я от нее и не ожидал. Я лишь покрепче налег на пытавшуюся вырваться из-под рук доску. Но доска, несмотря на все мои усилия, начинала вибрировать еще сильнее, и мне уже ничего не оставалось делать, как только лечь на нее всем

телом и даже животом.

Прижимать доску слева и сбоку от строгального станка, где это было бы делать гораздо удобнее и сподручнее, я никак не мог — там вплотную прилегала кирпичная стена, а справа то и дело сновали туда-сюда работавшие в храме люди. «Очень неудобно я стою, — мелькнуло в голове, — вот если бы сбоку, а не с торца, было бы гораздо удобнее…»

В это время я заметил, что вокруг меня начало появляться какое-то бело-голубое туманообразное, ясно различаемое моим телесным зрением свечение, клубами начинающее заливать все окружающее меня пространство. «Что-то странное и совсем необычное мне вдруг стало видеться, — подумал я. — К чему бы это»?

В этот момент раздался страшный выстрел, и доска, на которой я лежал таким мягким и чувствительным к режущим ранам животом, из-под меня куда-то исчезла! О том, куда исчезла лежавшая подо мной и начинавшая уже очень заметно вибрировать пересушенная березовая доска, я узнал только на следующий день.

Оказывается, ее потом нашли в пятидесяти метрах от того места, где я работал. Сила, выбросившая непокорную березину из-под моих рук и живота, была настолько велика, что доска, не снижая высоты своего полета, легко перелетела через бывший спортивный бассейн, в котором давно уже не было воды, и, с силой ударившись в середину высокого бетонного забора, упала на землю.

Долго потом все работавшие в это время в храме мужики удивлялись: ну почему доска, вылетевшая из-под меня, не разрезала меня пополам? Ведь доске просто физически было негде пролететь мимо меня? Слева вплотную к станку была кирпичная стена, снизу — станок, сверху — я, а справа от меня проходил кто-то из рабочих.

Верующему человеку, конечно же, не надо ничего объяснять — Бог спас — и все! — а для неверующих это будет лишь «необычное стечение обстоятельств», «случайность» или, в худшем случае, «поповская выдумка».

Пусть каждый оценивает рассказанные мною истории так, как подсказывает ему его разум и сердце, а я, продолжая свой рассказ, последовательно и подробно опишу все именно так, как происходило на самом деле.

После раздавшегося подо мной оглушительного и очень сильного «выстрела» и мгновенного исчезновения из-под моих рук и живота пересушенной широкой березовой доски моя правая рука оказалась захваченной вращавшимися ножами строгального вала, и руку стало медленно и неумолимо затягивать ножами в узкую металлическую щель. И началась борьба…

Станок продолжал затягивать мою руку все глубже и глубже, а я, упершись левой рукой в железную станину, тщетно пытался вытянуть ее из разъяренной пасти вращавшегося на высокой скорости строгального вала. Когда отхватило все четыре пальца, попавшие в металлическую щель, «под самые корешки», мне наконец-то удалось с силой вырвать свою руку.

Кто-то из рабочих уже успел за это время дернуть вниз за ручку электрический рубильник, стоявший неподалеку от меня. А я стоял и громко орал, как сильно раненый зверь, неистово и многократно ударяя себя левой рукой по плечу правой, искалеченной и брызжущей фонтанами красной крови, руки…

— Вот так! Вот так! Вот так надо было! — орал я, продолжая бить себя левой рукой по правому

плечу.

— Господи! Только не уходи от меня! Я живым в этот станок залезу! Только не уходи от меня!

— Вот так! Вот так! Вот так надо было! — и я снова бил себя левой рукой по правому плечу.

Сбежался народ. Тут же подогнали машину, и на высокой скорости мы с одним из рабочих понеслись по городу в больницу. Увидевшая меня медсестра ахнула, но очень быстро и споро разрезала на мне ножницами правый рукав свитера и рубашки. Меня раздели и, уложив на каталку, повезли в операционную, где уже спешно готовились инструменты для предстоящей экстренной операции.

— Ну что, плотник? — ласково спросил меня молодой хирург. — Наверное, больно было?

— Да нет, — сказал я, — не больно. Я, перед тем как себе руку отхватить, только-только ножи на станке наточил. Острые были, как бритва. Как будто знал, что для себя готовил…

Говоря это, я не врал, и даже рисоваться перед медперсоналом не думал. Ножи я действительно наточил только-только. Да и боли-то особой, когда мою руку начал с противно отдающим по всему телу хрустом пережевывать, затягивая в свою разъяренную металлическую пасть, строгальный станок, я действительно почти никакой не чувствовал. Душа моя в это время была занята совсем не станком и даже не тем, что вокруг меня в это время происходило. А совершенно иным, в те мгновения оказавшимся для меня гораздо более нужным и важным, чем моя искалеченная рука.

Как бы то ни было, но медперсонал, кажется, оценил мою, может быть, и не вполне уместную шутку. Вокруг меня как-то сразу все оживились, заулыбались и, как мне показалось, кто-то даже облегченно вздохнул. Медсестра поднесла к левой руке шприц, и мне перетянули руку жгутом.

— А это еще что за лекарство? — полюбопытствовал я.

— Наркоз, — ответила медсестра, начиная плавно вводить прозрачную жидкость, — сейчас поспишь немножко.

— А я думал, мне маску наденут, — сказал я.

— Нет, — добродушно усмехнулся врач, — маски не будет, тебе и этого хватит.

— А вдруг не возьмет?.. — но сознание, к моему удивлению, почему-то очень быстро куда-то провалилось.

Очнулся я уже в палате. Стояла глубокая ночь. «Надо же, — думал я, — приснится же такое! Станок какой-то, пальцы отрезало… кошмар какой! Хорошо, что это был лишь сон…»

Для большей уверенности я потрогал левой рукой правую и наткнулся на прохладные и еще не вполне просохшие от какого-то лекарства бинты. «Нет, кажется, это был не сон», — и я опять уснул.

Я проснулся повторно. И опять то же самое. «Надо же… станок… рука… Приснится же такое!» Но левая рука опять нащупала прохладные бинты. И я снова уснул. Очевидно, наркоз еще гулял по моей крови и время от времени все еще продолжал надежно отключать мое сознание. Проснувшись в третий раз, я опять услышал то же самое… «Станок, рука…» Я потрогал правую

руку. Нет, это не сон был, это правда… И вдруг в уме заскулило противное и жалостливое: «Ну вот, ты теперь калека… На всю жизнь… Руку-то теперь не вернешь…»

— Господи! — громко зашептал я. — Убери от меня эту сволочь!!! Я не хочу слышать от него никакого сочувствия.

Противный голос исчез и больше не приходил ко мне со своею жалостью никогда.

Наутро пришла медсестра с бинтами, фурацилином и еще какими-то лекарствами. Я поднялся и сел на постель.

— Лежи, лежи, — сказала мне она, — я тебе ее и так перебинтую.

— Да нет, мне так удобнее будет, — сказал я и остался сидеть.

Медсестра сняла с моей руки повязку и потом почему-то очень внимательно посмотрела на мое лицо. Потом на повязку, потом на мою руку и опять внимательным и несколько недоуменным взглядом стала смотреть на меня. Наконец я не выдержал и спросил:

— Простите меня, но я никак не могу понять, почему вы так внимательно на меня смотрите? Что случилось?

— Да ничего, — после непродолжительного молчания ответила мне медсестра и, немного помолчав, прибавила: — Я уже более двадцати лет медсестрой работаю, а еще ни разу такого не видела. После такой травмы, как у вас, вся повязка должна быть в крови, а она абсолютно чистая — на ней нет ни одной капли крови…

Она раскрыла передо мной только что снятую с меня повязку. Повязка действительно была абсолютно чистая.

— Не знаю я, отчего это так, я в медицине не разбираюсь. Может, оно так и должно быть? — ответил я, а сам про себя подумал: «Да сейчас на утренней службе за меня, грешника скверного, по всем храмам в городе все верующие молятся, вот крови-то и нет. Когда с верою Бога просят одновременно СТОЛЬКО людей… Что тут удивительного?»

Медсестра ничего мне больше не сказала. Обработала мне руку фурацилином, наложила новую повязку, дала какие-то таблетки и ушла.

На следующее утро я спустился на первый этаж больницы, нашел то место, где с меня снимали одежду, и потребовал, чтобы мне ее немедленно выдали обратно. Медсестра поначалу заупиралась и начала мне что-то говорить о том, что если я сейчас самовольно покину больницу, то никто мне не выдаст больничного листа за нарушение режима. Но я начал сильно настаивать:

— Мне не нужен больничный лист и никаких справок. Мне нужна моя одежда. Я хочу сегодня же выйти на работу. Мне храм восстанавливать надо.

Дежурная медсестра, видя мою непреклонность, раздраженно бросила мне одежду. К десяти часам утра я появился на пороге храма, ставшего мне таким родным и близким, за год моего круглосуточного и бессменного в нем пребывания. Я тут же принялся за работу, начав таскать одной рукой какие-то доски, но к вечеру у меня поднялась температура, и пришлось лечь.

Вечером позвонил хирург из больницы и указал адрес, куда я должен был ходить на перевязки,

пообещав, что он договорится, чтобы мне там делали перевязки без проблем. Через неделю он сам пришел в храм и попросил осмотреть мою руку; повязку я уже не носил. Он внимательно осмотрел мою руку со всех сторон, и мы разговорились.

— Вы знаете, — сказал он мне, — то, что с вами произошло, — это самое настоящее чудо.

Я смотрел на хирурга в полном недоумении. Ничего чудесного я не заметил. Рука как рука, зажила за неделю, ну и хорошо.

Видя мое искреннее недоумение, врач объяснил:

— Крупные вены все оказались перерезанными. А по ним должна была продолжать поступать новая кровь. И до тех пор, пока все не зарастет и не образуется обратный кровоток, ваша рука должна была распухнуть, как боксерская перчатка. Вам надо было лежать в больнице несколько месяцев и принимать лекарства. А у вас рука совершенно нормальная, нет даже опухоли! — и он еще раз внимательно осмотрел мою руку. Я молчал. Мне нечего было сказать ему в ответ. Потом врач предложил мне:

— Если хотите, то приходите ко мне в больницу. Я могу сделать вам дополнительную операцию, и тогда вам будет удобнее брать в эту руку сумку или ведро, — он показал мне место, где можно будет сделать дополнительный разрез на кисти руки, и прибавил: — Иногда так делают, хотя особого удобства это, конечно же, не даст. Можно заказать протез, но это очень дорого будет стоить.

Я отказался. Мы поговорили с ним еще немного и расстались. Дай, Господи, здоровья этому доброму человеку!

Какова же причина того, что я сразу же, как только мне с трудом удалось вырвать окровавленную руку из железной пасти станка, громко орал странные для окружавших меня людей слова: «Вот так! Вот так! Вот так надо было!» — и многократно бил себя левой рукой по правому плечу? Может быть, кто-то заподозрит меня в нарушении психики или во лжи, но я объясню, почему я это делал. В тот момент, когда мои пальцы захватили вращавшиеся ножи строгального вала и начали неумолимо, медленно и настойчиво затягивать их в станок, с хрустом перемалывая сухожилия и кости, а я тщетно пытался вырвать свою руку из огнем обжигающей пасти громко ревущего станка, — вдруг я увидел яркий и белый туманнообразный свет, который, как облако, окружил всего меня, станок и весь притвор храма. И в этом удивительно спокойном и приятном для моей души и тела необыкновенном белом свете я увидел большую, прямо пред моим лицом раскрытую ладонь. На этой большой серебристо-белой ладони я увидел свиток.

Не знаю как, но я в мгновение ока прочитал в этом свернутом свитке всю мою жизнь и все содеянные мною безобразные и гнусные грехи, не забыв и разбитые, лопнувшие от моего жестокого удара губы несчастного Ивана-алтайца.

«ВОТ ЗА ЧТО ТЫ ПОПАЛ В ЭТОТ СТАНОК»!

Когда я наконец-то вырвал свою руку из еще продолжавшего вращаться, но уже отключенного кем-то из рабочих станка, я был вне себя от душившей меня ярости…

— Вот так! Вот так! Вот так! (По самое плечо надо было отрезать мне руку, а не по кисть, за все мои тяжкие мерзости, за переломанные человеческие судьбы, за грехи, которые я успел натворить за всю безбожно прожитую жизнь! Господи! Как мало Ты меня наказал!)

Между тем во время моих диких криков свет, окружавший меня и заполнявший всё пространство храмового притвора, начал мало-помалу подниматься вверх и уходить в глубь храма, в ту сторону, где находился верх алтаря. Все бы отдал в тот момент, даже и самую жизнь свою. И Бог знает: мог бы действительно пойти тогда на любые муки, только бы Христос в то время не уходил от меня.

— Господи! Только не удаляйся от меня! — кричал я тогда. — Я живым в этот станок залезу! Только не уходи от меня!

Люди думали, что я кричал от боли, но я кричал ОТ НЕНАВИСТИ К СЕБЕ. Ведь Господь Иисус Христос — это такая Любовь… Которую и описать-то невозможно никак… Только тот может это понять хорошо, кто реально прикоснулся к этому вышеестественному и одновременно такому естественному для каждой человеческой души свету. Этот свет и любовь есть Христос, и Он — Бог. Эти краткие и простые слова, скорее всего, ничего не скажут неверующему человеку. Но сколько в них может быть для простого верующего сердца света, необыкновенной силы, жизни, утешения и смысла…

Боль от травмы, которую мне нанес строгальный станок, я почувствовал уже только тогда, когда сидел в машине и мы неслись на повышенной скорости по городу в направлении больницы.

Господи, прости мне бесчисленные грехи мои…

Глава 14. Кувырком к Телецкому озеру

С любой вершины много есть путей,
Но нет с земных вершин — путей наверх.
Прельстился дьявол гордостью своей,
И в нас вселяет непрестанный грех.
И я, как все, — с грехами пополам,
Иду по жизненным подъемам и долинам.
Обломки собирая здесь и там,
В стремлениях к не истинным вершинам…

В храме, который я начинал восстанавливать, голые, неоштукатуренные стены постепенно стали белыми и ровными, под куполом была сделана роспись, и в нем начали совершаться регулярные ежедневные богослужения. Приходская жизнь храма начинала потихоньку вступать в размеренную колею, предусмотрительно обустроенную нашими святыми предками и проторенную по тропам испытанных веками православных традиций.

К этому времени меня уже начинала сильно привлекать монашеская жизнь и само монашество вообще, поэтому на предложение остаться при приходе восстановленного храма я ответил решительным отказом и направился в один из старейших монастырей России на восстановительные работы.

Тоска по покинутому мною Горному Алтаю была из-за непрестанной перегруженности монастырской жизни не очень сильной, но она все-таки была. Трехгодичный срок моего пребывания среди людей, назначенный мне в письме священником, по воле которого я был вынужден покинуть заповедник, — подходил к концу. Мне было прямо сказано: «После трехгодичного пребывания на каком-либо из приходов, если захочешь, можешь вернуться в уединение, но не раньше».

Я стоял тогда перед выбором: или монашество в монастыре, или монашеская жизнь в уединении. Не знаю, может, на свою беду, а может, и на счастье, но я избрал для себя последнее, и в отмеренный Богом срок я вновь оказался в Горном Алтае, переименованном за время моего отсутствия в республику Алтай.

Свой путь я держал в контору уже однажды приютившего меня Алтайского государственного заповедника. Какой-то внутренний голос подсказывал мне: «Тебе дадут там место на одном из кордонов, а о том, что у тебя нет на руке пальцев, не беспокойся. Все устроится».

Кто-то из местных жителей согласился попутно доставить меня на моторной лодке в поселок, где находилась контора заповедника.

Процедура моего устройства на работу заняла меньше часа. Людям по нескольку месяцев подряд было нечем платить зарплату. Никто не хотел работать на таких жестоких условиях, и обширное некогда хозяйство заповедника начинало из-за отсутствия финансирования приходить в совершенно расстроенное состояние. Мне сказали:

— Можешь не чистить троп и не делать егерских обходов, а только хотя бы живи на кордоне. Главное для нас сейчас — чтобы местные жители не разграбили дома, принадлежащие заповеднику.

Обрадованный столь скорым и успешным исполнением задуманного мною плана, я вышел из конторы заповедника и походил немного по поселку. Встретив знакомого егеря, я спросил:

— Слушай, Александр. На старых картах заповедника я видел обозначенную вдоль береговой линии тропу до Артыбаша. Она еще жива?

Александр, старый опытный егерь, задумался и сказал:

— Была. Когда-то раньше, лет тридцать назад, по ней еще ходили, а потом, когда появились катера и моторные лодки, перестали ходить. Ты лучше туда не ходи. Все уже давно заросло, тропы давно не чищены. Заблудишься.

Я показал на находящиеся перед нами горы и спросил:

— А где начало тропы?

Александр объяснил и еще раз прибавил:

— Ты лучше туда не ходи. Там давно уже никто не ходит. Дорога тяжелая, да и не найдешь ты ее. Собьешься с дороги. Лучше подожди катера. Через неделю вроде обещали солярку привезти. На катере и уедешь в Артыбаш.

— Хорошо, не пойду, — видя его искреннее беспокойство, ответил я, и мы расстались.

Ждать целую неделю катер не очень-то хотелось. Да и через неделю солярку могли просто не привезти, тогда придется мучиться от безделья еще более неопределенный срок. Я подумал про себя: «Что ты, Николай?! Вырос в горах и боишься какой-то старой заброшенной тропы, по которой никто не ходил пусть даже и тридцать лет? Разбей дорогу на два этапа. Сегодня исследуй приблизительно первую половину тропы и вернешься сегодня же назад. А завтра, с утра пораньше, глядишь, отыщется и вторая половина пути».

Эта мысль мне очень понравилась, да и душа моя уж очень истосковалась по одиночеству и

горным переходам за время моего трехлетнего отсутствия на Алтае. Я решил немедленно отправиться на поиск начального участка пути.

Зайдя к знакомому «научнику» (так называли в заповеднике тех, кто занимался научной работой), я сказал:

— Пойду прогуляюсь по горам. Соскучился сильно по лесу. Если вернусь поздно, не беспокойся. Может, я допоздна задержусь.

— Ладно, сходи, — и, зная мою неспокойную натуру, спросил: — А куда ты собрался?

— Да хочу посмотреть тропу на Артыбаш.

— Э… — махнул рукой Олег, — ты лучше туда не лезь. Намучаешься только без толку, да и тропы не найдешь. Там уже сто лет никто не ходит. И охота тебе ноги ломать?

— Да не собираюсь я в Артыбаш идти до самого конца. Я только по горам похожу до вечера, а потом ближе к вечеру к тебе ночевать приду. Да и когда сейчас уже идти в Артыбаш? — я постучал пальцем по часам на руке. — Время уже два часа дня. Если меня ночь в горах застанет, я только перемерзну весь. Да и что я, сумасшедший, что ли, в это время в Артыбаш собираться?

— Ну ладно, погуляй, если так хочется. Только далеко не заходи, там местами опасно.

Я развернулся и пошел по улице поселка. Олег крикнул:

— Куртку возьми. К вечеру похолодает.

— Да нет, не надо. Я по южному склону помотаюсь немного, да, может, и пораньше вернусь. А куртка пусть у тебя лежит… вон как солнце жарко припекает.

Я вышел из поселка в полной уверенности, что к вечеру мы опять с Олегом будем сидеть в его наполненной до самых потолков книгами комнате и вести наши бесконечные и ставшие уж такими привычными за более чем десятилетний срок нашей дружбы разговоры о том и о сем. Олег был один из самых старых «паучников» в заповеднике, где и дорос до кандидата наук. У него была огромная библиотека, и он очень много знал. С помощью его бесед для меня открывались совершенно новые закономерности и явления в окружающей меня природе, о которых человек, будь он хотя бы и семи пядей во лбу, сам по себе один ни за что бы не догадался. Чтобы открыть какое-либо новое явление в природе, иногда были необходимы многолетние усилия десятков и даже сотен людей. Времена талантливых одиночек уже закончились. В науке начинался век высокоточных приборов и компьютерной техники. Впрочем, в России талантливые одиночки не переведутся, наверное, и до скончания века. Россия, она на то и Россия, чтобы удивлять весь мир абсолютно невероятными открытиями в самых разных областях науки, военной техники и, к сожалению, криминала.

С Олегом мне всегда было интересно поговорить. Человек он был по-настоящему высокообразованный и увлекающийся. Его оценки окружающей меня действительности порою меня очень сильно озадачивали. Именно он научил меня смотреть на природные, социальные и политические явления не так, как о них пишут в газетах и книгах (пусть даже и научных), и не так, как считает «общественное мнение», а стараться их видеть именно такими, какими они и есть на самом деле.

Глубокая его эрудиция, русская простота оценок и предельная честность, его постоянная

увлеченность самыми новыми научными открытиями, описываемыми в научной периодике, делали наши с ним многочасовые беседы чрезвычайно для меня полезными и занимательными… Я благодарен Богу за то, что мне много лет довелось пребывать в очень тесном общении с этим человеком.

Спустя полчаса я уже поднимался на первый крутой подъем, действительно давно нехоженой тропы. Жаркое апрельское солнце на очень крутом южном склоне припекало очень сильно. По узкому карнизу то почти прямо, то вдруг делая самые замысловатые подъемы и спуски, виднелась давно забытая всеми, но все-таки достаточно хорошо различимая для моего опытного взгляда узенькая горная тропинка. Местами тропы вообще не было, но, быстро оценивая обстановку и обследуя склоны, мне все-таки удавалось ее находить снова и снова. А местами я просто шел напролом, хорошо зная, что полностью заросшая за тридцать лет тропа все равно должна была обнаружить свое присутствие где-то в районе того или иного узкого каменного прохода, пока еще бывшего от меня вдалеке.

Опыт многолетнего одиночного странствования по горам меня не подводил. Хотя местами я совершенно не видел даже и самых слабых следов тропы, но в каменистых местах и в местах, поросших мхом, признаки старой и когда-то активно посещаемой тропы все же виднелись по местам очень хорошо.

Наконец я дошел до того места, где тропа расходилась надвое.

— Налево пойдешь, коня потеряешь. Прямо пойдешь, ничего не найдешь, — сказал я сам себе вслух, остановился и задумался.

Тропа, идущая налево, пересекая небольшой горный ручей, круто поднималась по почти вертикальному скальнику. Та, которая вела прямо, уходила в узкое и в дали расширяющееся ущелье, географическое положение которого было явно не в той стороне, где мог находиться Артыбаш.

«Если пойду прямо — попаду в широкую долину, куда, скорее всего, может быть, давно, но все же нередко ходили на охоту местные жители, а если поверну налево — есть шанс найти тропу, ведущую в Артыбаш. Если тропа, поворачивающая налево, окажется хорошо набитой еще три или четыре километра вперед в западном направлении, то это именно та самая старая тропа, ведущая в Артыбаш, и есть, а другой тропы на этом ландшафте вроде и негде быть», — подумал я и полез на крутой каменистый склон, цепляясь за выступы крепкого гранитного скальника.

Наверху скальника, как я и ожидал, отчетливо виднелась когда-то очень хорошо набитая, очень старая, но все же по местам совершенно ясно и отчетливо видимая тропа.

Я понял по пройденному пути, что одну треть пути старой тропы, ведущей в Артыбаш, я уже нашел. «Надо бы поворачивать назад», — подумал я и остановился. Не всегда, но иногда в горах было жизненно необходимым учитывать такое понятие, как «точка возврата», почти точно так же, как и в авиации. К примеру, если в баках твоего самолета топлива не хватит на обратный путь или до следующего аэродрома, то, ясное дело, придется делать аварийную посадку. В горах, разумеется, учитывалось не топливо в баках и даже не количество продуктов в рюкзаке, а именно время.

Если у недостаточно опытного путника не хватало времени дойти до ближайшей пастушеской стоянки или до населенного пункта, то приходилось ночевать в горах, а это иногда могло привести и к гибели неосторожного путника!

На мне не было даже теплого свитера. Не было ни ножа, ни спичек, ни продуктов. Если бы

ночь застала меня при таких условиях в горах, то в апреле мне вряд ли удалось бы дожить до утра. Я просто околел бы от холода к утру при неизбежных на этих высотах в это время года –10°, –12°С.

«Если поверну назад сейчас, буду в поселке к вечеру, — подумал я, — если пройду вперед еще три или четыре километра, смогу вернуться только поздно ночью». Но уж больно заманчивой мне показалась так хорошо видневшаяся на каменистых и замшелых местах давно не хоженая старая тропа. И я сделал то, что такое время нельзя было делать ни при каких условиях. Я УВЛЕКСЯ тропой. И на какое-то время забыл о «точке возврата»… Это едва не стоило мне жизни. Когда я вышел к крутому и высокому гребню пологой горы, то неожиданно поймал себя на мысли, что «точку возврата» я уже миновал более двух часов назад! Теперь уже единственная возможность для того, чтобы я мог хотя бы к поздней ночи достичь тепла и еды, заключалась только в одном. Надо было до самого темного времени суток спуститься вниз к озеру, где, как я предполагал, обязательно должна была быть старая тракторная дорога, ведущая в Артыбаш.

Даже самой глубокой ночью по старой тракторной дороге, пусть не быстро, но идти все же можно, а по горам нет. Я выругал себя за опрометчивый поступок и за свое совершенно несвоевременное мальчишеское увлечение поисками старой тропы. Но какого-либо другого выхода у меня теперь уже все равно не оставалось, только прибавить ходу и продолжать двигаться теперь уже лишь в одном направлении — вперед! И как можно скорее!

Облачное небо надо мною уже начинало понемногу сереть, день клонился к вечеру. А о том, насколько быстро могут только что начавшиеся в горах, и особенно в узких ущельях, сумерки обратиться в самую глубокую и непроглядную тьму, мне не надо было объяснять.

В моей голове тогда осталась только одна, по-настоящему значимая для меня в это время мысль: «Только бы успеть затемно спуститься к берегу Телецкого озера». Там по тракторной дороге я даже в самой полной темноте потихоньку смог бы дойти до Артыбаша. Если же я собьюсь с пути или по какой другой причине не успею добраться до тракторной дороги к поздней ночи, то меня будет ожидать неизбежная и очень мучительная смерть от мороза в горах.

Подъем на водораздельный гребень горы, за которым мною предполагался спуск к озеру, неожиданно для меня вдруг начал осложняться еще не успевшим растаять на этой высоте зимним снегом, который был мне сначала по щиколотку, потом по колено и потом, совершенно неожиданно для меня, резко и сразу, — по пояс.

Я находился на северном склоне, который был не очень крутым, но все же достаточно высоким, а для того чтобы обойти эти снежные завалы, задав многокилометровый крюк на северо-запад, у меня не было времени.

И вдруг (именно вдруг!) я увидел метрах в трехстах от себя следы медведя, очевидно, только-только вставшего от зимней спячки, следы его вели прямо наверх гребня горы, именно как раз в том самом направлении, куда мне и было нужно. Встречаться в лесу с недавно проснувшимся и изрядно проголодавшимся за время долгой зимней спячки крупным зверем как-то не хотелось. Но у меня не было времени на какие-либо рассуждения! Я направился к следам.

— Господи! Устрой так, чтобы мне с ним не встретиться! — вслух помолился я и начал перепрыгивать из одной глубокой ямы, оставленной медвежьими лапами, в другую. «Ну и здоров же, зверюга!» — искренне удивлялся я, с трудом перекидывая ноги в доходящие мне до пояса глубокие снежные ямы.

«У него четыре ноги, а у меня две, и то не могу перелазить из одного следа в другой: настоящий гигант — редкой величины», — думал я, и в то же время сердце мое преисполнялось радости. «Это Господь позаботился обо мне, направив медвежий след в самом необходимом для меня направлении… Здоровенный медведище как будто нарочно для меня курс проложил! Пропахал дорогу, что тот трактор!» Я благодарил Бога. «Господи, слава Тебе! Это Ты послал его пройти именно этим путем». Когда по медвежьему следу я довольно быстро выбрался на самый верх водораздела, я облегченно вздохнул. Внизу, приблизительно в двух километрах от меня, блестели воды Телецкого озера. Это было именно то самое место, куда я и рассчитывал выйти, преодолевая подъем на этот горный хребет.

— Слава Тебе, Господи! — вслух помолился я. — Не заблудился!

«Теперь уже точно буду сегодня в Артыбаше», — подумал я, совершенно не подозревая, что самые страшные испытания, которые выпали мне на сегодняшний день, еще только ожидают меня впереди.

Подо мной виднелся почти полукилометровый очень крутой спуск, весь покрытый глубоким (более метра глубиной) слежавшимся и еще не до конца отошедшим от зимних морозов снегом. Медвежий след, так своевременно помогший мне выбраться наверх этой горы, круто меняя свое направление, уходил куда-то на восток по самому гребню горы по своим медвежьим делам, а мне надо было на юг и вниз, а потом на запад.

Здесь я ненадолго прерву хронологию описываемых событий и кратко опишу один странный сон, который много раз мучил и донимал меня, когда я еще был послушником в монастыре. Этот сон всегда начинался и заканчивался совершенно одинаково. Будто я нахожусь на вершине снежной горы прямо напротив Артыбаша и вдруг неожиданно бросаюсь с этой горы в полном смысле слова кувырком по снегу, вниз головой, и лечу с этой крутой горы до самого ее подножья.

Какой-то непонятный и неестественно сильный страх всегда будил меня в этом месте сна, хоть снился мне этот эпизод поздней ночью или под утро. Просыпаясь от страха, я всегда говорил сам себе одни и те же слова: «Опять меня бесы мучают… приснится же глупость такая!.. Какая-то бессмыслица… Лечу вниз головой кувырком с какой-то крутой горы возле Артыбаша… да еще от самого верха до низу!.. Да я на этой горе даже и не был-то никогда и вряд ли когда буду… Точно этот сон от бесов», — думал я.

Сон этот повторялся со мной несколько раз, и я всегда говорил себе при этом: «Точно этот сон от бесов».

Перечитав огромное количество книг по православной аскетике, я, к сожалению, тогда еще совершенно не понимал своей умственной немощи. И от этого недопонимания своей глубоко испорченной мысленным грехом природы я по гордости своей преждевременно и легкомысленно считал себя способным различать, какой помысел или сон может быть от бесов, а какой нет. Вследствие этой утонченной духовной гордости мне пришлось потом, в течение многих лет, на практике духовной жизни ясно и с неутомимой настойчивостью убеждаться в том, что единственное, на что я только и был всегда способен, так это на одни только непрестанные ошибки…

Да, да, — я находился именно на той самой горе, которая снилась мне с таким завидным постоянством… Я стоял на заснеженной вершине, и подо мной был именно тот самый крутой уклон, по которому я во сне уже около десятка раз скатывался кувырком к подножию этой горы.

«Это еще вопрос, от бесов ли был этот сон?! — подумал я про себя. — Но надеюсь, хоть кубарем-то лететь мне с горы до самого низу не придется?! Спущусь как-нибудь и так, менее экстравагантным способом».

Отсутствие на мне свитера и теплой куртки как-то совсем не располагало к кувырканию по мокрому и подтаявшему сверху за теплый апрельский день снегу южного склона.

Но первые же сделанные мною шаги по направлению вниз ясно показали мне, что спускаться «просто так» мне с этой горы не придется! Снег на спуске был очень глубоким, а рыхлым и вязким он был лишь на самой незначительной своей поверхности. Чуть глубже находилась очень крепкая и толстая корка смерзшегося снега, пробить которую ногою я мог только лишь с очень большим трудом, да и то далеко не с первого раза. Когда же я сделал попытку встать на смерзшийся снег, то тут же провалился почти по пояс. Вытащить ногу из этого ледяного «капкана», да еще на крутом склоне, я смог уже с очень большим трудом… Так и пришлось мне, сделав две или три неудачных попытки, кувырком полететь вниз.

Во время кратких остановок я только лишь старался выбирать места поровнее и поудобнее, и где боком, а где и через голову, так кувырком и долетел почти до самого подножья этого крутого склона. Таким образом, несколько раз снившийся мне в монастыре сон исполнился во время, предназначенное Богом, с максимальной точностью.

В самом низу склона снег уже был по колено, уклон стал более пологим, а через сотню метров я, наконец-то облегченно вздохнув, вышел на голую, еще не успевшую покрыться нежной весенней зеленью землю.

Мысленно я уже торжествовал победу. Мне оставалось всего лишь около полутора километров до берега Телецкого озера.

Узкое ущелье, по которому мне предоставлялась теперь уже единственная возможность подойти к берегу озера, казалось, не представляло собою совершенно никакой опасности. Но в горах иногда так и бывает, что наиболее серьезные опасности могли подстерегать неосторожного путника как раз там, где он (по своей малоопытности) мог их совсем не ожидать.

Я вышел на остожье. «Вот хорошо, — подумал я, — раз есть остожье, значит, есть и тракторная дорога, ведущая вниз по ущелью, по которой местные жители возят сено в поселок». Но… тракторная дорога неожиданно уперлась в широкий и мощный поток, образовавшийся от обильного дневного таяния снегов на южном склоне.

В том месте, где летом мог протекать едва приметный ручеек, во время обильного таяния снега или просто от прошедшего сильного дождя летом или весной мог образоваться в течение полудня мощный и совершенно непреодолимый для человека быстрый горный поток. Именно это со мной и произошло.

Оставив тракторную дорогу, я поспешно спустился вниз по течению ручья и спустя метров двести уперся в отвесную скалу, пройти по которой не представлялось возможным не только в уже начинавших сгущаться поздних сумерках, но даже и днем.

Я вернулся к тракторной дороге, уходившей в разбушевавшийся горный поток. Пригляделся и понял, что лучше не рисковать. Четыре или пять метров ширины потока — расстояние не очень большое, но уклон, предполагаемая глубина и скорость течения не оставляли никакой надежды на благополучный переход. С риском для жизни можно было сделать попытку перейти реку с шестом, но поблизости ничего под рукой не нашлось. Подойдя к старому

остожью, я оставил и эту надежду. Очень сильно подгнившие старые жерди не могли выдержать даже собственного веса, а не то, что мощного напора воды.

Я заметался по поляне, как раненый зверь… Растревожился я не на шутку. Даже пытался руками выломать какую-нибудь крепкую палку, но ничего не получалось.

— Дурак! Даже ножа с собой взять не мог! — выругал я себя.

Положение мое становилось чрезвычайно опасным, критическим. Через десять или пятнадцать минут в ущелье должна была наступить почти непроглядная тьма. Перейти через речку я не мог, а от кувыркания по снегу на мне не осталось ни одного сухого места. Я уже начинал сильно дрожать от холода. Меня ожидала неминуемая смерть от переохлаждения через два, максимум три-четыре часа…

Самым обидным почему-то было то, что погибать приходилось не где-то далеко, заблудившись в горах, а всего лишь в четырех или пяти метрах от так заманчиво чернеющей в темноте тракторной дороги, ведущей к человеческому жилью.

Холод начинал пробирать меня, что называется, до самых костей. Меня начинало уже колотить и трясти почти непрестанно, а в голове зародились самые мрачные и нехорошие предчувствия. Пробегав по старому покосу несколько минут без толку и без смысла, я наконец-то заставил себя уяснить, что оставаться мне здесь никак нельзя — ни одной минуты…

Мне стоило сильного нервного напряжения и немалых душевных усилий, чтобы, преодолев страх будущего крайне рискованного перехода, взять себя в руки и заставить подойти к бушующему горному потоку. Я начал внимательно осматривать поток, пристально вглядываясь в сгущающуюся темноту, шаг за шагом и метр за метром. Единственное место, где оставалась почти нулевая, но все-таки надежда преодолеть разбушевавшуюся весеннюю водную стихию, оказалось в самом низу, почти у самой скалы, упираясь в которую поток воды превращался в грозно шумящие и белеющие внизу в темноте водопады. «Если унесет туда течением — это будет…» — подумал я, но размышлять на эту тему слишком долго не хотелось.

С полным осознанием степени риска и с трепещущим от страха сердцем я вошел в шумный горный поток. Глубина почти сразу же стала мне по пояс, но я продолжал движение вперед, пытаясь нащупать ногами крупные камни, упершись в которые я все-таки надеялся преодолеть этот поток хотя бы до середины его ширины. Именно до середины я и дошел.

В это время меня и начало заваливать быстрым течением воды на спину. «Все… доигрался… это уже точно… верная смерть…» — подумал я в это мгновение.

Не раз мне приходилось заходить в самые различные горные потоки. Иногда в течение всего лишь одного дня приходилось или в одиночку, или со страховкой заходить в горную реку не менее двух десятков раз, опыт у меня в этом деле был огромный. Я уже абсолютно точно знал, что если меня собьет течением с ног в этом месте, то шансов остаться в живых уже не будет совершенно никаких. В это краткое и так хорошо запечатлевшееся в моей памяти мгновение я похоронил себя уже безвозвратно…

«Все, прощай, моя так скоро и так безвременно законченная жизнь», — сказал я сам себе, ясно представляя, что будет со мною через три или четыре секунды, когда меня донесет до шумящего и белеющего в темноте водопада.

И вдруг! Вот именно вдруг! Я увидел себя с палкой в левой руке, которую я воткнул между крупными камнями, и которая прочно удерживала меня от неминуемого опрокидывания на

спину. Сделав с помощью этой палки еще два так тогда жизненно необходимых для меня шага, я миновал середину потока, после чего вдруг неожиданно уставился на эту палку как ненормальный. Я не мог поверить своим глазам. «Ведь я же заходил в воду без палки, — мысль лихорадочно работала. — Откуда взялась эта палка и почему она находится в моей руке не просто так, как придется, а именно так, как мне и нужно, — толстым концом вниз, а тонким вверх?! Кто мог подать мне эту палку? Ведь рядом же никого нет!»

Течением мне наподдало так хорошо, что пришлось оставить так неожиданно возникший внутри меня поток недоуменных вопросов до другого, более благоприятного времени.

Сделав еще несколько шагов с помощью этой, одному только Богу известно как оказавшейся в моей левой руке палки, я с силой бросил свое грешное тело к нужному мне и теперь уже такому близкому левому берегу реки.

Меня быстро понесло течением вниз, но я уже успел ухватиться за ветви заранее примеченного мною дерева, непрестанно бьющего своей вершиной по воде, то вверх, то вниз. Крепко уцепившись за ветки дерева, я описал плавную дугу по быстрым волнам шумного горного потока и быстро приблизился к берегу. Потом, цепляясь за корни деревьев и растущий на берегу реки кустарник, наконец-то благополучно выбрался на противоположный берег.

— Слава Тебе, Господи! Живой, — искренне вырвалось у меня вслух, когда я, уже почти совершенно выбившийся из сил, упал на землю и лежал на высоком противоположном берегу только что пересеченного мною горного потока.

Я уже был совершенно не в силах встать с земли. Мне очень хотелось отдохнуть, хотя бы минут пять, от пережитого мною чрезвычайного нервного и телесного напряжения. Но даже и этого краткого времени па отдых у меня не было!

Впереди меня ждал еще один неизбежный переход через этот же самый горный поток, пересекая который я по необходимости отсек себя от Артыбаша. В худшем случае, если бы дорога начала петлять по ущелью, этих переходов могло быть и несколько.

Ночь уже начинала вступать в свою полную силу, а дожидаться полной и кромешной темноты мне было никак нельзя. Поэтому через крайнее «не могу» мне пришлось не только поспешно встать с земли, но и бегом припустить вниз по крутому ущелью, внимательно вглядываясь на бегу в чернеющую под моими ногами и уже еле-еле различаемую в темноте тракторную дорогу.

По всем большим и малым расщелинам, примыкавшим к ущелью, вниз по которому я продолжал с великой поспешностью спускаться, непрерывно шумели то большие, то маленькие горные ручьи, впадающие в основной поток. Спустя несколько сотен метров я пришел к тому, что и предполагал увидеть. Передо мной был (слава Богу! последний) переход через эту реку, но уже в два или три раза более полноводную и широкую, чем тогда. На берегу реки лежал свежесрубленный толстый шест с рогатиной на конце, который я тут же взял в руки.

— Слава Тебе, Господи, то, что надо, — сказал я вслух и прибавил: — Господи, не оставь!

В шумный горный поток пришлось входить даже без приглядывания: ночная тьма уже набрала свою полную силу, а времени на раздумья не было ни минуты. Скорость течения реки в этом месте была относительно небольшой, поэтому, хотя вода местами сильно теснила меня, доходя иногда даже до верха груди, но я этот поток перешел намного безопаснее, чем предыдущий.

Войдя в лес, я шел только на ощупь, пытаясь отыскать направление тракторной колеи с

помощью ног, выставив вперед руки и закрывая глаза, чтобы не наколоть их о ветки. Но спустя какое-то время густо заволакивающие небосвод тучи частично рассеялись, а кое-где даже начали проглядывать яркие ночные звезды.

Вскоре дорога вышла почти к самому берегу Телецкого озера. Лес остался позади, и, находясь на открытом широком месте, я уже мог не без труда, но все-таки достаточно ясно видеть под собою две глубокие прошлогодние тракторные колеи.

Самое радостное для меня было то, что, спустившись по ущелью вниз, я наконец-то вышел из зоны высокогорных заморозков и мне стало значительно теплее.

Через два часа пути предо мною вдали показались первые электрические огни Артыбаша.

Глава 15. Свеча, которую зажег Бог

Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Когда взираю я на небеса Твои — дело перстов Твоих, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?

(Пс.8:2,4-5)

Спустя две недели после моего устройства на работу в Алтайский государственный заповедник, поздним вечером на заранее оговоренный адрес за мною заехал ЗИЛ-131. Поспешно закидав мешки со своими нехитрыми пожитками и продуктами, я залез под брезентовый тент, накрывавший вещи в кузове машины. Моросил мелкий дождь. Под тентом уже находились трое знакомых мне егерей. Меня назначили на один из самых наиболее удаленных и труднодоступных кордонов заповедника, и впереди меня ожидали почти семьсот километров горных дорог.

При въезде в приграничную зону, несмотря на глубокую ночь, наша машина была остановлена дежурным нарядом милиции.

— В кузове люди есть? — спросил дежурный, как потом оказалось, сержант.

— Есть, — ответил один из егерей, сидевших в машине.

Запираться было бессмысленно, потому что машину могли осмотреть и открывшийся обман мог закончиться очень серьезными неприятностями.

— Много? — спросил сержант.

— Четыре человека, — ответили из машины.

Тент приподнялся прямо возле моей головы.

— Оружие есть? — спросил сержант.

— Табельное, — ответил лежащий рядом со мной егерь.

— У меня тоже табельное, — сказал сержант миролюбиво и прибавил: — Чья машина?

— Алтайского государственного заповедника, — раздался ответ из кузова.

— Заходите на пост для проверки документов, — сказал сержант и ушел.

Документы проверяли достаточно спокойно, но водитель машины заметно волновался, зная, что по закону он не имел права возить людей в кузове машины, не оборудованной для перевозки людей.

— Не много ли в кузове народу везешь? — обратился к водителю старший лейтенант милиции.

Водитель молчал. Но за него вступился старший по группе:

— Да войдите вы в наше положение: дали один раз в году машину забросить продукты и людей на все кордоны, и что нам было делать? Денег-то в заповеднике и так ни на что нет.

Старший лейтенант милиции сидел молча и задумчиво. С одной стороны, он по закону был обязан наказать водителя, а с другой стороны — все прекрасно понимали, что на водителе собственно никакой особенной вины-то и не было, разве то, что он сам пошел на риск быть наказанным ради блага своих товарищей. Да и положение егерей в заповеднике тоже было всем хорошо известно. Безденежье было в те времена почти повсеместным, и в заповеднике, так же как и в других местах, люди по восемь месяцев, а то и более не получали ни копейки зарплаты.

— Документы на оружие с собой? — спросил переписывающий данные наших паспортов сержант.

— Есть, — ответил старший по группе и выложил на стол свой «Макаров» вместе с бумажным удостоверением. «Макаров» тут же привлек внимание всех находящихся в постовом помещении милиционеров.

— Надо же, послевоенного производства! — и пистолет начал гулять по рукам заинтересовавшихся милиционеров.

Несколько ранее напряженная обстановка сразу же разрядилась. Завязался разговор об оружии, патронах и о способах применения оружия ближнего боя в боевых условиях.

— Нарезное оружие есть? — строгим голосом задал вопрос сержант.

— Есть, только карабины в самом низу между мешками лежат. Доставать долго придется, документы все в порядке, — ответил старший по группе и выложил еще несколько удостоверений на стол.

— Ладно. Не надо, — махнул рукой сержант, — езжайте так.

Мы погрузились в машину и продолжили свой путь уже без остановок. Я поблагодарил Бога, что все обошлось благополучно и водителя нашей машины, Володю, не наказали. Когда он стоял позади всех нас с сильно расстроенным лицом, мне было его очень жалко.

В одном из высокогорных поселков наша группа разделилась. Трое егерей с вещами выгрузились на квартиру, в которой я бывал и раньше, а в кабине остался начальник моего кордона и старая семидесятилетняя его теща. Теперь весь наш дальнейший путь к следующему алтайскому поселению около пятидесяти километров должен был пролегать по почти полному бездорожью. Наша машина должна была первой в этом году, после долгого зимнего перерыва прибыть в этот удаленный горный поселок. На календаре было самое начало мая.

Дорога была очень тяжелой. Не раз я опасался, что мы крепко «засядем» где-нибудь. Но наш водитель не зря работал в заповеднике. Водил он свой вездеход просто мастерски. День уже начинал склоняться к вечеру, и, когда мы подъехали к очередному опасному месту, мое сердце помимо воли скорбно сжалось.

«Только бы не застрять», — думал я, ведь если застрянем крепко, идти придется за трактором километров за восемнадцать, да еще и согласится ли кто поехать к нам на помощь? Топливо в эти дебри доставлять было очень нелегко… Но опасные места миновали одно за другим. Но вот автомобиль остановился, Володя вышел из машины и начал внимательно осматривать дорогу. Походил немного и, показав рукою совсем не в ту сторону, в которую поехал бы я, сказал: «Вот тут пройдем», — и, круто свернув с дороги в объезд, обошел опасное болотистое место, которое я сразу даже и не приметил. О том, как Володя водил свой ЗИЛ-131, у нас в егерской среде складывались легенды. Глядя на то, как мы преодолевали места — одно опаснее другого, я подумал: «Надо родиться за рулем, чтобы так водить машину!» Если бы за рулем сидел я, мы бы и половины того пути не проехали, что был уже позади нас.

Когда мы остановились во второй раз, я сразу понял, что если Володя остановил машину, значит, впереди опять намечается что-то весьма серьезное. Из машины вылезли все, кроме старой женщины, оставшейся в кабине. Впереди была пятнадцатиметровая ледяная наклонная площадка, в самом конце которой весенние потоки промыли глубокую, почти метровой глубины, расщелину. Я бы в это место не рискнул бы повести машину ни за что. Но Володя уверенно сказал: «Пройдем», — и действительно прошли бы, если бы на самом выходе из ледяной площадки лед вдруг неожиданно не обрушился под многотонными задними мостами автомобиля.

Неожиданно треснувший лед сразу же и крепко «посадил» наш ЗИЛ-131 на все мосты. Вариант был один из наиболее трудных. Машину надо было вырубать из-под почти метрового ледового плена. Володя попытался два раза осторожно стронуть машину взад и вперед и выключил двигатель.

«Молодец», — отметил я про себя: если бы за рулем сидел неопытный водитель, он бы своими неразумными попытками выбраться из-под обрушившегося под нами льда только бы ухудшил наше и без того уже самое незавидное положение.

Я спрыгнул с машины. Без лишних слов передо мной кинули лопату. Начальник кордона указал мне на переднее правое колесо машины:

— Копай здесь, — а сам ушел на левую сторону, которая была наклонена гораздо ниже, чем правая.

Копались мы около часа, но скорого результата и ожидать было совершенно бессмысленно. Машина стояла, сильно накренившись на левый борт и завалившись задними мостами на почти метровую глубину. Володя завел машину, сделал три или четыре попытки выбраться из ледяного завала и снова заглушил двигатель. Я походил вокруг машины, осмотрел все внимательно и понял, что выдалбливать лед мне надо было совсем не там, где указал начальник кордона, а в другом месте, под правыми задними мостами, где продолжал свою неутомимую и обычную весеннюю работу полноводный горный ручей. Я стал расширять лопатой узкую щель под задними мостами ЗИЛа. Подошел Александр.

— Зачем здесь копаешь? Копай там, — он указал на правое переднее колесо машины и ушел.

Понимая, что если я послушаюсь его, то мы из этого завала вообще никогда не выберемся, я

молча продолжал начатое мною дело. Спустя несколько минут опять подошел Александр.

— Я же тебе сказал, копай под передним колесом! — он уже начинал заметно нервничать.

— Саша, — как можно спокойнее постарался ответить я, — я не один год за рулем отсидел, знаю, что делаю, — оставь меня в покое.

Александр ушел, но минут через десять опять появился сзади меня:

— Я же сказал тебе!

— Да пошел ты…!!! — и изо рта моего чуть было не вылетела давно уже не употребляемая мною нецензурная брань. Я продолжал расширять ледяной проход. Саша ушел к Володе и о чем-то начал с ним говорить. «Наверное, на меня жалуется», — подумал я.

Мне было интересно: что скажет Володя о моей работе? Если бы Володя сам мне сказал: «Копай в другом месте», я, безусловно, повиновался бы. «Неужели и Володя меня не поддержит? — думал я. — Не должно вроде так быть».

Подошел Володя, посмотрел на мою работу и, ничего не сказав ни мне, ни начальнику кордона, ушел на прежнее место своей работы. Спустя минут десять передо мной появилась монтажка с заостренным концом.

— Вот этим удобнее будет, — сказал Володя и, забрав мою лопату, ушел.

У меня появилась надежда на то, что мы, может, через час-другой, но все-таки сможем продолжить свой нелегкий путь. С монтажкой дело пошло значительно быстрее, удавалось иногда откалывать достаточно крупные куски льда. И наконец, изрядно утомившись от более чем, двухчасовой усиленной работы, я просто встал на колени прямо в протекавший подо мною горный ручей и стал разрушать лед самыми сильными ударами, на какие только был в то время способен, — налегая на монтажку всем весом своего тела.

Ледяная весенняя вода перехлестывала через мои колени и била меня своими шумящими и звонкими струями прямо по животу, но положение мое для того, чтобы я мог откалывать крупные куски льда, было очень удобным, и мне совсем не хотелось менять его. О том, что нас в горах может застигнуть уже начинающаяся к этому времени ночь, я не задумывался. Да и чего было бояться? Вокруг нас стояли высокие сосны, рядом со мной были люди. В крайнем случае, можно было бы разжечь костер и обсушиться, а к ледяной воде я был привычен с самого раннего детства.

Мне тогда даже и в голову не могло прийти, что сегодняшнюю ночь мне придется провести в абсолютно полном одиночестве и без огня…

Наконец к моему облегчению, я увидел, что задние мосты, под которыми я проделал уже значительный проход, стали оседать все ниже и ниже. Машина заметно выровняла свое положение. Я подошел к Александру и спросил:

— Саша, где-то тут топор был?

Он указал мне на место недалеко от машины.

— Посмотри, там где-то лежал.

Я нашел топор и через десять минут закончил свою работу. Подошел Володя, посмотрел и сказал:

— Сейчас спущу шины на самое низкое давление, и выйдем.

Я засомневался: «Нет, посидим, однако, еще здесь часик-другой», — подумал я. Но Володя в этом деле оказался опытнее меня. Зашипел выпускаемый из шин воздух, ЗИЛ-131 заметно присел, а шины превратились в какие-то почти бесформенные лепешки.

«Неужели выйдет? — думал я. — Скорее всего, нет».

Володя завел двигатель, прогрел его и включил самую пониженную передачу. Медленно, но верно, как огромная и неуклюжая черепаха, наш русский вездеход начал выкарабкиваться из бесчисленных ледовых обломков и расщелин, в которых мы с ним просидели немногим более трех часов. За этим, казалось бы, самым рядовым и простым дорожным сюжетом мне ясно увиделись долговременные усилия наших русских инженеров и конструкторов военного вездехода. Мысленно я благодарил Бога за их нелегкие труды по созданию этой, может быть, не совсем экономичной, но все же чрезвычайно проходимой машины!

Быстро собрали инструмент и закидали его в машину. Володя накачал в шины нормальное давление, я залез в кузов машины, и мы продолжили свой путь дальше. На небе уже начали загораться яркие крупные ночные звезды, лес вокруг дороги стал заметно редеть, и мы как-то очень быстро оказались в каменистой и безлесой гольцовой зоне. Проехав верхнюю точку перевала, спустя полкилометра, мы вдруг неожиданно остановились…

При свете фар я не видел перед собою совершенно никакой опасности впереди: под нами был обычный каменистый грунт, столь свойственный для гольцовых зон, где земли обычно было очень немного, а более преобладала мелко-каменистая слежавшаяся крошка. Но Володя, уже неоднократно проезжавший по этой дороге, думал иначе.

— Дальше ехать нельзя. Там впереди болото, надо ждать, пока его не прихватит утренним морозом. Если сунемся прямо сейчас, придется уже точно бежать за трактором.

— А далеко мы уже отъехали от…? (я назвал наименование ближайшего алтайского поселения).

— Да, километров двадцать восемь, — ответил Саша.

Всем стало ясно, что ехать дальше действительно уже нельзя. В кабине был водитель, старая женщина и Саша. Саша предложил:

— Что будем делать, Николай? Вчетвером мы в кабине не поместимся, а там, наверху, ты замерзнешь, ты ведь промок. На тебе куртку, — он бросил мне свою легкую болоньевую куртку и прибавил: — Если замерзнешь, стучи в кабину, я тебя поменяю, согреешься. Заворачивайся в брезент.

Я накрылся курткой, завернулся в брезентовую палатку от машины, лег на мешки с продуктами и стал смотреть на небо… Крупные яркие звезды были с несказанной щедростью рассыпаны рукой Всемогущего Творца по всему необъятному ночному небосклону. Мне казалось, что эти звезды светили перед самыми моими глазами. Конечно же, в высокогорных районах толщина атмосферы на несколько километров меньше, чем внизу, и по этой причине в ясные ночи звездное небо в горах смотрится намного отчетливее и значительно красивее, чем в долинах, да и звезд на небе видится больше.

Впечатление от раскинувшегося надо мной необъятного звездного неба увеличивалось еще и тем, что я, лежа в кузове машины и проделав в брезенте небольшое отверстие для дыхания, ничего более вокруг себя не мог видеть, кроме как единственно этой ночной и невероятно впечатляющей меня картины… Такого неожиданно близкого и совершенно неизъяснимо изумительного ночного глубокого небосвода я в жизни своей никогда, наверное, более не увижу…

Возможно, что в жизни каждого человека есть такие минуты, которые хотелось бы сохранить в своей душе подольше, а если возможно, то и навсегда. Это и была тогда (к сожалению, очень нечастая) именно та самая минута, когда душа моя, довольная прожитым днем, могла неспешно внимать раскрывающимся внутри нее тайнам Божиего Всемогущества и неизреченной Его Любви к многогрешному и безумному Своему созданию.

Душа моя в этот момент очень ясно ощущала внутри себя присутствие Любви Божией. Но всю полноту того чуда, которое произошло со мною в эту ночь, я смог ясно осознать лишь ранним утром…

«Надо же, — подумал я, — какой теплый ветер дует». Я сделал окно в брезенте пошире и обвел своим взглядом всю расширившуюся передо мной необъятную панораму ночного высокогорного неба. «Наверное, с юга пришел необычайно теплый фронт воздуха, ведь в мае на гольцах ночью –10°С, а то и –15°С — самая нормальная температура, а сегодня отчего-то просто как-то совершенно по-летнему жарко».

Я опять посмотрел на небо и скинул с себя половину накрывавшего меня тяжелого автомобильного брезента. В этот момент я почувствовал какое-то необъяснимое и очень сокровенное прикосновение к самым глубоким струнам своей многогрешной души. Небосклон, как мне показалось, необыкновенно расширился — и я увидел себя не вне, а как бы внутри безграничного звездного неба. Мне вдруг ясно припомнились все те необъятные пространства и бесчисленные количества звезд, наполняющие всю видимую нами вселенную, о которых я слышал еще на уроках астрономии. Невероятное количество лет необходимо лишь для того, чтобы свет от какой-либо удаленной от нас звезды мог хотя бы только дойти до нас. Как же все-таки велика вселенная, пределов которой никогда не сможет постичь никакая человеческая наука!

Где-то в глубине души я очень ясно осознавал, что со мною в этот момент происходило что-то совершенно необычное. Такие звезды я не видел еще никогда! Я чувствовал себя так, как будто мое зрение вдруг неожиданно обострилось до силы астрономического телескопа.

— Видишь все эти беспредельные миры и бесконечные, бесчисленные скопления звезд? — вдруг ясно и отчетливо спросил меня какой-то неведомый голос.

— Вижу! — ответил я, глубоко и искренне потрясенный всей необъятностью и глубиною так неожиданно открывшегося перед моим внутренним взором таинственного и мистического зрелища.

— Знай, — сказал мне тот же голос, — все то, что ты сейчас видишь, Богу было создать легче, чем тебе зажечь свечу!..

В это время я неожиданно для себя очень быстро и крепко заснул, обдуваемый неведомо откуда взявшимся в высокогорье в это время года необычайно теплыми ночными ветрами. Когда я проснулся, уже рассвело: я был весь абсолютно сухой. «Надо же, — подумал я, — весь высох начисто, пока спал». Я руками залез в сапоги, из которых я еще только вчера поздно

вечером несколько раз выливал воду на лед. Но и в сапогах все было совершенно сухо. Мое тело за ночь затекло на неудобных мешках и ящиках, на которых я спал всю ночь. Я решил размяться немного и, спрыгнув с машины, чуть было сильно не подвернул себе ногу. Вместо ожидаемого мною в точке моего приземления грязного месива меня встретила до самого дна промерзшая лужа.

«Откуда лед? — удивился я. — Ведь всю ночь было необыкновенно тепло, так что я не только не мерз, а даже и весь до ниточки высох!» Тут было явно что-то не так…

Я снова ощупал свою одежду. На мне все было совершенно сухим. «Но уж портянки-то с шерстяными носками никак не могли высохнуть на мне даже и в самую что ни на есть жаркую ночь, — подумал я. — Их как-то придется сейчас подсушивать, может быть, на костре, когда спустимся к границе леса».

Я снял сапог и размотал портянку. Но и там все было совершенно сухим. «Тут что-то не так»», — снова подумал я, и до меня наконец-то стало кое-что доходить… Я походил по обледеневшей дороге и скоро убедился в том, что даже самые сильные удары каблуком по лужам не смогли образовать на их поверхности ни единой, даже и малой, трещины… «Это какой же силы должен был быть сегодня ночью мороз, чтобы все — даже и самые глубокие лужи — промерзли буквально насквозь? — подумал я. — Значит, никакого необычного теплого южного фронта сегодня в горах не было! А просто Всемогущий Господь и Бог мой, в очередной раз жалея мое грешное тело и душу, согрел меня этой ночью Своим необыкновенно ласковым и приятным теплом…» В машине начал кто-то шевелиться. Выглянул Саша:

— Ну как ты там? Замерз?

— Да нет, не замерз. Даже высох за ночь, — ответил я.

— Ладно дурака валять. Высох!.. — сказал Александр. — Небось колотуна гонял всю ночь? Нам втроем в кабине и то холодно было. Два раза пришлось двигатель прогревать и печку включать (я так крепко спал, что ничего этого не слышал), а ты высох?!. Сейчас поедем помаленьку.

Володя завел машину и стал прогревать двигатель.

Саша открыл дверь машины и вылез на подножку.

— Лезь в кабину, согреешься.

— Не надо, — сказал я. — Я вперед пойду, посмотрю, что там, а потом в кузов запрыгну, когда вы меня догоните.

И я пошел вперед. Спустя недолгое время меня догнал ЗИЛ, под колесами которого лопались и с сухим треском расходились смерзшиеся верхние слои широкого высокогорного болота, объехать которое в этом месте было невозможно нигде. Тяжелая машина, хотя и ломала поверхностную корку льда на болоте, но за счет смерзшихся кусков льда все-таки держалась на поверхности болота достаточно уверенно. «А Володя-то вчера вечером оказался прав. Если бы мы сунулись в это место не сегодня рано поутру, а вчера ночью, то нам, скорее всего, даже и трактор бы не помог», — подумал я.

Я запрыгнул в притормозивший ЗИЛ. Миновав еще несколько опасных мест и преодолев вброд без всякого моста одну из высокогорных речек, мы прибыли, наконец, к десяти часам утра на место моей будущей работы. На кордоне меня ожидала уже давно привычная мне жизнь среди милых моему сердцу гор и одиночества…

Это было, безусловно, по-настоящему счастливое для меня время. Для страшных продолжительных и многолетних духовных бурь, которые ожидали меня впереди, тогда еще не наступили установленные Богом сроки.

Я много и почти непрестанно молился. Перечитывал около десятка имеющихся у меня духовных книг и нередко думал о том, что какое же это все-таки высокое и великое счастье — жить в уединении с Богом и для Бога. Менять свою судьбу на какую-либо иную я не хотел. Все, к чему я тогда стремился, у меня уже было.

Порою мне начинало казаться, что двери православного аскетического бесстрастия уже начали — по милости Божией — открываться мало-помалу внутри моей души.

В то время я даже и отдаленно не мог подозревать, на какой далекой тогда еще ступени я отстоял от истинного православного подвижничества! И то, что мне казалось истинным христианским бесстрастием, было не чем иным, как лишь пустым САМООБОЛЬЩЕНИЕМ, возникающим от полного неведения всей истинной глубины своей крайне испорченной грехом духовной природы, столь ОБЫКНОВЕННЫМ для тех, кто только-только начинает свой многоскорбный молитвенный многолетний путь ко Христу.

Наступил июнь. Вокруг уже поднялась обогретая летним солнцем зеленая трава, и в самое короткое время выросло великое множество очень красивых и ярких альпийских цветов. Ночью 3 июня неожиданно выпал едва не по колено снег. Смена времен года в течение одной ночи была очень впечатляющей! Но самое красивое и поразительно символичное зрелище настало к полудню, когда летнее солнце пригрело и снег, немного подтаяв, присел, — вот тогда-то я и увидел очень редкий горный пейзаж, который повторно мне не приходилось видеть более пи одного раза в жизни, ни наяву, ни даже на фотографиях.

На ослепительно белых, без единого зеленого пятнышка снежных полях, прямо из-под снега цвели распустившиеся в полную свою силу высокогорные прекрасные цветы! Белый-белый снег и цветущие на снегу в полную силу цветы… Обнадеживающий и в то же время невыразимо печальный для души символ… Этот очень редкий пейзаж мне приходилось наблюдать почти три дня. Потом летнее солнце все-таки взяло верх, и снег потом уже, как и обычно, стал выпадать только лишь на самых высоких вершинах гор.

Глава 16. Полтора часа с ангелом

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наболевшую грудь!
Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!
Как жажду, средь мрачных равнин,
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.
Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить.
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!

Все было лишь ложь и обман…
Прощай, и мечты и покой,
А боль незакрывшихся ран
Останется вечно со мной!
Ямщик, не гони лошадей!..

Старинный романс

Мне очень хотелось сходить в храм на службу, но идти можно было только пешком, потому что лошадь на кордоне была одна и она всегда была необходима начальнику кордона. Если бы я решил идти по хорошей и набитой дороге, то это оказался бы длинный кружной путь с неизбежной ночевкой в одном из незнакомых мне алтайских поселков, а мне очень не хотелось ночевать у совсем незнакомых людей. Я зашел в дом к начальнику кордона и стал подробно и тщательно изучать на карте тот район, в котором я теперь жил. Очень скоро я нашел более короткую и, как мне тогда показалось, более удобную тропу. Я взял карту у Александра, принес домой и обстоятельно ее изучил.

Маршрут представлял собою около сорока километров до ближайшей пастушеской стоянки, хозяина которой я очень хорошо знал еще по моему первому периоду работы в заповеднике, от стоянки до ближайшего алтайского поселения, где был православный храм, оставалось пройти еще столько же.

Поход я разделил мысленно на две части. Если встану пораньше, думалось мне, пройду четыре перевала и не собьюсь с дороги, то смогу быть на знакомой пастушеской стоянке еще задолго до наступления полной темноты. Последний перевал на этом маршруте был самым высоким: на нем стояла отметка выше двух тысяч метров. Внизу, почти под самым подножьем перевала, находился очень хороший, большой и весьма выгодный для меня ориентир — два озера: одно круглое, а другое продолговатое и длинное. Потом начиналась граница леса, где (я знал это хорошо по опыту) тропу найти сразу же будет достаточно нелегко, но у меня должен остаться на этот случай достаточный запас времени.

Хорошо осознавая опасность и сложность этого еще не знакомого мне маршрута, я перерисовал необходимую мне часть карты на отдельный листок, нанес километровую разметку между основными точками маршрута, обклеил с двух сторон перерисованный листок бумаги скотчем, чтобы он не раскис от дождя в дороге, и рано утром, чуть только начала заниматься светлая полоска утренней зари, вышел в далекий путь, взяв с собой двухдневный запас продуктов, спички, нож, воду, прорезиненный плащ и часы.

Первые два перевала я прошел без особых приключений. По почти неменяющемуся направлению тропы я понимал, что иду в правильном направлении. Но на третьем перевале, когда я уже миновал его верхнюю точку и начал спускаться, на меня вдруг совершенно неожиданно обрушился сильный штормовой высокогорный ветер. Некоторые особо сильные порывы в полном смысле этого слова сбивали меня с ног. Ветер дул с такой страшной силой, что я даже не мог увидеть на своей собственной руке часы, чтобы узнать, сколько же сейчас времени. Ветер буквально выдавливал мне глаза, а крупные капли дождя сильно и больно били по лицу. Пришлось идти, очень сильно наклонившись к земле и плотно прикрывая лицо ладонями рук. Самое неприятное во всей этой истории было то, что совершенно негде было укрыться от этой вездесущей силы штормового ветра, сокрушающей не только мои глаза, но и все мое бедное тело. Я находился в открытой гольцовой зоне, где не было ни скал, ни деревьев, ни крупных камней. И как мне ни хотелось этого избежать, но все же пришлось свернуть с тропы и пройти с километр в сторону, где виднелся старый дощатый загон для овец, которым пользовались местные пастухи во время выпаса скота на альпийских лугах. Когда я, уже

совершенно обессиленный, вошел в помещение загона, мне стало значительно легче.

Все дощатое, самого древнего и примитивного вида помещение старого загона от сильных порывов ветра ходило ходуном. Некоторые доски с немалой силой хлопали о стены и, казалось, были готовы вот-вот сорваться со своих мест. Но я точно знал, что с этими досками ничего не сделается. Ведь если этот старый загон выдерживал порывы горных ветров десятки лет, то и сейчас с ним случиться ничего не должно. Внутри этого строения совершенно ничего не было. Негде было даже присесть: загон был сбит крупными гвоздями и состоял лишь только из одних голых стен. Дощатая дырявая крыша и земляной пол — вот и все удобства! Как мог, я искренне благодарил Бога за это столь своевременно встретившееся мне примитивное укрытие от страшного ураганного ветра. У меня в этой ситуации оставался только один выход — находиться в укрытии и ждать, когда ветер хоть немного умерит свою страшную силу, и молиться.

Два или три раза я делал отчаянные попытки выйти из старого загона, но мне приходилось вопреки своему желанию опять поспешно возвращаться назад и, стоя в углу, где менее всего продувало ветром, терпеливо ждать, пока разбушевавшаяся стихия хоть немного, но ослабит свою неукротимую ярость. Время шло… Прошло уже более часа, а ветер вовсе и не думал утихать. Я поглядывал на часы и начинал уже заметно волноваться. Ночевка в столь высокогорным районе в это время года и при такой погоде ничего хорошего мне не предвещала. То, что на календаре было 8 июня, совершенно не исключало минусовой температуры ночью, а ливший на улице дождь мог ночью легко перейти в обильный снегопад.

Я подкрепился едой и через силу заставил себя, не оглядываясь назад, бегом побежать вниз по горной тропе. Если, думал я, мне удастся пробежать хотя бы с полкилометра ниже по высоте, то там ветер должен быть меньше, чем на крутых северных склонах перевала, с которого я спускался.

Мои надежды оказались не напрасными, и, преодолев какой-то невидимый метеорологический рубеж, я попал в зону, где ветер хотя и был все еще очень сильным, но все-таки уже не сбивал меня с ног. Когда же я спустился в долину между третьим и четвертым, самым высоким, перевалом, тропа повернула на восток и пошла по южным склонам. Ветра там уже почти не было. Подойдя к гольцовой зоне, я остановился и задумался.

Я находился на самой крайней «точке возврата». Если сейчас повернуть назад, то с очень большими затруднениями, может быть поздно ночью, но я смог бы дойти до своего кордона обратно. Но если я пойду вперед, то через два или три часа об обратной дороге можно будет даже и не задумываться. Я раскрыл карту и тщательно взвесил все «за» и «против». Впереди меня ждал подъем на перевал и спуск, это километров двенадцать. После спуска от двух озер, если мне удастся сразу же найти начало тропы в лесной зоне, останется пройти всего восемь километров, а там уже меня будет ожидать надежный ночлег. Даже если хозяина стоянки дома не окажется, помещения летних аилов все равно на замки никогда и никто на дальних пастушеских стоянках не запирал.

Тропа, уходящая наверх перевала, была шириною в несколько метров. Было с первого взгляда ясно, что это основная и единственная в этих местах тропа через перевал, по которой регулярно местные пастухи на краткий летний период (длившийся не более полутора или двух месяцев) перегоняют скот на альпийские луга и обратно. Сбиться с этой тропы мог только слепой. А наверху, прямо подо мною, должно было быть два очень приметных ориентира. Два озера. Одно продолговатое, а другое почти идеально круглое. Оно называлось Кулу-голь. Заблудиться при таких ориентирах было почти невозможно.

Я решил миновать «точку возврата», надеясь на ширину тропы и на хорошие ориентиры, которые должны были меня ждать за перевалом.

Около трех или четырех километров подъема на перевал все шло как обычно. Но потом начали появляться первые признаки приближающегося крайне серьезного испытания, очень опасного для всякого путника в горах. Из-за высоких и острых белоснежных вершин вышла и стала быстро приближаться ко мне вместе со слабо пока еще усиливающимся ветром белая, с разорванными краями полоса тумана. «Это облака», — подумал я. Если облако не очень большое, то налетевший туман сгустится и через несколько минут может исчезнуть совершенно бесследно, не оставив за собою даже воспоминания. Но если это широкий облачный фронт (о чем не хотелось даже и думать!), то самый плотный туман мог лишить меня всякой видимости от нескольких часов до нескольких суток.

По все более усиливающемуся дождю и быстрой нарастающей плотности тумана я понял, что обстоятельства начали принимать крайне нежелательный для меня поворот.

Дождь начал лить как из ведра, и очень скоро туман усилился настолько, что далее трех или четырех метров от себя я уже совершенно ничего не мог разглядеть. Под ногами стали появляться островки снега от еще не успевшего растаять на этих высотах зимнего снежного покрова, а очень скоро дождь перешел в густой и обильный снегопад. Не прошло и четверти часа, как я потерял совершенно всякую ориентировку. Ни сторон света, ни обратного следа, ни малейших признаков так неожиданно исчезнувшей из-под моих ног тропы, глядя на которую я еще только час назад говорил сам себе: «С этой тропы может сбиться только слепой», я не видел.

Очень быстро и совершенно для себя неожиданно я оказался в положении, когда счет моей жизни мог перейти уже не на дни или годы, а на самые короткие часы… Спички были надежно и герметично упакованы, но нигде не было даже и малого кустарника. Кругом торчали только голые камни, немного мха и острова нерастаявшего зимнего снега. Сухие места на мне остались разве что под мышками. Новый прорезиненный плащ оказался самой ненадежной защитой от дождя.

Стоит только мне выбиться из сил, перестать двигаться и уснуть… Я очень хорошо понимал, что это будет последний сон в моей жизни…

Самым разумным в этой ситуации было бы оставаться на месте до тех пор, пока не восстановится видимость, но остановиться для меня означало то же самое, что подписать самому себе смертный приговор.

У меня оставался тогда только единственный шанс выжить — идти вперед и только вперед, пусть даже и в совершенно неизвестном для меня направлении. Хотел я того или нет, но у меня оставалась надежда только на единого Бога. Что Он решит, то и будет со мной! В это время со мной и начали происходить никак не ожидаемые мною сильные внутренние изменения, причиной которых не мог быть я сам. Их подавал мне кто-то извне. Совершенно вопреки угрожавшей мне реальной и очень серьезной опасности, я вдруг совершенно успокоился. Потом по моему телу стал гулять удивительно приятный и очень сильный жар, как будто я находился не на холоде в горах, а в жарко натопленной бане, в парилке, на самой жаркой верхней полке. Внутри моей души, почти без усилий, как-то сама собой начала твориться внимательная молитва Иисусова. И что было самое для меня удивительное — я начал совершенно отчетливо и ясно видеть под собой ту самую горную тропу, по которой я единственно только и мог преодолеть находящийся передо мною высокогорный перевал. Я очень ясно видел эту тропу в течение полутора часов — под толстым слоем снега!

Высота нерастаявшего на этих высотах снежного покрова вначале доходила мне до колен, потом выше, и, наконец, мне пришлось преодолевать этот перевал, с великим трудом бредя по снегу по самый пояс. Туман сгущался все сильнее и сильнее, наконец, я совершенно потерял отсчет не только направления, в котором я шел, но даже казалось, что и самое время неожиданно приостановило для меня свое обычное и естественное течение. Почти полтора часа я ничего не мог вокруг себя ни видеть, ни слышать.

Стояла какая-то удивительно плотная, плавающая в белом и необъятно огромном молоке тумана совершенно неземная и даже мистическая тишина! Мне по временам вдруг начинало казаться, что я иду по этому туману уже целую вечность, что вся моя жизнь и все прошлые земные тревоги и заботы — это только иллюзия, и ничего более. Что единственной реальностью всегда был и будет только этот, удивительно молчаливый и по-своему необъяснимо и невыразимо прекрасный, отовсюду окружающий меня, необъятно широкий, бесконечный туман.

По временам у меня возникали очень тревожные и очень пугающие мысли. Кто-то вкрадчивый и не ко времени заботливый тихонько пытался мне нашептывать: «Куда ты идешь, ведь ни вокруг себя, ни под собой ты совершенно ничего не видишь? Ты же попросту кружишься на одном месте! Вот увидишь — через час-другой наткнешься на свой же собственный след. Тогда-то и поймешь, что ты идешь совсем не туда, куда тебе надо, и что ты тогда будешь делать?! Ты идешь неправильно. Нужно идти совсем в другую сторону…» и т. п.

Иногда сомнения были очень сильными и даже почти невыносимыми, но у меня все равно не было совершенно никакого другого выбора, как только слушать другой голос, внятно говоривший мне:

«Ты не заблудился. Разве ты не видишь тропу под своими ногами совершенно ясно и отчетливо? Ну и что из того, что не можешь прикасаться к земле ногами, бредя по снегу, доходящему тебе до самого пояса? Ты же ясно видишь тропу, по которой тебе надо идти, — вот и иди по ней! Чего лучшего тебе еще желать? Ведь ты не мерзнешь и силы пока еще есть, разве тебе плохо?» При этом душу мою охватывало какое-то совершенно неизъяснимое и не свойственное для меня спокойствие.

Хотя я и шел по достаточно пологому склону горы все время наверх, но постепенно по неизвестной для меня причине снежный покров под ногами вдруг начал становиться все меньшее и меньше до тех пор, пока не стал доходить мне только лишь до колен. Когда же прошло уже более часа моего путешествия по белому и, как мне казалось, совершенно бесконечному молоку тумана, я вдруг увидел в нескольких метрах от себя выплывающее из тумана дерево! Конечно же на той высоте, где я в то время находился, никакие деревья расти не могли. Это было культовое дерево, которое еще с незапамятных времен язычники-алтайцы, привязав к нескольким лошадям, подняли по горной тропе из долины и, установив его вертикально, обложили со всех сторон внушительного размера пирамидой, сложенной из крупных камней, для того чтобы культовое дерево не упало от сильных порывов вольного горного ветра. На ветках этого дерева висело великое множество белых и цветных ленточек. Это были приношения духам гор, которые не забывали делать почти на всех вершинах перевалов язычники-алтайцы. Один Бог знает, как сильно я обрадовался этому дереву!

— Слава Тебе, Господи! — вырвалось у меня вслух. — Правильно иду!

Культовое дерево означало для меня в тот момент самое важное! Я точно находился на самой верхней точке моего последнего на этом маршруте перевала. Если бы не очень плотный и густой туман и ни на минуту не прекращавшийся обильный снег, я мог бы легко увидеть прямо

под собою, с километровой высоты, два так долго ожидаемых мною озера, одно продолговатое, а другое круглое. В сердце моем проснулась надежда на то, что я наконец-то смогу выбраться из этого почти безвыходного положения живым.

В этот момент та сила, которая привела меня на вершину этого перевала, сразу же оставила меня… и я очень ясно почувствовал это. Во-первых, мне стало страшно. Во-вторых, я перестал видеть ту тропу под снегом, по которой я пришел к вершине перевала. В-третьих, я стал тут же мерзнуть и даже замерзать. Также и молитва Иисусова совершенно покинула мою душу.

Я ничего не мог поделать с тем, что произошло. Только Бог мог вернуть того Ангела, который довел меня до вершины перевала. Я посмотрел на часы и отметил время моего прибытия на это место. Сделал из камней ориентир на той стороне, откуда я пришел к этому дереву, и присел отдохнуть на камни, немного подкрепить себя пищей и принять какое-то решение.

«То, что я вышел к этому дереву, это, конечно же, самое настоящее чудо и чрезвычайная для меня удача», — подумал я. Дальнейшее направление пути я теперь никак уже не смогу потерять. Я очень хорошо помнил, что на карте, где была обозначена самая верхняя точка этого горного хребта, был изображен очень крутой и местами почти отвесный спуск. Стоит только немного отойти от верхней точки и попасть на крутой уклон, ведущий к двум озерам, и шанс выжить у меня оказался бы уже достаточно высоким. Конечно же, при условии, если я сумею благополучно пересечь границу тумана, в чьем густом, молочном и совершенно непроглядном плену я находился уже многим более часа.

Граница облаков, в которых я был, — я хорошо знал это по опыту — могла проходить всего в трехстах-четырехстах метрах ниже меня, но никак не более полукилометра. Но как безопасно преодолеть такое, казалось бы, незначительное по протяженности расстояние? Густой и совершенно непроглядный туман был самой большой опасностью и препятствием для дальнейшего движения. И мне надо было, во что бы то ни стало спуститься вниз, чтобы как можно скорее избавиться от почти полной слепоты.

Выход у меня оставался только один. Попробовать на свой страх и риск спускаться вниз по крутому склону сразу же неподалеку от культового дерева до тех пор, пока не выйду из нижней границы облаков. Хорошо представляя себе рельеф спуска, который был изображен на карте, я конечно же ясно осознавал всю опасность предстоящего мне пути, но какого-то другого, более разумного и безопасного выхода у меня не было.

Через первые же десять шагов в сторону от каменной пирамиды горный уклон, по которому я начал рискованный спуск, стал очень быстро переходить в обрыв. Далее трех или четырех метров внизу себя я совершенно ничего не мог разглядеть. Неожиданно быстро я достиг точки, где мне поневоле пришлось принимать решение. Если я сделаю хотя бы еще один шаг вниз, то дорога назад, наверх, может оказаться отрезанной для меня раз и навсегда! В нерешительности я остановился перед ожидавшей меня неизвестностью…

Если бы не многолетний опыт путешествий по высокогорным районам, то, скорее всего, я без особых сомнений скатился бы еще на несколько метров вниз, где пока что передо мной не виделось никаких явных опасностей. Но я очень хорошо понимал, что, желая выиграть для себя эти самые незначительные по высоте метры, я почти наверняка смогу попасть в одну из самых распространенных смертельных ловушек в горах на Алтае.

Бывает, что скатится неопытный путешественник по горам, хоть зимой, хоть летом, всего лишь на несколько метров вниз, будучи привлеченный кажущимся ему коротким и безопасным спуском с горы. И вдруг неожиданно для себя оказывается в таком месте, откуда спуск

становится уже совершенно невозможным. А иногда даже и самую короткую дорогу наверх преградит совершенно никак не преодолимая бесконечная мелкокаменистая или снежная осыпь. И сколько ни делай по таким осыпям попыток подняться, хотя и на один метр выше, все это бесполезно.

Так потом и находишь останки этих бедолаг, которые видны в горах очень далеко. Зрелище очень печальное и глубоко символичное. Внизу пропасть, а на небольшом каменном островке — человеческий скелет. Сверху же — иногда совсем не длинная, но все же бесконечная мелкокаменистая осыпь… Очень мне не хотелось пополнять собою число этих печальных экспонатов в горах.

Я решительно повернул назад и к своему ужасу заметил, что за те три или четыре минуты, пока я находился в раздумьях, непрестанно падающие с неба крупные хлопья свежего снега почти полностью засыпали мой след, ведущий к культовому дереву! Я упал на колени и, поспешно разгребая снег руками, отыскивая следы на ощупь, ползком вернулся к каменной пирамиде.

Я сел на камни пирамиды и глубоко задумался… Сила, приведшая меня к этому дереву, за грехи мои оставила меня. Если я сделаю еще одну попытку скатиться вниз под гору, то меня может ожидать внизу или медленная смерть, если я застряну на уступе, или же смерть быстрая, если я сорвусь в пропасть. Но вполне возможно, что внизу может не оказаться ни уступов, ни пропасти, тогда все мои опасения погибнуть оказываются совершенно напрасными.

Если бы густой туман облаков рассеялся хотя бы на несколько секунд! Но никаких признаков скорого отступления непогоды не было. Снег медленно и тихо, очень крупными и густыми хлопьями приносил свое обычное и обильное жертвоприношение на нашу грешную землю. По опыту я хорошо знал, что такая погода быстро не меняется. Что делать? Оставалось только сделать еще одну рискованную попытку спуститься вниз к озерам по крутому обрыву горы.

Пройдя метров двадцать или тридцать вниз, я опять достиг того места, где мне пришлось решать: или скатываться вниз в неизвестность, или повернуть назад наверх, все к той же самой и почти неминуемой медленной смерти от холода на вершине перевала.

Благодарю Бога, что в тот момент благоразумие и многолетний опыт путешествий по горам взяли верх и не дали мне сделать рокового шага в неизвестность. Я вернулся к каменной пирамиде, сел на камни и горько-горько заплакал…

«Видно, за большие и тяжкие грехи мои придется мне здесь умереть… Недели через две или три пастухи должны будут прогонять скот на пастбища в соседней долине, тогда-то они и найдут мой холодный труп на этом месте…» — подумал я. Мысль эта для меня была крайне неприятна. Но я уже ясно понял, что если отойду от этого места хотя бы на пару десятков метров, то очень скоро собьюсь с дороги и непременно обреку себя на то, что даже и тела моего никто не найдет в горах. «Так уж лучше здесь…» — подумал я. И горькая, горче самой смерти, лютая и злая тоска сдавила мою душу. «Тридцать лет… тридцать лет всего-то только и прожил! Какая короткая и безумно прожитая жизнь!..»

Я завернулся в насквозь промокший и уже начинающий обледеневать плащ и приготовился к неизбежной кончине. Мороз уже начал брать надо мной полную силу. Зубы стали выбивать неровную и сильную нервную дробь. Руки и ноги затряслись как в лихорадке. «Все, — с отчаянием подумал я, — два, от силы три часа осталось мне жить, не больше. Это уже точно конец…» Душевных сил у меня тогда не нашлось даже и на то, чтобы заплакать. Один только

Бог знает, какое это было тогда для меня тяжелое испытание… В моей голове осталась всего лишь одна-единственная мысль: «За грехи мои, видно, Богу так угодно, чтобы я принял здесь смерть от мороза».

Внутри моего тела начало происходить что-то невообразимое: было такое чувство, будто во мне непрерывно работает отбойный молоток, тело стало испытывать невероятно сильные боли и страдания, я приготовился встречать смерть.

А, страшная смерть, что ты стоишь надо мной?
А, страшная смерть, что ты стоишь надо мной?
Или кого ищешь, так зорко глядишь?
Или кого ищешь, так зорко глядишь?
Или ошибаюсь, иль вижу во сне?
Или ошибаюсь, иль вижу во сне?
А, страшная смерть, отойди от меня!
А, страшная смерть, отойди от меня!
Я пойду в церковь. Богу помолюся.
Я пойду в церковь. Богу помолюся.
Ко Святым Тайнам — причащуся!
Ко Святым Тайнам — причащуся!

Духовный кант

Вдруг я почувствовал толчок в плечо… Чей-то мягкий, спокойный и участливый голос спросил меня:

— Что, намучился?

— Намучился, — ответил я.

— Вставай, пойдем дальше, — повелительно сказал мне тот же самый голос.

— Куда? — спросил я. — Куда мне идти, когда я не знаю дороги?

— Домой. Я приведу тебя домой, — сказал голос.

Что мне оставалось делать? Лишь повиноваться этой неведомой для меня и могущественной силе, в руках которой тогда находились как моя жизнь, так и моя смерть. Времени на детальные исследования, от Бога был пришедший Ангел или нет, у меня не было… Сил едва-едва хватило только на то, чтобы встать. Закоченев от холода, я неуверенно раскачивался на ногах, однако попытался продолжить свой крайне тяжелый путь. Я вновь почувствовал внутри себя то же самое тепло, которое около получаса назад покинуло меня на вершине перевала. Тропа под снегом стала опять совершенно ясно и отчетливо быть видимой для моих телесных глаз. Вернулась молитва и начала свое обычное и успокаивающее для души действие. Тело на удивление быстро отогрелось. Сил хотя и оставалось совсем немного, но я все-таки мог продолжать путь вперед.

Когда же тропа стала в некоторых местах забирать немного вверх, я очень удивился, но спорить с Богом и надеяться на свой рассудок мне было уже никак нельзя, сам этой дорогой я никогда даже и не помыслил бы пойти.

Прошло еще минут двадцать нелегкого пути. Вдруг вокруг меня буквально на несколько секунд туман исчез. Я ясно увидел прямо под собой круглое и продолговатое озеро, между которыми и

должна была начинаться тропа, идущая сквозь лесную зону к знакомой мне пастушеской стоянке, где меня ожидал надежный ночлег и крыша над головой. Но более всего меня обрадовало то, что спуск подо мной был совершенно безопасен! Это был очень крутой, но все-таки вполне проходимый для меня спуск в долину, пролегавший среди крупного порогообразного серого скальника. Ни пропастей, ни крутых осыпей подо мной не было, а внизу в долине не было даже и снега — там шел дождь. Я бегом ринулся вниз… падал в снег и перекатывался боком по глубоким в расщелинах скальника сугробам снега, и делал все возможные для меня усилия, чтобы как можно быстрее спуститься с той высоты, на которой я находился… Медлить было никак нельзя…

Конечно, в долине я мог бы разжечь костер и продержаться ночь, но лучше провести ночь на пастушеской стоянке, чем в мокром лесу, под холодным проливным дождем. До стоянки мне предстояло еще идти по открытой долине, а потом и по лесу около десяти километров. Между тем как сил у меня уже не оставалось никаких. Еще поднимаясь на этот перевал, бредя по пояс в снегу, я уже был измотан полностью.

Еле-еле, из последних сил, прилагая почти нечеловеческие усилия, удерживал я себя на ногах, а нужно было еще долго-долго преодолевать теперь уже казавшиеся мне бесконечными снежные сугробы. А потом предстояло еще долго-долго идти до места ближайшего ночлега. Это был крайне тяжелый для меня день. Наконец я увидел внизу слабые просветы и в этих просветах крупный серый скальник и редкие низкорослые высокогорные заснеженные сосны вдали.

Когда, преодолевая смертельную усталость, я спустился в долину и оглянулся назад, то на некоторое время помимо воли даже застыл на месте от сильного впечатления.

Перед моим взором предстала невероятно огромная, величественная естественная природная панорама, очень напоминающая собой видеозаставку мистического фильма.

Необъятной ширины и высоты, крутые и местами почти отвесные горные склоны, от которых я еще не успел далеко отойти, возвышались и нависали прямо надо мной почти вертикальной многокилометровой стеной, подавляя своим невероятно огромным, впечатляющим величием утопающих в облаках, невидимых мною, но ясно подразумеваемых воображением высоких горных вершин.

Глава 17. Благословен Бог наш

В долине меня встретило второе большое стадо сарлыков за этот день. Сарлыки являются одним из видов полудиких яков. Хотя они и считаются домашними животными, но приглядывать за ними всерьез никто и никогда на Алтае не собирался. Вблизи для не привыкшего к ним человека сарлыки могут показаться очень страшными. Огромных размеров, полудикие-полудомашние животные, чьи длинные клочья густой шерсти нередко касаются земли, на самом деле ведут себя при встрече с человеком совершенно миролюбиво. Сарлыки настолько сильно привязаны к высокогорью и одиночеству, что не уходят с гор даже и на долгие зимние месяцы. Загнать сарлыков на высотный пояс ниже полутора или двух тысяч метров над уровнем моря можно только методами самого крайнего принуждения. По этой причине искать стада сарлыков по лесам никому и никогда не приходится. Открытые просторы и крутые пустынные горные склоны являются их круглогодичным излюбленным и неизменным местом обитания. Подножный корм сарлыки добывают себе сами. На вид они могут показаться неуклюжими, но бегают и прыгают по очень крутым и узким горным тропинкам с невероятной быстротой и ловкостью.

Взрослые быки и коровы, растянувшиеся по долине почти на километр, мирно продолжали пастись, не удостоив меня даже беглого взгляда. От невероятной усталости я, не огибая сарлычьего стада, пошел прямо посреди них. Чувствовал, видно, этот зверь свою силу, поэтому никто из них не обратил на меня, жалкого и усталого, совершенно никакого внимания.

Даже традиционно считающийся хозяином тайги на Алтае медведь крайне редко дерзает подходить близко к сарлычьему стаду, не говоря уже о волках и прочей мелочи.

При приближающейся опасности вожаки стада быстро сбивают молодняк в середину и занимают круговую оборону. При этом поднимается страшный и ужасный рев, более напоминающий собою громогласные рыкания львов, чем мычание. И дай Бог ноги унести от разъяренного вожака стада любому, даже и самому крупному, медведю! Местные пастухи рассказывали мне, что вожак стада может, неожиданно и быстро выскочив из общего ревущего круга сарлыков, легко догнать и одним ударом острых и очень длинных, иногда длиннее полуметра, рогов мгновенно прикончить не успевшего удрать и утратившего разумную осторожность топтыгина.

Молодые сарлычата, потешно и совсем не по-коровьему задрав длинношерстные лохматые хвосты, сворачивали их над спиной калачиком точно так же, как это делают сибирские собаки лайки, и носились во всю прыть по широкой пустынной горной долине. Хотя я и знал, что посреди сарлычьего стада мне не будет грозить никакая опасность, но мое сердце поневоле замирало от страха, когда мимо проносился очередной десяток «ребяток-сарлычаток», каждый из которых был размером с добрую корову. Земля заметно содрогалась при их ко мне быстром приближении. Сарлычата (дети — они, как известно, и в Африке дети) потешно, как это обычно делают молодые козлята, подпрыгивали, взбрыкивая своими задними ногами в воздухе. На меня они тоже не обратили совершенно никакого внимания, чему я был искренне рад. По всей долине разносилось их не по-детски громкое: «Р-р-р-ы! р-р-р-ы! р-р-р-ы!», раздававшееся эхом по широким горным просторам.

Немного отойдя от стада, я остановился и, набираясь сил для дальнейшего пути, минут пятнадцать любовался на весело резвившихся молодых сарлычат. Продолжающийся обильный холодный дождь был им, в отличие от меня, только в радость.

Пройдя около двух километров по открытой равнине, я вдруг заметил на противоположной стороне долины высоко поднимающийся к небу столб дыма, выходящий из трубы старой летней пастушеской стоянки, расположенной на краю длинного озера. Это меня очень удивило. Я хорошо знал, что на эту летнюю стоянку пастухи должны были подниматься со скотом приблизительно около середины лета. Рано еще было по календарю быть пастухам на этих безлюдных высотах!

Но густой, прямой как стрела плотный столб дыма указывал на то, что на старой стоянке были люди. «Может, на охоту кто-нибудь из алтайцев поднялся сюда на лошадях?» — подумал я и без особых раздумий повернул к старому дому. Хорошо зная традиционное гостеприимство алтайцев, я уже ясно представлял себе теплую встречу, может быть, даже с совсем незнакомыми мне людьми. Если бы на старой, полуразвалившейся от ветхости стоянке никого не было, я бы не обратил на нее совершенно никакого внимания. Но раз там были люди, значит, меня там непременно ожидал гостеприимный прием, тепло и ночлег.

После того как я прошел метров двести или триста по направлению к старой стоянке, я неожиданно почувствовал необъяснимый страх.

— Не ходи туда! Там тебя ничего хорошего ждать не будет! — сказал внутри меня кто-то ясно и

отчетливо.

— Как это не будет? — возразил я мысленно. — Не было на Алтае такого случая, чтобы усталого путника принимали на пастушеской стоянке плохо! Если там нет сильно пьяных алтайцев, все будет хорошо.

Успокоенный такой мыслью, я продолжил путь к старому дому, из которого так заманчиво продолжал валить густой столб дыма.

— Не ходи туда! Там тебя ожидает смерть! Тебя там непременно убьют!

От неожиданности сказанного я сразу же остановился. Необъяснимый страх усилился… «Не может быть! Не те сейчас времена, чтобы в горах местные алтайцы ни за что ни про что убивали пришедших на их огонь путников», — подумал я, но страх не отступал.

Всего лишь в полукилометре от меня находился ночлег, тепло и сытный ужин, но по какой-то причине нельзя было туда идти. Я сделал еще несколько шагов по направлению к старой стоянке и вдруг совершенно ясно понял, что у меня попросту не хватит внутренних сил, чтобы преодолеть нечеловеческий и необъяснимо сильный страх перед этим местом.

Пришлось повернуть назад. Еще около получаса ходьбы я все останавливался и останавливался по дороге, оглядывался назад и смотрел на густой и так ясно видимый мною столб свежего дыма над старой полуразвалившейся пастушеской стоянкой, и напряженно думал: «Ну почему мне нельзя туда идти?! Ведь там же люди! А я так смертельно устал и как никогда сильно нуждаюсь хотя бы в кратком, но отдыхе — там все-таки тепло и ночлег, а дождь все не перестает лить и лить…»

Потом уже, находясь в более спокойной обстановке, я несколько раз анализировал в памяти все то, что со мной в тот день происходило в долине, и даже удивлялся потом тому, как это я сразу же не заподозрил ничего неладного в этом деле, прожив в лесу более половины своей жизни? Я ясно и отчетливо видел белые, колеблющиеся, поднимающиеся высоко в небо клубы свежего дыма — почти около часа! Да любой наблюдательный человек, даже не будучи семи пядей во лбу, легко заметит, что свежий белый дым из печи, и тем более в июне, никогда не сможет идти из трубы более нескольких минут… В этом доме совершенно никого не могло быть! Вероятнее всего, там были демоны, а дым, который я видел так ясно и отчетливо, в природе вовсе не существовал.

Демонские наваждения в высокогорьях Алтая были достаточно обычным и даже, можно сказать, почти бытовым явлением. У меня не было ни одной ночевки на пастушеской стоянке, где бы старые пастухи не рассказывали о тех или иных проделках «курмеса» — злого духа в горах. В особой силе воздействия злых духов в высокогорье мне приходилось убеждаться неоднократно на собственном опыте. Но чтобы в течение почти часа бесы морочили мне голову подобными призраками? Такого со мной раньше никогда не случалось.

По Божией милости, тропу в лесной зоне, приведшую меня к следующей пастушьей стоянке, я нашел, проплутав по лесу не более пятнадцати минут. Но идти по этой тропе было невероятно тяжело не только для смертельно уставшего человека, но даже для здорового и полного свежих сил путника. Избитая копытами ежегодно прогоняемых стад крупного рогатого скота, тропа была от долго продолжавшегося дождя очень сильно раскисшей, липкой и скользкой. Несколько раз я поскальзывался и падал в грязь то спиной, то боком.

На зимнюю стоянку Ивана (так звали хорошо мне знакомого пастуха-алтайца) я пришел уже почти в полной темноте. Зимний дом был закрыт на замок, не было в широком скотном загоне

ни одной коровы или овцы. Из этого я понял, что Ивана на стоянке нет, что было для меня очень странно.

Пастушеское алтайское радио говорило мне, что Иван должен был быть на стоянке. А в подобных делах пастушеское радио — из уст в уста — в принципе никогда не выдавало ошибочной информации. «Значит, произошло что-то срочное и непредвиденное, раз Иван ушел со скотом с зимней стоянки», — подумал я, и моя догадка подтвердилась на следующий же день.

В летнем аиле, который никогда и никем не закрывался, на меня капало с крыши. Но, к счастью, небольшое количество сухих дров, старый котелок и кружку мне все-таки удалось найти. Единственными «удобствами», которыми я мог бы воспользоваться этой ночью, были не по моему росту короткие, примитивные, сделанные из нестроганных жердей нары да пень, на котором можно было сидеть. Конечно же я при моих, еще не забытых навыках вскрывать чужие замки мог бы очень легко и быстро открыть замок Ивана и переночевать в его доме, но подобный поступок мгновенно разлетелся бы по всем уголкам Алтая по пастушескому радио.

Личностью я был очень хорошо известной среди пастухов-алтайцев, и не дорожить мне своей, доселе ничем еще подобным не запятнанной репутацией не было никаких причин. «Пересижу у костра ночь, не впервой. Крыша над головой, хотя и протекающая, — все-таки крыша. Разожгу костер побольше, как-нибудь отогреюсь и скоротаю ночь. Даже и кипяток в моем положении и то великая милость Божия», — подумал я и начал натаскивать в летний аил необходимое для ночлега количество поленьев.

Рано утром, чуть только начало светлеть на восточной стороне небосклона, я вышел из аила отдохнувший, немного выспавшийся, почти сухой и вдоволь напившийся горячего кипятка. Дождь закончился. Через восемнадцать километров я прибыл на следующую пастушескую стоянку. Двери были не заперты, я постучался. Послышалось приглашение войти. Зайдя в дом, я поздоровался с незнакомым мне стариком-алтайцем на алтайском языке.

— Здравствуй, здравствуй… — приветливо ответил мне старик по-алтайски. И почти весь дальнейший разговор мне пришлось вести со стариком на его родном языке: он очень плохо говорил по-русски.

— Чай будешь? — это был самый первый, традиционно неизменный вопрос ко всякому путнику, зашедшему на пастушескую стоянку.

— Буду, — ответил я.

— Вон там черный чай, — старик указал на большой казан, стоявший на печной плите, — а вон там белый. Ты чай пить по-русски будешь или по-алтайски?

— По-алтайски.

— Тогда сам наливай, толкан (прожаренное и перемолотое на ручной каменной мельнице пшеничное или ячменное зерно) и соль на столе.

Я налил черного чая, засыпал в него толкан, посолил и начал с удовольствием пить. Старик внимательно смотрел за всеми моими движениями. Хотя он видел меня впервые, но я был почти на сто процентов уверен, что старик знает обо мне по пастушескому радио если уж не все, то почти все.

Когда я несколько лет назад прилетел на вертолете в Алтайский государственный заповедник

и впервые попал на одну из пастушеских стоянок, меня до глубины души потряс тот факт, что увидевший меня впервые в жизни старик-алтаец, коротко спросив меня, откуда я и кто, уверенно сказал:

— А, знаю! Ты в Горно-Алтайске занимался… — и рассказал мне подробно обо всех моих самых последних видах деятельности в республиканском центре за последние три или четыре года. И это спустя всего лишь неделю после того, как я впервые прилетел на кордон в совершенно незнакомые мне места за пятьсот километров от города! Было чему удивиться, учитывая тот факт, что все передавалось только из уст в уста. А среднее расстояние между удаленными пастушескими стоянками обычно составляло двадцать — двадцать пять километров.

Когда я выпил первую кружку чая, старик сказал:

— Еще пей.

Я молча налил себе чаю и сделал его опять по-алтайски.

— Откуда идешь? — спросил старик со свойственным для старых алтайцев невозмутимо спокойным выражением лица.

— Из… — ответил я и назвал кордон, из которого я вышел вчера утром.

Старик удивленно и даже недоверчиво посмотрел на меня и переспросил:

— Из…?

— Да, — ответил я, — я там егерем работаю, вот хочу спуститься в…, по делам надо.

— А где ты прошел?

— Через Яломан.

— Как через Яломан? — старик явно не верил моему ответу.

— Через Яломан, — я показал рукой в сторону перевала и, чтобы перевести разговор на другую тему, спросил старика: — А где Иван…? — Я назвал фамилию пастуха, на чьей стоянке мне пришлось коротать эту ночь.

— Он в … спустился, коровам прививки делать надо. Начальство требует.

Вспомнив о виденном на Кулу-голе свежем дыме над старой пастушеской стоянкой, я спросил старика:

— А на Кулу-голь пастухи давно поднялись?

— На какой Кулу-голь? — спросил старик.

На Алтае почти каждое третье небольшое горное озеро традиционно именуется Кулу-голь, а почти каждый четвертый перевал назывался Яломаном. Хорошо зная эту местную особенность, я опять показал рукой в том направлении, откуда я вчера пришел, и назвал фамилию пастуха, в чьем владении находилась старая стоянка на берегу Кулу-голя.

— Там никого нет, — уверенно сказал старик, — туда только через две недели подниматься будут. Сейчас там трава еще не выросла. Рано еще.

— Может, на охоту кто поднялся, я же ясно видел, что там из трубы дым шел?

— Нет там никого. Тропа одна. Никто не проходил. Я бы знал, — лаконично отрезал старик, — да и дом там худой, холодно там еще жить.

Хорошо зная все местные обычаи, я понял, что старик говорил мне чистую правду.

«Так кто же там мог быть, когда далее по этой тропе в горах даже и на сотни километров никто не живет в это время года?» — подумал я, но ничего ему не сказал.

— Так ты через Яломан пришел? — спросил старик, как мне опять показалось, с некоторым недоверием.

— Да. Там есть прямая тропа через горы, — и как мог на алтайском языке я объяснил ему все подробности моего перехода.

Старик выслушал меня внимательно, все понял и молча сидел, медленно и степенно потягивая дым из своей длинной алтайской трубки. Я налил себе третий стакан горячего чая. И вдруг старик, вынув длинную трубку изо рта, с совершенно нескрываемым удивлением громко произнес:

— Как через Яломан?! Да там же сейчас и на коне проехать невозможно. А ты пешком?!

Надо просто хорошо знать традиционную выдержку и невозмутимость стариков-алтайцев, чтобы дать должную цену его громкому возгласу и откровенно удивленному виду.

— Да так, прошел. Местами наверху, правда, снега очень много. Но это километра четыре или пять, а потом ничего, чисто все. Пройти уже можно, — и, вспомнив о культовом дереве, спросил: — А от вершины перевала, где дерево с ленточками стоит, сразу вниз спуститься можно или нет? А то мне в обход долго пришлось идти по склону горы.

— Нет. Прямо вниз там пройти нельзя. Там худое место. Беда будет.

— Это на коне не пройдешь, — не унимался я, желая точно знать, правильно ли я сделал, что не стал вчера спускаться сразу же вниз от каменной пирамиды, — а пешком, может, можно пройти?

— Нет, — лаконично отрезал старик, — пешком там не пройдешь. Там пропасть. Убьешься сразу.

Я допил третий стакан чая и заторопился к выходу, потому что надеялся успеть в поселок еще до начала вечерней службы.

— Оставайся, отдыхай. Ты сильно устал. Вечером должны подъехать два моих сына с охоты. Может, мясо привезут. Оставайся, — сказал мне старик приветливо.

— Нет, — ответил я, — мне быстрей надо, — и, соблюдая местные обычаи, немного поговорил со стариком обо всем, о чем традиционно положено говорить на всех пастушеских стоянках в подобных случаях. Потом поблагодарил хозяина за теплый прием и вышел на дорогу к поселку.

Разговор со стариком-алтайцем заставил меня задуматься о многом. Впредь надо быть поосторожнее на незнакомых дальних переходах в начале лета — укорил я сам себя. А на старой стоянке, скорее всего, действительно некому было быть. Не иначе как действительно

вчера «курмес» надо мною свои злые шутки хотел пошутить?

Из многочисленных рассказов местных алтайцев я знал, насколько страшными всегда были душевные и телесные последствия для тех, кто дерзал близко подходить к достаточно нередким в этих местах демонским привидениям и призракам. В лучшем случае, таких людей ожидало пожизненное душевное расстройство или безумие. В худшем — очень жестокое избиение. Мучение дикими плясками, безумным беганием по диким непроходимым местам и страшная смерть. Трупы тех несчастных, которым довелось испытать на себе силу демонских издевательств, были сплошь покрыты бесчисленными мелкими и крупными ранами, одежда была вся разорвана на мелкие клочья, обуви, как правило, не было и т. п. К счастью, случаи со смертельным исходом были явлением в высокогорном Алтае очень редкими, но привидения и демонские страхования в горах были настолько частыми, что на это никто даже и не обращал особенного внимания. Если бы я не послушал вчера своего Ангела Хранителя и дерзнул бы близко подойти к старой полуразрушенной пастушеской стоянке, то, скорее всего, и меня за грехи мои ожидала бы очень грустная участь…

Оставшееся двадцать два километра до поселка я прошел без каких-либо особых затруднений или приключений. При самом подходе к алтайскому поселку меня встретил колокольный звон. Звонили к вечерней службе. «Как жаль, — подумал я про себя, — я так торопился на службу и все равно опоздал к ее началу». На часах было без трех минут четыре. А мне еще надо было пройти весь длинный и растянувшийся по речной долине поселок до храма, да еще и сильно уставшие ноги совершенно отказывались прибавлять ходу.

Когда я подошел к дверям храма, было уже двадцать минут пятого. Каково же было мое удивление, когда, открыв дверь, я услышал самые первые слова вечернего богослужения, которые произносит священник при начале службы… «Благословен Бог наш… всегда, ныне и присно, и во веки веков…»

Когда же, сидя за столом на квартире вместе со служившим иеромонахом, у которого я по старому знакомству остался ночевать, я спросил:

— Отче! А почему сегодня служба началась на целых двадцать минут позже обычного, ведь звонили-то без трех четыре?

Он ответил:

— Да, со службой что-то никак с псаломщиком сразу разобраться не могли, запутались в богослужебных указаниях на сегодняшний день. Вот и начали на целых двадцать минут позже. Раньше такого никогда не было.

Глава 18. За порогом жизни земной

Потому и вы будьте готовы,
Ибо, в который час не думаете,
приидет Сын Человеческий.

Мф.24:44

По непостижимой иронии судьбы смерть, неизменно щадившая меня в самых крайних и безвыходных обстоятельствах, нашла мою душу и отправила ее в мир иной в совершенно спокойной для меня и мирной обстановке.

Три с половиной месяца я лежал, находясь в очень тяжелом состоянии в новопостроенном церковном доме. Врачи признали болезнь неизлечимой, и из сострадания ко мне отец И. согласился содержать меня на всем готовом. Сердобольные прихожане храма готовили мне еду, приносили воду и топили печь в помещении, где я находился. Дай Бог им всем спасения и всех земных благ! Конечно же, я никак не ожидал того, что моя затянувшаяся болезнь может закончиться переходом в вечность, но что произошло, то произошло!

Приблизительно около получаса перед тем, как моя душа покинула грешное тело, я почти непрерывно стонал от сильных и жестоких болей и едва-едва мог без ропота на Бога терпеть все более и более усиливающиеся мучения. Я был в доме совершенно один. Наконец-то начал наступать для меня, казалось, крайний предел всех душевных и телесных сил. Как вдруг я почувствовал, что все жестокие боли и страдания неожиданно куда-то исчезли. На короткое время я увидел себя самого у потолка комнаты, в которой я поначалу тогда находился, и тут же вверху потолка прямо предо мной раскрылся круглый и очень длинный и, как мне даже поначалу показалось, совершенно бесконечный тоннель. Тоннель состоял из частых концентрических кругов, связанных между собой общими стенами.

В первый момент я даже не сумел понять всей значимости того, что со мною произошло. Мне тогда просто показалось, что снится какой-то странный сон.

Я влетел в этот тоннель и начал с очень быстро нарастающей скоростью лететь внутри пего. Полет длился очень долго. Так долго, что мне казалось, что я уже никогда не смогу дождаться конца этого безграничного тоннеля. Скорость моего перемещения по этому тоннелю была настолько высокой, что все концентрические круги, летевшие мне навстречу, превратились в одну сплошную, серую и бесконечную полосу. И вдруг где-то очень далеко — в самой непостижимой для меня дали — я увидел наконец-то выход из тоннеля. Потом выход начал приближаться ко мне, и я, быстро миновав его, оказался в совершенно неизвестном мне месте…

Первое, на что я сразу же обратил внимание, это был мой собственный вид. Я увидел, что я — шар. Шарообразное полупрозрачное и слегка светящееся в полусумраке существо. У меня не было никаких рук и никаких ног, и в то же время они, несомненно, были! Я не знаю, как это объяснить, но это именно так и происходило.

Когда я, будучи шаром, смотрел в какую-либо сторону, то я не мог уже ничего видеть из того, что находилось позади меня. Но если нужно было взглянуть в другую сторону, то я чувствовал, что поворачивался сначала только лишь своей головой, а потом уже и всем телом в необходимом направлении. Все как на земле, но только намного скорее. Там тело исполняет послушно и практически мгновенно все твои мысли.

Когда же я начал молиться Богу, то, хотя невидимая сила и несла меня с очень большой скоростью в пространстве, я все же ясно видел, что я встал на колени, воздел руки к Небу, и так — не прекращая своего очень быстрого полета — молился.

Там, в том мире, вообще все другое. Есть много общего с земным миром, и есть то, чему аналогов в земном мире нет. Там, так же как и на земле, есть верх и низ. Внизу очень темно, и там ад. Я видел бесчисленное количество грешников, мучающихся в аду. Вверху — Свет, и там Господь.

Бог, конечно, Вездесущ, но когда там начинаешь молиться, то все силы души направляются при этом вверх, туда, где в неприступной дали находится невидимый Престол Всевышнего. Праведники там находятся вверху, а грешники далеко внизу — это несомненно. Одно из

наиболее ярких отличий мира земного и мира загробного заключается в том, что здесь мы, как бы того ни хотели, а не можем видеть сквозь материальные предметы. В загробном мире таких проблем нет. Находясь на одном месте, я мог одновременно с легкостью видеть как различные мучения грешников в аду, так и любое из блаженств праведников. При этом одна картина сменяла другую, совершенно не мешая мне ясно видеть то, что было далее нее.

Так же как и на земле, там есть время, но оно там другое. Там вечное время, а здесь на земле — временное! Там душа ясно понимает не только свое бессмертие, но и всю прекраснейшую бесконечность окружающего ее пространства и времени.

Есть Бесконечность и Вечность по существу, они могут принадлежать и принадлежат единственно только Богу. А есть бесконечность и вечность по благодати, они подаются Богом тому миру, тем живым существам и тому времени, в которое предстоит перейти всякой человеческой душе после смерти человека. От этого-то и время там другое, оно так же бесконечно, как бесконечен содержащий его Бог.

Наше земное время после пришествия Христа на землю, наверное, прекратит свое существование, но то время, которое протекает там, не прекратится никогда. И осознание того, что там нас будет ожидать именно бесконечное время и бесконечное бытие, преисполняет душу такой неизъяснимой радостью, что описать с точностью это чувство невозможно никакими земными словами. Нужно непосредственное присутствие и участие Божиего Духа в душе слушающего, чтобы он смог хотя бы отдаленно, но представить себе то, что может нас ожидать за порогом земной жизни. Душа, попавшая в загробное время, сразу же начинает понимать именно свое бессмертие. Бессмертие по благодати. Потому как по существу бессмертен только один Бог.

Все то, что мы ценим и любим здесь, на земле, там, за гробом, совершенно НЕ ИМЕЕТ НИКАКОЙ ЦЕНЫ! Ни родственники, ни честь, ни богатство, ни то, что о нас думают наши ближние, ни то, что мы думаем о себе сами, — там, за гробом, нам никак не пригодится. Самой важной для человека там становится лишь ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ МЫСЛЬ: УГОЖДАЛ ЛИ ТЫ БОГУ И ИСПОЛНЯЛ ЛИ ТЫ ЗАПОВЕДИ ЕГО? Мысль эта предельно проста по смыслу, но как часто, живя на земле, мы порой забываем о том, что, помимо угождения Богу, других целей существования у нас на земле быть-то не должно…

За грехи мои за гробом меня встретили отнюдь не святые Ангелы, а бесчисленное множество бесов. И до сего дня не могу без внутреннего содрогания вспоминать их невероятно страшный и безобразнейший вид. Встречая беса и заглядывая в его глаза, сразу же ясно понимаешь, что это такая ненависть, на которую не способен ни один из самых злых и жестоких людей на земле. Глаза их светят темно-красным огнем совершенно неизъяснимой ненависти ко всякой душе человеческой, а сами они невероятно черны и безобразны. Они встретили меня, по множеству грехов моих, огромной и громко кричащей толпой! Представьте себе огромную, бесчисленную стаю черных, как деготь, ворон, летящую с огромной скоростью по направлению к вам и при этом еще и вращающуюся вокруг своей оси, подобно скрученному по горизонтали вихрю. Ужасное это было зрелище для меня. Я совершенно отчетливо понял, что то, что я вижу, — это вовсе никакой не сон, а самая что ни на есть абсолютно реальнейшая реальность, и что меня сейчас будут за мои грехи непременно судить…

Что тут начало внутри моей души твориться! Одному только Богу известна вся сила тех чувств, которые я в это время испытывал… Я упал на колени, воздел руки к Небу и взмолился, что было моих грешных сил.

Сразу же оговорюсь, что молиться здесь, на земле, так, как может молиться душа там, за

гробом, не сможет никогда и никто. Если бы сила моей молитвы тогда обратилась в звук, то, наверное, деревья и дома стали бы рушиться от нечеловеческой силы моего крика.

— Господи! — орал я, стоя на коленях, но в то же время, продолжая приближаться с очень большой скоростью к летящей мне навстречу, ревущей со страшной силой стае безобразнейших бесов. — Господи! Неужели уже все? Я ведь даже и жить-то еще не начинал! И одного мгновения еще не прожил! И уже все?!! Господи! Пощади! Господи, помилуй! Господи, спаси! Господи! Неужели уже все?!! — и опять по кругу все сначала и до конца.

Когда расстояние между мной и бесами предельно сократилось, я утроил и даже удесятерил свои крики… Всемогущий и Милосердный Бог не оставил моей молитвы не услышанной. Где-то там, далеко-далеко наверху, я увидел очень большое и сильное круговое движение, как будто кто-то с силою возмутил надо мною большое количество невидимого эфира или воды. Куда при этом исчезла огромная стая бесов, я даже и не успел, как следует понять.

Кто-то могущественный и властный выхватил меня из-под самого их носа, и я мгновенно оказался в том же самом тоннеле, по которому я в это, надо признаться, не очень-то светлое и веселое место прибыл. И опять этот бесконечный и очень мучительный для души полет, но только уже в обратную сторону — домой, за грехи мои на весьма мрачно встретившую меня землю.

Когда я спешно покинул комнату, где осталось мое несчастное грешное тело, я тогда еще толком даже ничего не успел понять. Возвращался же я назад, конечно же, с совсем другими мыслями и настроением, если то, что я тогда испытывал, вообще можно было бы наименовать «настроением». Душа моя так трепетала и содрогалась от пережитого необычайного ужаса, что мне было явно не до «настроения»! Все бы отдал, Бог знает, если бы мог, и бессмертия своего мне не жаль, только бы не видеть бесов поблизости и не иметь с ними ничего общего ни там, ни здесь!

Где-то в бесконечной дали я увидел сквозь летящие навстречу с огромной скоростью концентрические круги выход и приближающуюся ко мне землю. Сначала это была очень маленькая и почти едва-едва заметная точечка вдали, потом она начала очень быстро нарастать. Скорость моего полета сильно снизилась, и я ясно и отчетливо увидел с высоты землю, на которую я, по милости Божией, оказался чьею-то силою возвращен.

Стоял полдень. Сверху я очень хорошо увидел весь свой горный поселок. Голубые купола храма, двор и крышу дома, в котором умер. Пролетая сквозь крышу и потолок дома, я не почувствовал даже легкого ветра от того, что прошел сквозь них. Когда я залетел в свою комнату, то первое чувство, которое я испытал, это было… ЛУЧШЕ БЫ Я СЮДА НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАЛСЯ!

После того бесконечного света и радости, которые я пережил за гробом (что происходило конечно же до встречи с бесами), все на этой земле мне показалось невероятно грязным, противным и дурно пахнущим… Грязный, серый и преисполненный какого-то невыразимо тоскливого и мрачного запаха воздух… Все вокруг такое некрасивое, такое жалкое — мрачная тюрьма, да и только!

Когда я подлетел, встал у изголовья и взглянул на свое же собственное тело, то холодные мурашки ужаса прокатились волнами по всем уголкам моей глубоко несчастной и перепуганной до «полусмерти» души. Я увидел неподвижный труп с сильно посиневшим и перекошенным (очевидно, от мучавшей меня перед самой кончиной сильной боли) лицом, повернутым очень сильно налево и вниз.

Сам я, вернее, душа моя, был величиною не более новорожденного младенца, отчего безобразие моего трупа для меня только усиливалось. Он казался таким огромным и ужасным. И мне предстояло в это холодное, мерзкое, вонючее и невероятно противное тело как-то войти. Я стоял и ясно понимал, что сам в эту мерзость ни за что не полезу. Но и обратно возвращаться — бесам в лапы — не хотелось… За грехи мои я вынужден был выбирать между двумя ужасами. Или ужас повторной встречи с бесами, или ужас вхождения в мое же собственное бездыханное тело. Я стоял сам над собою в полной нерешительности.

И тут вдруг я почувствовал, что кто-то взял мою душу и буквально насильно втиснул ее в тело через то место, которое мы называем темечком на голове. Один Бог только знает, какой страх и ужас я в эти мгновения пережил. Но это было (за грехи мои) только начало новых и продолжившихся далее длительных мучений. Потом все пошло как по цепочке: боль за болью, страдание за страданием. Бог правосуден, и если бы кто-то знал тогда все грехи мои, то так бы прямо и сказал: «Правильно Ты его, Господи, наказываешь, да мало ему еще — можно бы и посильнее помучить! Заслужил!»

Оказавшись в теле, я с ужасом обнаружил, что сердце мое не бьется и дыхания также нет. Очевидно, за время моего отсутствия в теле оно успело остыть… Я чувствовал себя точно так же, как если бы меня живьем запихали в какой-то очень холодный и к тому же невероятно дурно пахнущий камень. Я делал внутри невероятные усилия душой для того, чтобы заставить забиться сердце. Но оно меня совершенно не слушалось. Потом, когда я уже потерял всякую надежду, оно вдруг как мышиный хвостик дрогнуло и сделало слабенькое «тук… тук… тук», но еще гораздо больших усилий мне стоило сделать первый вздох. Один только Бог знает, как мне было в тот момент тяжело и томительно все это переносить. Словно я в тот злополучный для меня день не одну смерть пережил, а целых десять. Неудивительно, что я на целых три с половиной месяца совершенно сошел с ума!!! Несколько раз я, находясь внутри своего мертвого и холодного тела, приходил в полнейшее отчаяние и начинал роптать на Бога своего и Творца за то, что Он вернул меня в тело.

Неужели мне придется невыразимо томительно, долго и мучительно бороться внутри себя со своею смертью еще целую вечность, чтобы потом, выскочив из него, пуститься опять по бесконечному тоннелю туда же, откуда пришел?..

Наконец мне все-таки с невероятным трудом удалось вдохнуть первый маленький глоточек воздуха. И только после того, как я сделал первые несколько очень слабых вздохов и задышал, я понял, наконец, что смерть, ПО МИЛОСТИ БОЖИЕЙ — И В ЭТОТ РАЗ ОТСТУПИЛА ОТ МЕНЯ!

Слава, Господи, неизреченному Милосердию Твоему! Чувствовал я себя после смерти невероятно плохо. Страшная, иссушающая жажда буквально разрывала каждую клеточку моего многострадального тела. На мою беду, в церковном доме в это время никого не было. Встать я не мог, а вода была на кухне, путь к которой из моей комнаты пролегал через большой зал и коридор. Я упал с кровати и по-пластунски пополз на кухню. Оказавшись там, к своему огорчению я увидел, что ведро с водой стоит не на полу в углу, а на обеденном столе, куда обычно его никто и не ставил. Там же находилась и кружка для питья воды. Невероятно тяжких усилий мне стоило с пола дотянуться сначала до кружки, которая от моих неуверенных движений упала со стола и больно ударила меня по голове. Потом, пролив на себя почти четверть ведра воды, я с трудом зачерпнул воду и наконец-то напился. «Слава Тебе, Господи! Кажется, теперь уже буду жить». И завыл, заскулил, как побитая собака, от вернувшихся очень сильных и жестоких болей. Так же, ползком, я (про запас напившись воды) вернулся на место страданий — на свою и так уже изрядно опостылевшую мне кровать. Порою по целым дням я лежал без движения, и крупные, горькие слезы непрестанно катились из моих глаз. «Господи!

Господи! — умолял я. — Дай мне сегодня возможность только один раз встать с постели и потихоньку, по стеночке дойти до туалета и обратно, лишь один раз за день! Господи!» Но Бог знает полезное, по большей части мне только и оставалось, что продолжать бессильно скулить изо дня в день… так и не получая просимого.

О своей смерти и о возвращении на землю я около десяти лет никому не рассказывал. Потом очень долго я никак не мог отойти от воспоминания загробных впечатлений. Единственным моим желанием тогда было: только бы меня никто не замечал и не трогал. Только бы мне где-нибудь сидеть тихо и укромно да твердить и твердить молитву Иисусову. «Господи Иисусе… Господи Иисусе…» Совершенно ничего мне было тогда не нужно, кроме этой молитвы!

Но как все же слаб и немощен человек по своей испорченной грехом природе! Прошло несколько лет, я выздоровел. А так как смирения во мне, разумеется, никогда и не было, то попущением Божиим, после пятилетнего перерыва вернулись грехи курения, употребления спиртного, сквернословия… Зная о неизбежной ответственности перед Богом, грешить подчас очень сильно не хотелось. Но Бог знает полезное — падения мои в самые многоразличные, а иногда даже и в самые и позорные грехи, начинали с годами повторяться снова и снова.

На борьбу с греховными падениями у меня ушло около пятнадцати лет.

Глава 19. На берегу реки, текущей в вечность

(Единственная выдуманная глава в этой предельно правдивой повести. Данная глава проходила более чем недельную литературную обработку, что-то убавлялось, что-то прибавлялось и очень многое изменялось… Эта глава — попытка выразить духовные взгляды автора с помощью литературного жанра притчи. К тем, которые считают себя способными видеть и общаться со святыми лицом к лицу, я всегда относился недоверчиво…)

На берегу реки, текущей в Вечность, я повстречал Мудреца, задумчиво глядевшего на течение этой бесконечно глубокой реки. Я спросил его:

— Как твое имя?

— Я — это ты, — ответил Мудрец.

— Но ты не можешь быть мною, — возразил я.

— Нет, я — это ты, — ответил Мудрец, — потому что скажу тебе только то, что ты окажешься способным услышать.

— Хорошо. Не буду спорить с тобой. А есть ли такие вопросы, на которые ты не знал бы ответа?

— Нет, — сказал Мудрец, — таких вопросов, на которые я не мог бы дать ответа, нет. Но есть много ответов, которые ты не окажешься способным услышать.

— Скажи мне: в чем смысл и счастье жизни?

— Смысл жизни только в приближении к Богу. Если ты не приближаешься к Богу в повседневной жизни, то суетно будут протекать дни твои.

— Твой ответ прост, но часто я не знаю, что приближает нас к Богу, а что нет.

— Хорошо знает все один только Бог, и те, кому Он Сам соблаговолит открыть. А мы очень часто не можем ни о чем ни говорить, ни судить справедливо…

— Значит ли это, что зло надо воспринимать как добро, а добро как зло, если справедливо мы ни о чем судить не можем?

— Нет, не значит. Зло и грех есть то, что они есть, они не могут называться добром. Так же и добро не может называться злом. Но в любом человеческом добре всегда присутствует примесь нечистоты перед Богом.

— Как же мне избавиться от этой примеси нечистоты?

— Для того чтобы понять этот помысел не искаженно, надо много молиться и иметь о себе невысокое мнение.

— Как это понять?

— Надо приучить видеть себя самого во всем грешным и немощным. Нет такого человека на земле, который мог бы быстро прийти к смирению.

— Почему?

— Если бы ты имел смирение, то не задал бы этого гордого вопроса.

— Прости меня. Скажи, а как устроена душа человека и из чего она состоит?

— Душа — это сосуд.

— Какой сосуд?

— Бесконечный. И в твоей, и в моей душе помещается вся Вселенная.

— Мне трудно поверить в это. Но скажи мне, как же проявляется эта бесконечность в душе моей?

— События всего мира и всей Вселенной, хочешь ты этого или нет, по замыслу Божьему, отражаются в душе твоей. Так же и все твои мысли, дела и поступки отражаются на всех событиях, происходящих во всей Вселенной.

— Значит, я Бог?

— Нет, ты не Бог. В Существе Своем Бог один, но Он дал каждой душе человеческой богоподобное бессмертие и бесконечность по благодати. И Он Сам внутри души человека невидимо держит в деснице Своей все связующие нас со Вселенной нити. Но в то, что Он делает внутри нас, не дерзают проникать своим умом даже и Ангелы.

— А что есть то, чего не могут знать и Ангелы?!

— Поверь мне, брат мой, нам с тобой не полезно рассуждать об этом.

— А смогу ли я сделать так, чтобы злые мысли, которых во мне иногда бывает очень много, не отражались злом во Вселенной?

— Нет, не сможешь. Если ты не станешь внутри себя ежедневно бороться со злом, то по

необходимости станешь сообщником и соучастником зла.

— А что такое зло?

— Это все то, что приводит людей к забвению о Боге и отвлекает от благодарения Ему.

— Так что, все люди должны стать монахами?

— Непрестанно помнить о Боге и благодарить Его может и мирянин, только не надо передавать мои слова людям.

— Почему?!

— Потому, что каждый все равно будет видеть мир таким, каким он привык его видеть. А я не люблю коротких бесед. Они почти никого не меняют к лучшему. И я хотел бы беседовать с тобою бесконечно.

— Неужели бесконечные беседы могут изменить душу человека к лучшему?

— Не беседы, а исполнение заповедей Христа, без которых не может быть исправления к лучшему. А общение между душами бывает и безмолвным. Любящим друг друга не нужны слова.

— Скажи, а легко ли мне будет изменить себя?

— Вначале будет очень нелегко. Но потом легче.

— Почему?

— Бог вначале долго может испытывать и сильно смирять гордость человека, потом начинает помогать ему.

— А долго ли испытывает Бог?

— Все сроки определяет Он Сам.

— Скажи мне, если я сейчас поклонюсь тебе, поблагодарю за беседу и уйду, чтобы не беспокоить тебя, правильно ли я поступлю?

— Нет, неправильно.

— Почему?

— Это гордость. Ты не можешь быть мне благодарным и не можешь уйти от меня.

— Почему же я не могу быть тебе благодарным?

— Сам Христос сказал, что мы без Него ничего не можем.

— Мне скорбно слышать слова твои.

— Если бы не гордыня, не было бы и скорби, а царствовал бы мир и покой в душе твоей. И Сам Господь Иисус Христос невидимо пребывал бы внутри тебя.

— Но почему же я не могу уйти от тебя?!

— Потому что мы связаны с тобою душами. Наши души бесконечны по благодати, и они не могут быть не связанными в Боге. Мы способны быть бесконечно близкими друг другу в Боге или же быть бесконечно разделенными друг от друга, Его же волею. Но тогда мы окажемся в разных местах. Я буду в одном месте, а ты в другом. Захочешь ли уйти от меня?

— Мне не хочется уходить от тебя. Рядом с тобой душа моя испытывает радость и облегчение от скорбей. Скажи мне, а как души всех злодеев и грешников отражаются в душе моей?

— Очень просто. Ты хочешь делать добро и не можешь. И это с самого детства.

— Что же мне делать?

— Старайся искоренять любое зло внутри себя. Если ты не победишь зла внутри себя, то по смерти окажешься вместе с теми, кто его породил.

— А если мне отделиться душой своей от всего зла, находящегося в мире?

— Христос не отделил Себя от всего зла, находящегося в мире, но победил его страданиями души и тела Своего. Тебе ли желать участи более легкой, чем у Христа? Ведь все равно Бог не попустит тебе нести греховный груз, превышающий твои силы. Бог любит тебя.

Я взглянул на реку, текущую в Вечность, и спросил Мудреца:

— Как ты можешь смотреть на эту реку и оставаться спокойным и даже радостным? Смотри, сколько же там страданий?! — Я указал рукою на реку.

— Мне помогает смирение и вера.

— Вера во что?

— В то, что суды Божии никогда и ни к кому не бывают несправедливы.

— Прости меня. А что такое гордость?!

— Гордость, это когда кто-то идет не за Христом, а за самим собою…

На этом мой разговор с Мудрецом на берегу реки, текущей в Вечность, неожиданно прервался…

Заключение

На Востоке существует очень поэтичная поговорка: «Даже и у самого длинного пути всегда есть конец…» Для земных событий эта поговорка, скорее всего, будет справедливой. Но Мудрец, с которым я говорил на берегу реки, текущей в Вечность, поведал мне совсем другую мудрость.

«Все наши помыслы и пути, которые мы начинаем здесь, на земле, никогда не будут иметь конца и в вечности». Вот только куда они нас приведут, эти наши повседневные земные мысли, пути и желания?! Действительно, куда?..

Кто поверит тому, что было?
Кто услышит мои слова?
Неужели ты, Русь, забыла

Про Распявшегося Христа?!
Кто поверит тому, что было?
Кто услышит слова мои?
Русь моя, ты Христа не забыла
И воскреснешь в Его любви!

[1] См.: 1Кор.2:9.

[2] Склады — лес, приготовленный для сплава.

[3] Имя не изменено. — *Прим, автора.*

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch